НАШ САЛАВАТ

95 коп.

НАШ САЛАВАТ

НАШ САЛАВАТ

НАШ САЛАВАТ

Издание
второе
дополненное

БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УФА * 1982

84 (Башк.)
И—37

Составление и редакция
М. Г. Рахимкулова и С. Г. Сафуанова

Н 37 Наш Салават. Проза и поэзия.—Уфа, Башкирское книжное издательство, 1982 г. — 336 с.

Сборник посвящен национальному герою и поэту башкирского народа Салавату Юлаеву, сподвижнику и соратнику Емельяна Пугачева.

В книге представлены стихи самого Салавата Юлаева, русские и башкирские песни о нем, произведения русских дореволюционных писателей и краеведов, а также различные жанры многонациональной советской литературы. Кроме того, дан очерк о судьбе Салавата Юлаева и хроника его жизни и деятельности.

Н $\frac{\text{70403 461}}{\text{М121(03)—82}}$ **без объявл.—82** **84 (Башк.)**

© Башкирское книжное издательство, 1982

СЛОВО О САЛАВАТЕ

Ко времени пленения, 25-го ноября 1774 года, вождю восставших башкир поэту Салавату Юлаеву минуло всего двадцать два. Он был на десять лет моложе Пугачева, чьим сподвижником и любимцем стал. Так рано утвердив свое бессмертие великим подвигом и славой, достойным и мужественным несением возмездия, он остался в народной памяти страстью своей юным и неистовым, а умом и помыслами зрелым. Заточенный вместе с другими мятежниками в крепость на суровом берегу Балтийского моря, он жил еще не один десяток лет. Но остался для потомков таким, каким был до рокового ноябрьского дня.

Сородичи и соратники Салавата были свидетелями его воинской отваги, полководческой прозорливости, они испытали на себе силу и власть его поэтического слова. И они же стали очевидцами кровавой драмы, когда закованного в цепи вождя и его отца царские каратели водили из аула в аул и били кнутом, а он унижение свое и муку нес без ропота и раскаяния. Его терпение мученика было достойно его храбрости бойца.

Потом целых сто лет его грозное имя было запретным. За весь век во всей Башкирии ни одного младенца не нарекли Салаватом. Наречь его именем новорожденного считалось дерзостью, равнозначащей государственному преступлению. Это каралось, и над ребенком заранее нависал злой рок. У нас поэтому крайне редко встречается фамилия Салаватов и то, видимо, псевдонимы — вольное присвоение позднего времени. Огонь, зажженный Салаватом, слуги царя тщательно закапывали в землю, но он не погас, только все глубже и глубже уходил в недра народной души.

Прежде всего я имею в виду его стихи и песни... Их сжигали, за них обвиняли и били кнутом, враги поэта и недруги народа их извращали, вкладывая в них противные правому делу и интернациональному духу Салавата мысли и устремления, но в устах истинных сэсэнов они вновь воскресали в своем первозданном виде.

Очевидно, с высот современной поэтической культуры эти произведения покажутся не очень совершенными, порою наивными. Но не забудем о том, что их сочинял юный воин в седле, на привале, на излечении... Они имели прямое назначение и попадали в цель. Не только боевая призывная публицистика, но и лирические стихи его о красоте родного края, о ночной неге, о любви служили той же главной идее — говорили о том, ради чего и во имя чего идти в бой. И сами они шли в сражение. Когда в музее я трогаю рукой шершавый ствол старинного орудия, непременно думаю о том, какой грозной силой являлось оно для врага в свой век. Так же и стихи.

Однако я далек от мысли, что поэзия Салавата представляет только музейный интерес. Она и сейчас волнует тех, в ком живы раскованный дух и сбывшиеся чаяния Салавата. Стихи его мы воспринимаем как часть его личности, его судьбы, этим они и дороги нам.

Тут невозможно прикладывать обычное мерило искусства.

Чем же все-таки объяснить то, что в течение двух столетий Салават остается Первым башкиром, превратившись в символ своей нации? Видимо, прежде всего его человеческая личность соответствовала требованиям того времени и тех событий. Соединение в нем двух главных качеств — поэта и воина — полно отражало духовный облик самого народа. Что касается смысла жизни и борьбы Салавата, то он, этот смысл, не исчерпал себя даже тогда, когда восстание было затоплено в крови и долгие десятилетия ветер разносил по Башкирии пепел сожженных деревень. Его помыслы намного опережали время. Из всех предводителей десятков башкирских восстаний он первый предугадал, что свободу и независимость невозможно завоевать в одиночку, потому он пошел к русскому казаку Емельяну Пугачеву и под свое знамя собрал не только башкир, но и другие народности, жившие в башкирском крае. Пробудившись сам, словом и делом пробудил он подлинное национальное самосознание башкир, самосознание, вытекающее из понимания общности судеб разных народов, исключающее превосходство одних над другими.

Если Салават по своей значимости был бы явлением только чисто башкирским, а не общероссийским, то, я думаю, его бессмертие не было бы столь прочным даже для нас, его соплеменников. Я уверен в одном: исторический подвиг Салавата заставлял не забывать его стихи, а стихи заставляли всегда помнить его имя.

МУСТАЙ КАРИМ

... И ПЕСНЯ—МЕТКАЯ СТРЕЛА

Салават Юлаев

МОЙ УРАЛ *

Ай, Урал, ты, мой Урал,
Великан седой, Урал!
Головой под облака
Поднялся ты, мой Урал!
Моя песня о тебе,
О любви моей к тебе.

Вместе с полною луной
Золотом одет Урал,
Вместе с утренней зарей
Серебром блестит Урал.

По бокам твоим, Урал,
Встали темные леса,
А у ног твоих, Урал,
Степь — зеленая краса.

---

* Стихи Салавата Юлаева перепечатываются из книги «Поэзия народов СССР IV—XVIII веков» — «Библиотека всемирной литературы». М., «Художественная литература», 1973.

Белоснежные цветы
На лугах твоих цветут,
И цветы, и соловьи
Честь аллаху воздают.

Громко славит птиц напев
Первый ясный солнца луч,
А закатный солнца луч
Провожает, присмирев.

Ай, Урал, ты мой Урал,
Великан седой, Урал!
Все слова я растерял,
Как воспеть тебя, Урал?

Заиграй же, мой курай,
Песню, чтоб вошла в сердца,
И Урал, и весь наш край
Прославляя без конца!..

Салават Юлаев

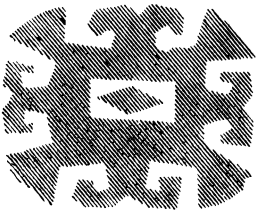
РОДНАЯ СТРАНА

Милая моя земля,
Реки сладкие, поля,
Березняк и чернотал,
В небо вздыбленный Урал,—
Я одну мечту таю:
Родину воспеть мою.

Головой под небо встал
Великан седой Урал,
Этот сказочный простор,
Приковал навек мой взор,
Вечно б я хвалил тебя!
Вечно воспевал тебя!

От родимой стороны
Отлученный навсегда,
В горестной моей судьбе
Все мечтаю о тебе,
Светлая моя земля,
Рек медвяная струя,

Над просторами полян
Мой Урал, мой великан!
Все же я не одинок:
Чуть повеет ветерок,
Принесет он вести мне
О родимой стороне,
О знакомых тех местах,
О медвяных родниках,
О земле, где к небу встал
Мой красавец, мой Урал,
Он приносит вести мне.



Салават Юлаев

БИТВА

Когда-то прежде в нашем краю
Немало знали смелых сынов:
Любой, врага сразивший в бою,
Был тут же к новой сече готов.

Вся жизнь их в грозных битвах прошла:
С дружиной верных богатырей
Великие вершили дела,
Врагов с земли сметая своей.

Нечистых демонов колдовство,
Из пасти льющих змеиный яд,
Драконов черных, их волшебство
Они мечом грозили стократ.

Подобно дедам, одушевясь,
И я коня теперь оседлал,
В священный бой, врага не страшась,
Стрелой помчался, славы искал.

Клинок в клинок ударил, звеня,
Тяжел руки моей был размах.
Три сотни вышли вдруг на меня, —
И многие растоптаны в прах!

Из гущи сечи к быстрой реке
Мой конь помчал меня и унес.
Один на светлом, чистом песке
Хвалу аллаху честно вознес
И снова в бой готовлюсь идти —
Свободу и право в бою найти!

Салават Юлаев

ЮНОШЕ-ВОИНУ

Высоко летает в небе ворон,
Еще выше сокол ввысь взмывает,
Еще выше сокола могучий
Беркут, птичий государь, летает.

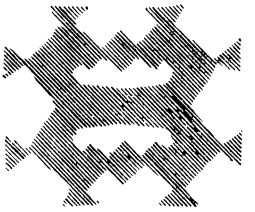
Будь как этот беркут, славный воин,
Будь друзьям опорою стальной,
Выходи на бой с врагом отважно,
Жизни не щадя, бросайся в бой!

Салават Юлаев

СТРЕЛА

Я бросил в небо меткую стрелу
И ласточку подранил в вышине.
К ногам моим упала, трепеща,
И жалко бедной птицы стало мне.

Стрела пернатая, лети опять,
Через леса и горы правь полет.
Не ласточек сбивать стреле в пути —
Коварного врага пускай найдет!



Салават Юлаев

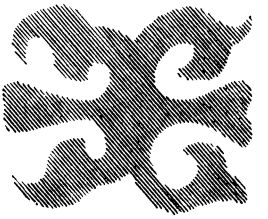
МОЙ КОШ

На крутояре стал мой кош,
Блестит как серебро.
Цветы душистые кругом
Раскинулись ковром.

Табун пасется вдалеке.
В кибитке я лежу.
А рядом — близкие мои,
Все, кем я дорожу.

Тяжелый полог приподнять
Велел домашним я
И молча напролет всю ночь
Слушал соловья.

Так хорошо, так звонко пел!
Так сладко в эту ночь!
И слушал я — глаза сомкнуть
Было мне невмочь.



Салават Юлаев

ЗЮЛЕЙХА

Зюлейха́, ты — как ясного неба привет,
В твоих черных очах звезд немеркнущих свет.

Твои очи темней самых темных ночей,
В них сияние тысяч и тысяч лучей.

Воплощение рая — твоя красота,
Ты, как гурия рая, светла и чиста.

Зюлейха, несказанно люблю я тебя,
Растерял все слова, погибаю, любя.

Мой бессилен язык, чтобы песни слагать —
Ни словами сказать, ни пером описать!

Зюлейха, ты — дочь неба у нас на земле,
Твои очи — как звезды в полуночной мгле!

Салават Юлаев

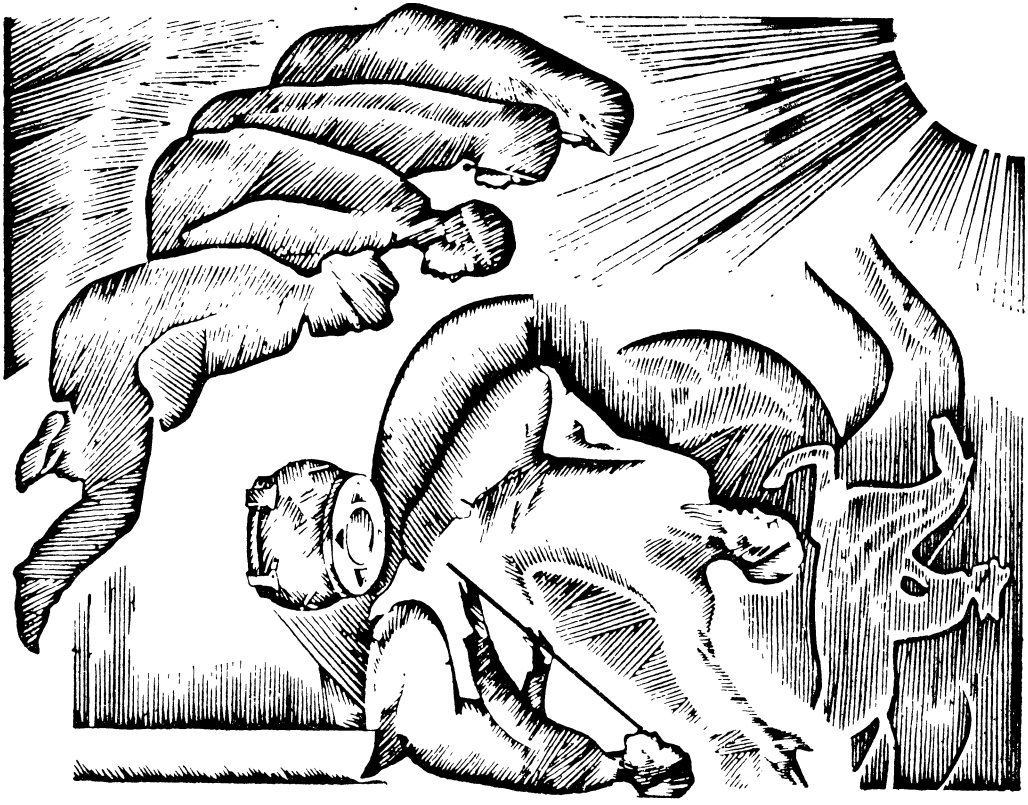
СОЛОВЕЙ

Темной ночью слышна
Песня соловья.
Это песня о чем?
Не отвечу я.

Что́ он нынче поет —
Солнца жаркий луч
Или светлую луну
Ищет среди туч?

Или ясной звезде
Песнь посвящена,
Иль раздолье полей
Славит нам она?
Я не знаю.

ДУША НАРОДНАЯ ХРАНИТ...



САЛАВАТ

(Кубаир)

Батыром славным был Салават,
Конь под ним — как родной был брат.
Тучи клич Салавата рвал,
Если в бой он воинов звал.
Он бесстрашно встречал врага,
Не уступал ему никогда,
Не уступал ему никогда.
Батыром славным был Салават,
Конь под ним — как родной был брат,
Если в бой с врагами вступал,
Лютой ненавистью вскипал.
Для народа он был, как день,
Для врага — как грозная тень,
Для врага — как грозная тень.
Батыром славным был Салават,
Конь под ним — как родной был брат,
Коль в плечо вонзалась стрела,
Говорил: то муха была.
Если кровь из груди текла,
Говорил: то выходит пот,
Говорил: то выходит пот.

САЛАВАТ

(Песня)

О Салавате летит молва,
Что в шапке бобровой его голова,
Что бригадиром стал Салават,
Когда было ему двадцать два.

У коня, что гарцует под ним,
Грудь — в один широкий обхват.
Того, кто к насильникам нетерпим,
Называют батыр Салават.

Салавата могучий конь
Первым устремляется в бой.
Его хозяин — живой огонь —
Воинов песней ведет за собой.

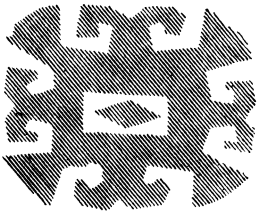
Слышите, едет батыр Салават —
Вдоль Узени копыта гремят.
Салават с Пугачевым вдвоем
Поднялись на борьбу с врагом.

Салават — несравненный муж,
Статью тонок и силой дюж,
Чтоб народ его вольно жил,
Он врагов беспощадно бил.

Гнул я лук — летела стрела.
Была завидна наша судьба.
Вершили великие мы дела,
Вверив Салавату себя.

Горы Уральские — камни скал
Для гнездовища птичьих стай.
Пусть Салавата меж нами нет, —
Он оружием нашим стал.

Пляшет под Салаватом конь,
Сам в седле он — живой огонь,
Вечно будет для нас он свят...
Камни имя его хранят.



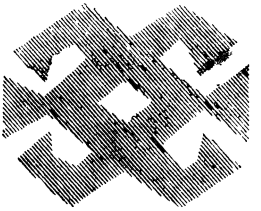
САЛАВАТ НАШ БЫЛ ГЕРОЙ

*(Русская народная песня *)*

Салават наш был герой,
Смело он ходил на бой.
Три кольчуги надевал
И к Кунгуру подступал.
Он к Кунгуру подступал,
Порох-ядра забирал.
Порох-ядра забирал,
Сорок пушек заряжал.
Сорок пушек заряжал,
Да в Кунгур-крепость стрелял.
Как пришли мы до Кунгура —
Там девчонки хороши,
Что девчонки, что молодки —
Они стали во кружки.
Но не так они стояли —
Хороводами играли.
Пели песенки, плясали —

* Из репертуара уральской народной сказительницы К. С. Копысовой (1876—1956).

Пугачева поздравляли,
Салавату ручку жали.
И круг города гуляли,
Все жупаны надевали.
Пугачев с нами гулял,
Алу ленту надевал,
Зеленым вином поил,
Правой ручкой подносил,
Правой ручкой подносил,
Подарочки нам дарил.



ПУГАЧЕВСКИЙ КЛАД

(Уральская песня)

На Инышке-то, в темном озере,
Во стальной воде, да под стеклышком
Спрятан-скрыт лежит
Пугачевский клад.
Он давным-давно был там спрятанный,
Он давным-давно там схороненный.
Он схоронен был в темну-черну ночь,
Поздней осенью, в непогодушку.
Говорил больной Емельян Пугач
Есаулу-то Салаватушке:
— Спрячь-ко, верный друг, это золото,
Спрячь-ко, верный друг, самоцветики,
Чтоб враги сейчас не подкралися,
Царским псам добро не досталося.
Стаи гончих псов по следу,
С горы Ильменя пробираются.
Эх, вернуть бы мне силу ратную,
Всех орлов моих, псами съеденных!
Ох, как сильно меня ранили
Под Магниткою во большом бою! —

Пугачев сказал, всхмурил черну бровь
И махнул рукой он невесело...
Люди ратные сели в лодочки,
Понеслись они левым берегом.
Тучи черные низко свесились,
Ветер нес волну с силой-посвистом
И бросал в волнах остры лодочки.
И неслись они легче перышка,
А в бортах волна лихо ярилась.
Одна лодочка позамешкалась
В камышах-траве, в тихой заводи,
Где стоял давно старый осокорь.
Каркнул вороном Салаватушко
И столкнул ногой бочку с золотом.
И с тех пор давно, много-много лет
Стало место то неприметное,
В камышах-траве затерялося.
И с тех пор лежит бочка с золотом,
Бьет волна по ней сизокрылая,
Только с берега ворон каркает —
Стережет добро пугачевское.

ПУГАЧЕВСКИЙ БРИГАДИР

А. Пушкин

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА

(Отрывки)

Пугачев быстро переходил с одного места на другое. Чернь по-прежнему стала стекаться около него; башкирцы, уже почти усмиренные, снова взволновались. Комендант Верхне-Яицкой крепости, полковник Ступишин, вошел в Башкирию, сжег несколько пустых селений и, захватив одного из бунтовщиков, отрезал ему уши, нос, пальцы правой руки и отпустил его, грозясь поступить таким же образом со всеми бунтовщиками. Башкирцы не унялись, старый их мятежник Юлай, скрывшийся во время казней 1741 года, явился между ними с сыном Салаватом. Вся Башкирия восстала, и бедствие разгорелось с вящей силою. Фрейман должен был преследовать Пугачева; Михельсон силился пресечь ему дорогу; но распутица его спасала. Дороги были непроходимы, люди вязли в бездонной грязи; реки разливались на несколько верст; ручьи становились реками. Фрейман остановился в Стерлитамаке. Михельсон, успевший еще переправиться через Вятку по льду, а через Уфу на осьми лодках, продолжал путь, несмотря на всевозможные пре-

пятствия, и 5 мая у Симского завода настиг толпу башкирцев, предводительствуемых свирепым Салаватом. Михельсон прогнал их, завод освободил и через день пошел далее. Салават остановился в осьмнадцати верстах от завода, ожидая Белобородова. Они соединились и выступили навстречу Михельсону с двумя тысячами бунтовщиков и осмью пушками...

* * *

...Михельсон на Саткинском заводе, спасенном его быстротою, сделал первый свой роздых по выступлении из-под Уфы. Через два дня пошел он против Пугачева и Салавата и прибыл на берег Ая. Мосты были сняты. Мятежники на противном берегу, видя малочисленность его отряда, полагали себя в безопасности.

Но 30-го, утром, Михельсон приказал пятидесяти казакам переправиться вплавь, взяв с собой по одному егерю. Мятежники бросились было на них, но были рассеяны пушечными выстрелами с противного берега. Егеря и казаки удержались кое-как, а Михельсон между тем переправился с остальным отрядом; порох перевезла конница, пушки потопили и перетащили по дну реки на канатах...

1834

Р. Игнатьев

ПЕСНЯ О БАТЫРЕ САЛАВАТЕ

Сюжет песни о Салавате не только в разных, но и в одной и той же местности излагается различно. Она сокращается и дополняется по произволу певца-импровизатора; другой певец бросает свой взгляд на предмет настолько своеобразный, что если записывать слово в слово импровизацию нескольких певцов, то один и тот же Салават выйдет в разных картинах, за исключением, впрочем, сущности: что это был батыр, посланник аллаха и патриот, вроде какого-нибудь Кази-Муллы и Шамиля. Таким он, по крайней мере, является в песне. При изложении песни мы сделали свод из разных импровизаций, нами слышанных. Для тептярей Салават чужд; он не их человек, хотя они и поют его: он для них то же, что для нас герои древнего мира, или для башкир сказочный Еруслан Лазаревич. Многие из них, исключительно женщины и старики, плачут, слушая пение или игру на дудке про батыра Салавата. Песни про Салавата воспламеняли мужество воинов, которые радостно шли на бой и не чувствовали ран, а смерть

встречали с восхищением. Сам Салават*, рельефно выдавшийся из всей массы, остался памятным целое столетие: он явился и воспользовался смутною эпохою в Оренбургском крае в 1773—1774 годах. В это непродолжительное время много было пролито крови: бунт яицких, или уральских, казаков и калмыков, кочевавших близ старой линии; яицкие казаки усмирены; калмыки наказаны или бежали в Китай, а потом разыгралась пугачевщина. Башкирии или башкирам, по словам песни, было худо перед пугачевщиною: едва ли они не подверглись законному преследованию, если не за прямое участие, то за вспомоществование, сочувствие казакам и калмыкам. При таком тогдашнем настроении умов нетрудно было явиться Салавату, вообразившему себя посланником неба, страшному фанатику, ненавистнику неверия. На зов Салавата поднялась Башкирия, когда сюда явился *генерал Пугач* (как сказано в одной современной ему песне) и сделал воззвание башкирам: «вы будете свободны; будете жить, как звери в поле». По преданию, Салават, близ Саткинского завода, в Златоустовском уезде, с 10 000 человек башкир и татар (мещеряков) соединился с Пугачевым, был с ним в Казани и везде, куда только ходил Пугачев. Салават в одно и то же время, как и сам Пугачев, был схвачен и предан суду. Пытки, наказание кнутом и ссылка придали Салавату эпитет мученика.

«Песня про славного батыра Салавата — песня самая грустная и для того, кто ее поет, и для того, кто слушает. Кажется, если бы кто умел все рассказать, как этого достоин Салават, то заплакали бы и небо и земля, леса и реки стали бы издавать стоны. Плачь,

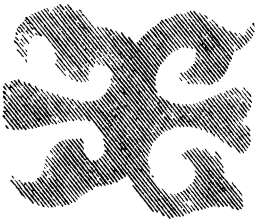
---

* Салават был башкир Шайтан-Кудейской волости, в Уфимском уезде. Дело о нем и об отце, его, Юлае, хранится в архиве Уфимского губернского правления.

человек, если у тебя есть сердце и запас слез, кто бы ты ни был: верный или неверный! Салават был грамотен и изучал закон многие годы; был храбр и благочестив; любил верный народ и очень соболезновал, когда видел, что народу приходилось худо от власти чужого... народа. Аллах велел Салавату идти против неверных и чтобы он объявил о себе народу, что пора всем правоверным соединиться, избрать себе предводителем его, Салавата, и, во всем беспрекословно слушая его, не иметь собственной воли: убитый в сражении и умерший от ран будет в раю. Салават почувствовал в себе необыкновенную силу, что он один может идти на сотню человек, что ему развязался язык, что он может говорить с народом и что народу придется его речь по душе. Речь его и пришлась по душе: когда он пел песни, люди с охотою шли в бой, не чувствовали боли от ран, не боялись голода и холода, ни даже смерти от пули, сабли и штыка, и умирали с радостью; всякое терзание тела приносило, вместо боли и скорби, наслаждение. Даже безоружные кидались в бой и отнимали оружие у вооруженных. Салават в одном бою собственными руками убил более ста человек; в другой раз, один отбился от целого полка; он столько победил неприятеля, что из тел можно было бы образовать гору, не менее любой горы на Урале; одним словом, не было счета побитого врага. Салавата хранила сила божия от всякого оружия неприятельского, чтобы видели люди, что он есть истинный посланник великого аллаха и его великого пророка. Воины Салаватовы обогатились добычею, но сам Салават ничего не брал; он требовал, что его воины в точности держали закон, исполняли намаз и уразу (пост), не ели всего, воспрещенного законом, не пили вина, не заимствовали бы чужого обычая, иначе прогневанное небо погубит отступников и все дело. Салавата позвал к себе царь, благосклонный к народу (т. е.

Емельян Пугачев), который воевал с неверными, и Салават пошел ему на помощь с своими воинами. Он прошел много земель и городов крепких; он вихрем носился везде на своем быстроногом коне-стреле; каждый взмах светлой его сабли, каждая стрела, им пущенная, наносили смерть; коню-стреле нипочем были озера и речки глубокие; он не знал мостов и везде выносил своего батыра, от которого пули отскакивали. Но за неисполнение воинами Салавата закона, аллах предал их и самого Салавата в руки неверных, которые его мучили, терзали смрадною тюрьмою, голодом и ранами: он все терпел с радостью, не показав нигде малодушия, и умер в чужой стороне, за веру и народ.»

1875



Ф. Нефедов

САЛАВАТ, БАШКИРСКИЙ БАТЫР *

(Отрывки)

Белым саваном оделись горы и степи Башкирии; замерли в ледяных оковах зимы прекрасные реки, звонкоголосые ручьи и шумные потоки. Занесло снегами аулы, и только минареты одних мечетей выделяются на беспредельно широком и свинцовом фоне... Везде и на всем печать мертвого покоя и величавого уныния.

Но вот, в стороне, что-то задымилось и живым существом несется прямо на нас, ежеминутно растет и расширяется... В воздухе уже свист и гул... Еще минута — и пропал из глаз последний минарет, кругом все замутилось и слилось... То наступило царство бурана!

Тысячами голосов наполнилась доселе глубоко безмолвная пустыня; как будто стоны, проклятия и пред-

---

* Материалом для настоящего очерка послужили: неизданные еще — «Дело о Салавате и отце его Юлае», хранящееся в архиве Уфимского Губернского Правления; предания, рассказы и песни, собранные автором на месте, в Башкирии. Автор воспользовался также и печатным материалом, с которым удалось ему познакомиться.

смертные вздохи погибающих слышатся в этом страшном хоре... Буран владычествует по всей степи, врывается в самые ущелья гор и хохочет, и поет там какую-то бесконечно адскую песню. По аулам, притаившимся у подошв *испуганных* гор, в юртах трясутся от страха дети, и башкирка мать шепчет молитву.

— Ай-ай! Как шайтан разгулялся, — сдержанно и боязливо переговариваются в убогих избенках. — Беда, ежели кто теперь едет мимо Шайтан-Соре: умереть можно!

Над аулом опустилась ночь. На улице нигде ни души, ни звука; даже лая собак не услышишь. Лишь по-прежнему, но еще грознее, еще бешенее ревет буран; в снежных вихрях его не отличишь в двух шагах жилья человеческого. Аул спит или кажется спящим: только в одной юрте, сквозь брюхавицу, заменяющую стекла, в маленьких, прорубленных в стенке окошках тускло светится огонек.

Заглянем в юрту.

Топится чувал *. По стенам развешаны стрелы, луки и конская сбруя; на нарах, покрытых узорчатым войлоком, сидят, подогнувши под себя ноги и прислонясь спиною к подушкам, старики и пожилые башкиры; на полу, устланном также войлоком, разместились молодые парни. У чувала стоит башкир в бешмете и шапке. Это курайчи — музыкант и певец. Он играет на своей чибизге песни о деяниях старины и подвигах народных героев. Пред слушателями постепенно проходит ряд батырей: Алиша Маузимов, поднявший башкир в 1740 году; Бахтияр, степным орлом летавший по башкирской земле, степям киргизским и становищам неверных; Казирман — гроза урусов; Абутал и другие славные батыры и герои.

---

* Чувал — печь с отверстием вроде камина. Дрова в нее, вышиною иногда до двух аршин, ставятся стоймя.

— Якши, бик якши, — раздается порою между слушателями. — Добрые были батыры, славные батыры.

Курайчи остановился, перевел дух и снова приложил к губам чибизгу. И полилась опять песня, грустная и глубоко-печальная песня: та песня о Салавате...

Ярко пышут в чувале дрова, пламя обливает светом смуглые лица присутствующих; с затаенным дыханием и какой-то особенной сосредоточенностью внимают слушатели звукам песни. А песня чем дальше, тем все грустнее, все печальнее. Омрачились лица молодых слушателей, и слезы заструились по изрытым морщинами щекам стариков.

Но кто же был Салават?

I

Салават — личность историческая; его имя тесно связано с смутным временем пугачевщины. Пушкин в своей «Истории пугачевского бунта» говорит о «свирепом» башкире Салавате и его отце Юлае; позднейшие исследователи новой эпохи русской истории также упоминают о Салавате; о нем сообщают, время от времени, сведения наши исторические журналы; его почтили вниманием и современные романисты... Но, несмотря на видимое обилие литературного материала, личность башкирского героя осталась неопределенною; он выступает с одной, так сказать, внешней стороны, т. е. как бунтовщик и мятежник; но чем был Салават как человек, и какие мотивы руководили им в его «свирепой» деятельности, мы не знаем и можем разве только догадываться... Новые факты, извлеченные нами из официального источника, а равно предания, рассказы и песни самих башкир помогут нам ближе познакомиться с народным героем и заглянуть в его душу...

II

В Уфимской провинции, по сибирской дороге, в горном ауле Юлаеве, Шайтанской волости, жил башкир, по своим способностям и положению личность очень выдающаяся; звали его Юлай Азналин. Это был вотчинник, человек богатый, умный и влиятельный; он пользовался общим уважением со стороны башкир и несколько раз к ряду занимал, по выборам, должность волостного старшины. Местные власти относились к башкирскому старшине с доверием; не даром же Юлай участвовал в погоне за калмыками и ходил в Польшу усмирять барских конфедератов... В его преданности и верности русскому правительству не могло быть никакого сомнения. Вот почему, несмотря на все смуты и преследования, Юлай удержался на своем месте и остался целым; этого мало: в 1768 году Оренбургский губернатор, князь Путятин, сам назначает Юлая старшиною Башкирской команды.

Но башкирский старшина в действительности далеко не был тем, чем он так искусно умел казаться. На глазах Юлая пылали башкирские селения, разорялся край; у него самого купцом Твердышевым, вскоре пожалованным в коллежские асессоры, отнята земля под Симский завод и деревни...*. Истый башкир, горячо любивший свою родину, Юлай не мог оставаться равнодушным зрителем; он маскировал свои чувства, но в душе оставался недоволен и таил месть.

От такого отца родился Салават.

Вместе с радостными улыбками счастливых отца и матери, кровавое зарево догоравших аулов приветствовало рождение Салавата. Семья, природа и школа были его воспитателями; под влиянием их рос мальчик,

---

* «Дело о Салавате и Юлае» Показания Юлая в Московской Тайной экспедиции.

развивались его силы и способности и закладывался характер будущего героя. У себя дома он слышал грустные песни матери и рассказы отца о бедствиях народа; летом, среди приволья кочевок, — опять те же рассказы и воспоминания башкир про счастливые времена, песни и предания о богатырях и великих людях. Впечатлительный, с натурой страстной и поэтической, он ко всему прислушивался, на все отзывался и приходил в восторг от красот родной природы. Все, что он видел и слышал, в настоящем было исполнено горя и нескончаемых страданий, а в прошлом, далеком прошлом, рисовалась перед ним картина довольства и независимой жизни. Хотя не ясно, смутно, но в голове ребенка уже небольно, сам собою, поднимается вопрос, который со временем получит определенную форму и будет разрешен... Но теперь он еще дитя, и слишком жив для того, чтобы над чем-либо остановиться и подолгу думать: здоровому мальчугану хочется играть, лазить по утесам скал, взбираться на горы и оттуда глядеть, с сладким замиранием сердца, на открывающиеся один за другим чудные виды. Вот он взобрался на самую вершину горы-исполина; над ним и кругом — голубой свод неба, над головой кружатся орлы, а внизу... У! Как страшно и вместе невыразимо хорошо, как широко раскрылись смелые глаза мальчика и свободно дышит его грудь!

Салават очень любит свою мать и сильно привязан к отцу, с которым почти неразлучен; куда бы ни ехал отец, сын всегда с ним.

— Отец! Что вон там черное? — спрашивал Салават, указывая на видневшиеся близ дороги груды углей.

— Тут прежде был аул, — мрачно отвечает Юлай. — Его сожгли, когда тебя родила мать.

— А за что сожгли? — допытывался сын.

— Наши стояли за волю, за старые башкирские права. За то и сожгли.

Лицо мальчугана вспыхнуло, и черные глаза загорелись.

— А вот здесь, — показывал отец, проезжая мимо другого и тоже выжженного аула, — нашим рубили топором головы, а кого вешали на столбы...

Ужас на лице сына; он беспокойно повертывается в седле, и — ни слова, только глядит на отца.

— Да, сын, много башкирской крови пролилось, много... А сколько матерей и детей угнали в неволю!.. Да и теперь... Гляди сюда!.. Видишь ты над лесом дым? Тут завод стоит... на моей земле он построен. Знаешь ли ты, что землю эту у меня отняли?

— Отняли?..

— Да... купец Твердышев.

— И ты не прогнал его? — гневно спрашивает сын, хватаясь за колчан с стрелами. — О, если бы я вырос скорее!

Школа, куда ходил Салават учиться, способствовала развитию ума и чувства отрока в одном направлении, а изучение корана дало известную окраску всей последовавшей затем деятельности башкирского героя.

Вот на какой почве вырастал этот дикий цветок.

Салавату исполнилось шестнадцать лет. Несмотря на свой невысокий рост, он обладал громадной физической силой; от всей его фигуры с широкими плечами веяло чем-то могучим и обаятельным, а в черных, задумчивых глазах светились ум и энергия. По силе, ловкости и умению владеть оружием не было равного Салавату. Он первый джигит; ему нет соперника в единоборстве; он пойдет один на медведя и притащит убитого зверя на спине домой. А во время празднования сабантуя кто обгонит всех товарищей, раньше других прискачет в аул и в награду за удаль получит шелко-

вый платок из рук первой красавицы? Салават! Сила в нем проявилась очень рано. Народная песня так говорит:

«Сколько лет Салавату? На голове его зеленая шапка: он батыр. Но если ты хочешь знать о летах Салавата, то ему всего четырнадцать» *.

Но Салават — представитель не одной грубой физической силы. Он — ученый и поэт. Он знает коран и шариат, перед юношей почтительно склоняют головы старики, о нем все говорят, и начитанности его удивляются не только муллы, но даже сами ахуны.

— В нем ум и познания от бога, — решали муллы и ахуны.

— Салават будет великим человеком! — предсказывали поседелые башкиры.

— В его года, и такая мудрость! — шел по всем аулам говор. — Уж не посланник ли он божий?!.

Поэтическое чувство точно так же рано сказалось в Салавате. Природа, родина, рассказы о героях — все и с необыкновенною силой действовали на его впечатлительную натуру, поднимая в душе множество различных чувств, образов и картин. Он хотел бы на все отозваться и все воспеть; но у него, по собственному признанию, «нет слов», и он робко, точно бы стыдясь кого, неверным голосом начинает свою песню.

«Урал мой благодатный! Я хочу петь про тебя песню и славить величие твоей красоты».

«Когда я гляжу на тебя, я сознаю все могущество бога и его дивные дела. Урал! Твои чудные вершины поднимаются высоко и касаются небес. Ночью, когда проснется месяц и окинет взором землю, твои вершины светят чистым серебром; когда солнце встанет и озарит лучами землю, твои вершины золотятся и ог-

* Башкирские песни, распеваемые в честь Салавата, одни сложены народом, а другие самим Салаватом.

нем горят. Везде, куда ни взглянешь, горы и леса, широким ковром расстилается зеленая степь, вся украшенная цветами... Ах, Урал! Я пою про тебя, но у меня нет слов, как воспеть тебя... Нет, видно, моя песня — будет песня без конца!»

Салават жалуется, что у него нет слов и для выражения чувства к девушке, прелестный образ которой пленил его.

«Зюлейха, земная ты гурия! Если бы ты знала, какой любовью горит к тебе мое сердце? В твоих глазах я вижу то кроткое небо, усеянное звездами и с красавицей луной, то океан неизмеримый и глубокий. Ты земная гурия, в которой отразился сам рай... Зюлейха! Я так люблю тебя, но как — не умею сказать!»

Порою из широкой груди певца вырываются и иные звуки.

«Я пустил стрелу высоко и убил пташку. Бедная! Она упала к ногам моего коня. Мне стало так жаль ее! Для чего я, бедная моя, убил тебя?

Лучше, если бы эта стрела попала в неверного, злого врага моей родины».

Последние слова свидетельствуют, что ни созерцание красот природы, ни самое чувство любви не убаюкивали в поэте мысли; наоборот, мысль неустанно в нем работала и с годами крепла; натура здоровая и цельная, он жаждет деятельности, постоянно увлекается и живет полной жизнью.

Семнадцати лет Салават женился. За первой женой скоро в его дом вошла и другая. Обе жены к концу первого же года подарили ему по сыну. Салават любит своих жен и малюток. Он доволен и счастлив. Это счастье тихой семейной жизни, в гармонии с природою, передано Салаватом в одной из его песен.

«Тихая ночь. В перелеске поет соловей. Дивная песня! Кого она славит: бога или величие мира? Может, соловей поет про лучезарное солнце, робкую красави-

цу-луну, ясные звезды, зеленые луга и степи? Я не знаю».

«Над серебристой рекою, среди мягкой, душистой травы стоял мой кош. Вблизи гуляли мои любимые стада. Я лежал в коше; со мной была дорогая моя семья. Я велел отдернуть полог и всю ночь слушал песню соловья. Мне было так хорошо, так сладко, что я не мог заснуть всю ночь!»

«Хор птичек славит бога с утра до зари; но соловей и днем поет и ночью. Значит, соловей больше всех славит бога».

Недолго, однако, Салавату пришлось наслаждаться счастьем домашней жизни. Семья, природа и поэзия не могли наполнить всего существования юноши. Мысль о неверных, мысль об освобождении родины не давала ему покоя и звала его на дело, манила на подвиг. Освободить родину! Сколько чарующего, обаятельного для многих умов в этой мысли; но выступить борцом за ее осуществление мог только поэт, каким был Салават. В своем религиозно-поэтическом настроении он не раз уже слышал голос самого бога, повелевавшего ему восстать на врагов и освободить свой народ.

— Отец, я опять слышал голос аллаха, — говорил Салават отцу, когда оба они уходили далеко в степь и оставались вдвоем. — Нельзя медлить... пора!

Но Юлай старается охладить порывы юноши.

— Нет сын, пора еще не пришла! Придет! Может, уж и не далеко... Надо только выжидать. Башкиры теперь обессилены; им нужно оправиться, собраться с силами.

— Я не хочу ждать, — горячо вступался за своевременность начинания дела Салават. — Народ страдает... Когда тут народу оправиться? Не перебивай, отец! Во имя аллаха я подниму нашу Башкирию, и за свободу родины со мной пойдет весь народ!

— Подожди, — сказал опытный старшина, уставив на сына выразительный и долгий взгляд. — Ты не в меру пылок... Начнешь ежели вовремя, добро родине принесешь, а поторопишься, сгубишь только народ и себя. Тогда уж не встать Башкирии. Ты слышал, какая молва ходит в народе?..

— Про царя, что он жив?

— Вот если правда, что в народе толкуют, — пора для нас пришла, и голос что ты не раз слышал, — голос самого аллаха... А я верю, сын! Недаром же столько времени молва держится, недаром русские попы молятся... Да, скоро наступит час твоего избавления, Башкирия!..

И долго, долго еще не смолкают голоса собеседников. Лучи заходящего солнца падают на мужественные, загорелые лица Салавата и Юлая; тихо светятся глаза отца, и молниею сверкает взор сына.

Опустилось солнце, и красным пламенем вспыхнул закат, молочно-розовый цвет разлился по всему небу. Юлай и Салават встали, сделали несколько шагов и остановились, разостлали на траве большие платки и оба упали на колени, с благоговением устремив к небу глаза. Они молились... Продолжительна и горяча была молитва башкирского старшины и юного батыра.

— Теперь пойдем домой,—проговорил Юлай, окончивши намаз и тщательно складывая молитвенный платок, — бабы, поди, совсем нас заждались.

Над аулом вздымались легкие облака дыма. Башкирки, стоя перед пылающим очагом, готовили в своих кошах ужин. Кругом раздавалось мычание коров, блеяние овец и гоготание гусей, медлительно возвращавшихся с реки на ночлег к аулу; слышен плач детей и убаюкивание матерей. Мимо кибиток мелькают девушки с ведрами на коромыслах; закрываясь рукою, они прячут свои зардевшиеся щеки от нечестивых, но весьма ласковых глаз парней, высматриваю-

щих тихонько из-за угла... У одной большой кибитки чаще других отворяется дверь, из которой то и дело выбегают две легкие женские фигуры, в шелковых зилянах, позванивая цепями серебряных монет в черных, густых косах; глаза обеих женщин, осененные длинными, темными ресницами, обращаются куда-то вдаль и подолгу глядят в одну сторону; выражение грусти и легкой тревоги на их свежих, молодых лицах.

— Идет! — радостно и в один голос вскрикнули обе красавицы.

В конце аула показались двое мужчин; они шли прямо к большой кибитке; но один, не доходя, повернул в соседний кош, а другой продолжал идти.

— Салават! Салават!

Сияющими улыбками, громкими приветствиями встретили батыра молодые жены.

Над аулом ночь. Окрестные горы, лес и кибитки в полумраке приняли какие-то фантастические образы; в изгибе реки, уснувшей в объятиях чернеющих берегов, купаются, все трепеща, серебряные звезды. Тишина. Только порою, бог весть из какой дали, доносится конское ржание и раздается отчетливо топот бегущего косяка; встрепенется иногда в стаде гусь и начнет гоготать, но скоро успокоится и замолчит. И опять все тихо, невыразимо тихо... Вдруг женский визг и мужской смех разбудили спящую тишину! Но скоро опять все стихло. А через минуту — снова визг и сильнее прежнего взрыв здорового хохота.

Проходили дни, недели. Салават ездит из одного аула в другой; стоит лишь ему показаться, как уже со всех сторон обступают его толпы башкир, все хотят видеть и слышать батыра. Салават говорит сам, спрашивает других и испытывает почву.

— Все равно погибать, — рассуждали башкиры,— ежели мы уцелеем, дети наши пропадут. Не лучше ли уж самим теперь умереть, чем дожидаться, когда сы-

новей наших станут вешать и жен их с дочерями в неволю погонят!..

— Хоть и умрем — в бою, за родину, а не в цепях, не на плахе.

— А что говорят русские крестьяне? — допытывался Салават.

— А все то же, что и мы: нам, говорят, не слаще вашего; мы только и ждем, когда царь объявится, чтобы бежать к нему и вместе с ним против господ да чиновников идти.

— Заводские толкуют, что будто уж царь объявился, набирает силу и вскорости на Оренбург пойдет.

— Тогда, и мы, башкиры, подымемся!

— Айда! Мы за тобой все пойдем, Салават!

И везде, куда ни приедет юный батыр, он слышит одни и те же речи. Значит, почва уже готова...

Случайно от заводского крестьянина Салават приобрел ружье, за которое отдает чуть не целый косяк лошадей. Батыр в восторге! У него ружье, он стреляет; привычный глаз верен, и пуля всякий раз попадает в цель.

— О, если бы у каждого башкира было по такому ружью! — восклицает Салават. — Да я достану...

А время идет и приносит с собой новые вести. На Яике опять заволновались казаки: действительно, между ними находится «царь», многие его видели сами, и очевидцы рассказывали о том на базаре: он созывает к себе людей и хочет возвратить свой царский престол, который будто бы у него неправильно и насильственно отняли.

— Отец! Правда, правда! — кричит Салават, не в состоянии более сдерживать чувства страстной деятельности, охватившего все его существо. — Царь на Яике, собирает людей. К нему на помощь!..

— Подождем новых вестей, сын!

— Не хочу! Слышишь: не хочу! Царь без нас возьмет престол, тогда Башкирия...

— Не возьмет, — перебивает спокойно отец, — такие дела не разом делаются... А теперь, пока еще не наступило время, поговорим мы с тобой да обсудим хорошенько, как приступить нам к делу, чтобы не ошибиться в чем и не погубить вконец родины.

Слово «родина» покоряет кипучую натуру восемнадцатилетнего юноши. Он выслушивает отца, возражает ему и высказывает свои мысли и соображения; отец во многом с ним соглашается, многое отвергает; наконец, план действий обдуман и составлен. Осталось только одно: выждать благоприятного случая, чтобы начать осуществление плана.

— О чем ты часто так задумываешься, милый муж? — ласкаясь к Салавату, спрашивала его одна жена.

— Ты стал такой грустный, дорогой муж, — говорила другая, с нежностью заглядывая в глаза Салавату. — Али у тебя есть новая зазноба? Скажи, милый!..

Ни слова в ответ батыр. Он молча принимает ласки, печально, хотя и любовно, смотрит на своих жен и не без усилия подавляет вздох, готовый вылететь из его широкой груди.

В голове у него одна мысль — мысль о дорогой Башкирии; душа его рвется к битвам и подвигам. Салават чувствует приближение торжественной минуты, она уж недалеко... Да!.. Но отчего же Салават не весел; отчего морщины не сходят с его открытого лба и так плотно сдвинуты черные брови? Отчего не отвечает он на ласки жен? Разве опостылела ему красота Зюлейхи и Буранбики, разве чья новая краса влечет к себе пылкого юношу? Да, Салават успел полюбить одну девушку, но он не разлюбил и жен...

— Вымолви словечко, обрадуй сердце твоей Зюлейхи! —не перестает по-прежнему молить тихий женский голос. — Ведь ты любил Зюлейху, часто глядел ей в очи и крепко целовал в уста.

— Видно, не умела я любить Салавата, дурно ему угождала, что он так распрогневался на меня! — сокрушается другой голос. — Ах, бедная я, несчастная!..

— Сын! Да что ты, вправду, нахохлился? — вступилась, наконец, мать, сидевшая за прялкою. — Приласкай баб: ведь для жены ласки мужа, что для ребенка соска.

Вскинул на мать глаза Салават, поглядел на жен и остановился на малютках-детях, которые лежали в люльках и улыбались отцу. Вздохнул батыр и запел:

«Дорогая семья, любимые жены и ты, святая моя родина! Неужели я должен вас покинуть? Когда подумаю, что я с вами расстанусь, мне станет так грустно, и слезы, невольные слезы, подступают к моим глазам. Много надо мне силы, чтобы сдержать их потоки и не проронить ни одной слезы!»

Между тем незаметно подкралась осень, и наступила вторая половина сентября...

Первые выстрелы под Яицким городком раздались восемнадцатого сентября. Широко разнесся по степи их гул, и эхо отозвалось в горах Башкирии. Все живое в крае встрепенулось и насторожилось... Прошло два-три дня: пал Илецкий городок и взята крепость Рассыпная! Еще три дня — и, одна за другой, взяты крепости: Нижнеозерная, Татищевская, Чернореченская... Атаман и коменданты повешены, кроме одного Елагина, с которого содрана кожа с живого; офицеры тоже или повешены, или вместе с солдатами расстреляны картечью.

Это были первые шаги Пугачева в Приуральске. Молва быстро везде разносит вести об их успехах и

электрической искрой бежит по Башкирии. В аулах с утра до вечера не расходятся с улицы толпы народа; все говорят о появлении царя и его действиях... Знают уже обо всем и в ауле Юлая; собралась большая масса народа. Говор и шум...

— Салават идет! — послышалось в толпе.

Все понемногу затихает.

Салават подходит к толпе; он поднимает руку и среди наступившего кругом молчания и тишины произносит:

— Началось!

Замерла вся сходка... В голове, выражении лица и стремительном движении всей фигуры батыра, с поднятой кверху рукой, было нечеловечески что-то страшное, когда он сказал это роковое «началось!» Опамятовались, наконец, башкиры и обступили Салавата.

— Сказывай, что нам теперь делать?

— Очистим нашу землю от неверных и будем вольны, как птицы в небе, как звери в лесах.

— Веди скорей! Мы все за тобой...

Неужели в самом деле «началось?»

А там, на юге, в песчаных и солончаковых степях, по обе стороны реки Яика, день ото дня учащаются выстрелы, льется кровь и раздаются вопли и стоны... Уже губернатор Рейнсдорп приводит в оборонительное положение Оренбург, а жители Сакмарского городка с почетом встречают Пугачева... — Да, «началось»!..

Дальнейшая судьба Салавата тесно уже связана с пугачевским бунтом.

1880

В ГОРАХ И СТЕПЯХ БАШКИРИИ

(отрывок)

Едва только раздались первые звуки, как лес и горы, и вся окрестность точно вздрогнули, насторожились и потом начали отзываться со всех сторон и многими голосами... Ямщик пел о Салавате, любимейшем башкирском герое и батыре, который в семидесятых годах прошлого столетия поднял «свой народ» с целью освободить «дорогую родину» от власти хищных иноплеменников. Невозможно передать, с каким увлечением, с какою страстностью пел джигит: песня всецело завладела певцом и унесла его далеко, далеко; он позабыл себя, забыл весь мир... Своеобразен и дик был напев этой песни: в нем слышались и необузданная вольность, с несокрушимой энергией и отвагой, и призывный клич народного вождя, и потрясающий душу вопль отчаяния, сменявшийся глухими стонами погибающих, и переходящий в беспредельно широкое уныньe... Горы и лес, внимая певцу, сотнями голосов повторяли слова песни и торжественно свидетельствовали, что они хорошо помнят Салавата, — помнят, как этот юный батыр гулял здесь с своею вольницей, как на виду у них пылали заводы и толпами разбегались освобожденные заводские люди. Была минута, страшная минута!.. Мне послышался топот бесчисленного множества лошадиных копыт, тысячи грозных всадников будто неслись прямо на меня, и по ущельям гор, из края в край, прокатился громовый хор: «Салават идет! Айда!..»

Впечатление, произведенное на меня песней, было так сильно и глубоко, что даже спустя несколько часов, когда я переменил в Златоустовском заводе лошадей и ехал уже дальше с русским ямщиком, песня о Салавате неотступно звучала в моих ушах и образ мятежного героя-поэта носился перед моими глазами.

1882

М. Лоссиевский

ПУГАЧЕВСКИЙ БРИГАДИР САЛАВАТ И ФАРИЗА

Салават был такой человек, что в двадцать лет сделался бригадиром; на голове он носил бобровую шапку, и сабля его, как молния, разила неверных.

Башкирская песня

В правой стороне большой дороги из г. Уфы в Златоуст и в 60 верстах от Саткинского завода раскинулась неприглядная мещеринская деревушка Лак, или Лаклар.

На расстоянии около версты от этой деревушки протекает речка Ай, и на одном из ее берегов возвышается гора, идущая с севера по направлению течения Ая; гора эта замечательна по находящейся в ней пещере, с которой связан один из мрачных и кровавых эпизодов в смутную эпоху пугачевщины 1773—1774 годов. Непродолжительно было время пугачевщины, но сколько крови пролито, какую ужасную память оставило оно по себе, — память неизгладимую! Началось с бунта яикских казаков и калмыков, кочевавших близ старой линии; как и следовало ожидать, казаков усмирили, а калмыки были наказаны или бежали в Китай. Вслед за этим разыгралась пугачев-

щина. Башкирам перед этим временем жилось худо: они едва ли не подвергались преследованию, если не за прямое участие, то за сочувствие и косвенную помощь, оказанную ими казакам и калмыкам.

При общем недовольстве и фанатическом настроении не трудно было явиться среди башкир герою — батыру (богатырю, силачу) Салавату... Как один человек, поднялась Башкирия на клич Салавата, когда сюда явился Пугачев и обещал в своем воззвании к башкирам, что они будут «совершенно свободны, будут жить, как звери в поле». А этого только и добивались башкиры, и Пугачев хорошо знал, чем можно привлечь народ: крест и борода — староверам, вольность — крепостным, всевозможной голытьбе, беглым и преступникам, свобода — всем вообще инородцам.

По народным преданиям, Салават близ Саткинского завода с тысячью человек башкир и татар (мещеряков) соединился с Пугачевым, был с ним в Казани и везде, где только побывал Пугачев, возведший Салавата в чин бригадира. В одно и то же время, как и Пугачев, Салават был схвачен, предан суду и затем казнен.

Пытки, наказание кнутом и ссылка окружили Салавата в глазах народа ореолом мученика, пострадавшего за великое, святое дело — за религию и свободу своих соплеменников. И до сих пор ни один весенний башкирский праздник, или зеин, не обходится без того, чтобы бродячие башкирские певцы, преимущественно слепцы и байгуши, т. е. нищие, не воспевали подвигов народного героя-мученика.

«Песня о славном батыре Салавате, — говорится в песне, — песня самая грустная и для того, кто ее поет, и для того, кто ее слушает. Кажется, если бы кто умел все рассказать, как этого достоин Салават, то заплакали бы и небо, и земля, леса и реки стали бы издавать стоны».

Прежде чем понести заслуженное наказание за свои разбойничьи подвиги, на которые башкирам, как соплеменникам его, немудрено смотреть с совершенно своеобразной, так сказать, национальной точки зрения, Салават натворил много зол и русским, и своим соплеменникам. — и в том числе отцу знаменитой красавицы-башкирки Фаризы, старшине Кулею Балтачеву.

По происхождению своему Салават был сын старшины Шайтан-Кудейской волости. В смутное время ему как раз исполнилось двадцать лет, и несмотря, однако же, на свою молодость, он уже успел заслужить любовь и расположение сверстников и старших годами за силу, удальство и храбрость, так что даже получил эпитет батыра, т. е. силача, удальца. На беду свою он увлекся одной из своих соплеменниц— красавицей Фаризой, и это привело его к несчастному концу его карьеры... Фариза отличалась красотою, умом и вообще нравственными и физическими достоинствами, так что ее сравнивали даже с гуриями, вечно юными девами Магометова рая.

Пойдет ли за водой Фариза, мерно покачиваясь тонким, как стрела, станом, позванивая серебряными монетами в густых и черных, как смола, косах, змейками сбегавших по плечам красавицы, — и все немеют от восторга.

— Ай, аллах! — шепчут иссохшие губы старосты.

— Якши кыз, бик якши — чудная, прелестная девушка! — млеют от восторга юноши.

Но больше всех увлекся Фаризой батыр — герой Салават. Не пьет, не ест, исхудал и ходит как тень, преследуя Фаризу тщетными мольбами.

Да напрасными... Может быть, как-нибудь и уладилось бы дело, да замешались на беду неприятные отношения стариков: Балтачева — отца Фаризы с Аз-

налиным — атаем (отцом) Салавата-батыра. Это-то и испортило все дело, да к тому же Балтачев держался стороны правительства — это уже совсем никуда не годилось.

Однако же попробовал Салават посватать свою возлюбленную и давал за нее такой калым, т. е. выкуп за невесту, стоящий иногда очень дорого, — такой калым, какой едва ли кто в состоянии был уплатить, так как, надеясь на своих приверженцев, предлагал и деньги, и лошадей, и материй разных...

Ничего не помогло.

Наотрез отказал Кулей Балтачев в руке своей дочери, а Фариза осмелилась даже сказать, что она лучше выйдет за последнего байгуша — нищего, чем за буйного урода.

Взорвали славного батыра дерзкие слова, вскипел он гневом, местью.

— Тысячу смертей перенесу, вытерплю все адские муки, — воскликнул он, — а достану-таки Фаризу: живая или мертвая она будет моей.

И пожалела красавица после слова свои дерзкие, неразумные — ох, как пожалела, да поздно было — забыла она на то время песенку родную:

Путь жизни извилист, путь жизни неверен:
Изменит лишь счастье — ни в чем не везет!
Счастливый, однако, бывает уверен,
Что горе к нему никогда не придет!
Так конь плоховатый, подкормлен овсом,
Упрямо дурит под своим седоком.

(Перевод *Н. П. Распопова* секрет. Оренб. Стат. Ком.)

Тщетная уверенность! Сама судьба как будто благоприятствовала злому замыслу так жестоко оскорбленного батыра.

Спустя некоторое время после позорного отказа гордой красавицы, Салават был послан в 1773 году на службу в Оренбург против мятежников, в числе 1200 башкир и мещеряков, под командою старшины Элви, на соединение с генералом Каро; но этот отряд, не сделав выстрела, предался мятежникам близ деревни Беккуловой. За такую услугу и другие отличия, оказанные Салаватом, Пугачев в конце того же года произвел его в бригадиры и отпустил его домой для излечения ран и набора новых шаек башкир, ревностных и усердных пособников и приверженцев самозванца.

Этого только и ждал, только и жаждал новопожалованный бригадир. Он не забывал ни нанесенного ему оскорбления, требовавшего мести, ни любви к красавице Фаризе, завладеть которой и отомстить он поклялся во что бы то ни стало и выжидал только удобного момента.

Наконец-то он дома, недалеко от своей любви, недалеко от исполнения мести. Не прошло еще и нескольких дней пребывания Салавата на родине, как слава о нем разнеслась далеко окрест — всякому было любопытно увидать своего батыра, превратившегося в бригадира, послушать его речи. А речи его были всем по душе, они прямо били на дикие и кровожадные инстинкты кочевников: полнейшая свобода и жизнь, как жизнь зверей в поле! Да ведь это все, о чем они только осмеливались мечтать, чего так жадно добивались ценою кровавых жертв, беспощадных наказаний и разорения.

— Велик аллах и Магомет пророк его! — пронеслось повсюду; аллах велит Салавату идти против неверных, он повелел ему объявить о себе народу.

— Пора, пора соединиться всем вместе и избрать его предводителем, беспрекословно слушать и испол-

нять его волю: «убитый в сражении и умерший от ран будут в раю», говорит Коран.

И вот в самом непродолжительном времени к Салавату явилось до 2000 башкир и отдало себя в безусловное его распоряжение.

Наконец-то.

Старшина Балтачев, отец Фаризы, с верными правительству башкирами, которых он уговорил не приставать к мятежникам, должен был быть наказан посланником аллаха Салаватом как ослушник велений аллаха и изменник священному делу свободы своих соплеменников.

Наконец началась и месть. Салават напал на юрту старшины Балтачева, сжег его дом, увел Фаризу, рвавшую в отчаянии на себе волосы, и приказал поместить ее в Айской пещере за крепким караулом.

Трудно объяснить, почему дикарь с необузданными страстями не докончил тотчас же свою месть, когда жертва была в его руках. Вместо этого он тщетно целую неделю бился с Фаризой, склоняя ее добровольно подчиниться его желанию, но она как помешанная кусала руки ему и страже при малейшем прикосновении к ней. Все это ужасно раздражало народного героя, одному слову которого повиновались целые массы фанатиков, покорные и послушные малейшему его жесту, и вдруг слабое и нежное существо осмелилось сопротивляться, и кому же? — посланнику аллаха, выразителю его повелений! Надо было во что бы ни стало покончить все это — долго возиться нечего с упрямой девчонкой, там уже ждут, а Пугачев шутить не любит и на бригадирский чин, пожалуй, не посмотрит; у него живо «секим башка» — долой голову, или веревку на шею и болтайся между небом и землей, служа приманкой для воронов ненасытных. Надо кончать.

Назначен был уже день, когда решили покончить с несчастной Фаризой так или иначе. Накануне рокового дня, истощенная постоянным бдением, стража предалась глубокому сну. Пользуясь этим благоприятным для нее временем, Фариза произвела осмотр пещеры — и, о счастье! В одном из боков пещеры она заметила углубление и решилась проникнуть в него...

Сказано — сделано, и Фариза проскользнула в отверстие. Целые сутки пробиралась она темным, неведомым ей ходом то на ногах, то ползком и наконец выбралась на самый берег реки Ая.

— Велик аллах — я спасена! — обрадовалась Фариза.

— Напрасно, — ты погибла.

Через несколько часов по уходе девушки стража ее проснулась, заметила ее отсутствие и подняла тревогу. Дали знать Салавату. Как зверь разъяренный прискакал он к пещере и набросился на перепуганных стражников. Если и спасло их что, то это опасение Салавата раздражить дикие инстинкты необузданных кочевников, чего ни в каком случае делать не следовало. Он послал многочисленные разъезды по всем направлениям на пространстве целых семи верст и один из них напал на злополучную Фаризу, открытую собакой. Немедленно же послали гонца к Салавату, и вот он прискакал...

— Гайда! — крикнул он, садясь на коня, и с шиканьем, ревом и криком толпа понеслась в деревню Лак...

Отряд подполковника Аршеневского в ноябре 1774 года настиг пугачевского бригадира, рассеял скопища башкир и, изловив самого батыра и бригадира самозванца, заковал его в цепи.

Салавата отвезли в Москву и, после казни Пугачева, он был наказан кнутом в тех самых местах, где некогда свирепствовал и неистовствовал. Таких мест

оказалось немало, и вывозили его по всем этим местам; с почетом возили: палач и стража составляли свиту любимца самозваного царя. И драли же «нещадно» бригадира-батыра в Симском заводе...; в деревнях Юлаевой и Лак, в Кунгуре, Осе, Красноуфимском и вблизи Эльдяка. Здесь ему вырвали ноздри.

Все вынесла крепкая натура, недаром же он был батыром. Ни дранье «нещадное», ни рванье ноздрей не могли сломить крепкое тело: все перенесло оно, все выстрадало...

И пошел народный герой, бригадир и любимец самозванца — Пугача, позванивая кандалами, на вечную каторжную работу в Рогервик.

Таки погиб тот, кто по словам башкирской песни (Т. III. Запис. Оренб. Отд. Геогр. Общ., перевод Р. Игнатьева) «будучи позван к царю (Пугачеву), воевал с неверными, прошел много городов крепких и вихрем носился везде на своем быстроногом коне-стреле. Каждый взмах его светлой сабли, каждая стрела, им пущенная, наносили смерть. Коню-стреле нипочем были озера, речки глубокие: он не знал мостов и везде выносил своего батыра, от которого пули отскакивали... Но, заканчивает с грустью песня, за неисполнение воинами Салавата закона, аллах предал их и самого Салавата в руки неверных, которые его мучили, терзали смрадной тюрьмою, голодом и ранами: он все терпел с радостью, не показал нигде малодушия и умер в чужой стороне за веру и народ».

«То старина, то и деянье» — и долго, долго не умрет память о Салавате в его соплеменниках, и долго еще будут их певцы-импровизаторы петь о нем на весенних зеинах.

1882

Р. Игнатьев

ПУГАЧЕВСКИЙ БРИГАДИР, ПЕВЕЦ И ИМПРОВИЗАТОР *

Салават Юлаев принадлежит к выдающимся историческим личностям прошлого столетия не только как участник пугачевского бунта, но и как главный виновник восстания башкир и других инородцев-магометан в Оренбургской губернии. О Юлаеве до настоящего времени помнят башкиры; о нем, о его силе, храбрости, героических подвигах ходит много рассказов, песен. Многие песни, говорят башкиры, сложены самим Салаватом Юлаевым, который был будто бы певец и импровизатор. Прежде чем изложить содержание баш-

---

* Источниками для настоящей статьи служили: дело в архиве Уфимского Губернского Правления 1775 г. о Пугачевском бунте, экстракт из дела о государственном злодее Пугачеве, в том же архиве — самое дело находится в Оренбурге в делах архива Тургайского Областного Правления — столб указов 1775 года в делах того же Тургайского архива, где находится копия с следствия и решения по делу о башкире Салавате Юлаеве, предания о нем башкир и песни о его подвигах. Предания и песни дополняют все то, что не найдено в официальных актах. — Песня-быль и предания, хотя и бывает преувеличены, но в них всегда скрывается суть правды.

кирских песен о Салавате, скажем несколько слов о башкирской поэзии и музыке.

Песни башкирского народа являются чаще всего импровизациями; их мотивы тоже импровизированные. Есть, однако, у башкир и свои давние песни, переходящие из поколения в поколение; таковы песни Салавата, о Салавате и прочие.

Башкир импровизирует свои песни и мотивы, когда одинок, всего более в дороге. Едет мимо леса — поет про лес, мимо горы—про гору, мимо реки — про реку и т. д. Дерево он сравнивает с красавицей, полевые цветы — с ее глазами, с цветом ее платья и т. д. Мотивы башкирских песен по большей части грустные, но мелодичные; у башкир много таких мотивов, что им позавидовал бы другой композитор. Каждый куплет или даже каждая высказанная мысль оканчивается протяжной нотой. Эта особенность башкирских песен заставляет многих думать, что у башкир все песни на один и тот же мотив. Плясовых песен у башкир нет, но есть и плясовые мотивы без слов. Самый употребительный плясовой мотив называется «Дюгана» (перепелка). Пляшут всегда двое, становясь друг против друга, двое мужчин или две женщины; мужчины и женщины вместе никогда не сходятся для увеселения. Музыкальный инструмент башкир — дудка о пяти ладах, или курай, балалайка, бандура в виде небольшой гитары, но круглой формы о 5 струнах, гудок в виде скрипки, на которой тоже играют смычком, кобыз железный, у русских называемый органчиком и рыле. Башкиры всегда поют по одному человеку, в 1 голос, под звуки балалайки, бандуры, а всего более курая, или дудки. Хорового пения нет, но в селе Бакалах, Белебеевского уезда, где вместе с русскими живут давно окрещенные, но оставшиеся верными прежнему образу жизни башкиры, женщины, по примеру русских, водят между собою хороводы, поют по-татар-

ски и тем самым наречием, каким говорят башкиры, но эти хороводы башкирок уже результат русского влияния, а не национальное достояние башкир.

Мужчины-башкиры поют исключительно резким фальцетом или же горловыми нотами; басов между ними не слышно; кажется, их совсем нет; баса вы не услышите у башкир и в обыкновенном разговоре; башкиры все тенора, искажающие в своем пении самые лучшие природные голоса. Таким-то импровизатором и певцом был и Салават; не песни, а выдающаяся историческая роль выдвинула его из рядов народа, сохранила за ним память как о герое, певце-импровизаторе, сделала самого героем песен.

Представляем верный перевод с татарского нескольких песен, приписываемых Салавату. Мы не решаемся передать их рифмованными стихами, чтобы не отступить от смысла подлинного, башкирского текста *.

Было время, время храбрых,
Божьих век богатырей;
Были Гали, Абутали,
Саш и Няриман**;
Знал их целый свет,
Знал про их дела,
Во всю жизнь свою сражаясь,
Победили многих сильных
И величайших батырей***,
Много неверной силы
Мечь их поразил.
Не боялись силы вражьей:
Ни драконов, змей,
Ни коварств самих шайтанов.
Ни волшебников ужасных,
Лютых курада (колдунов).

---

* Перевод сделан еще в 1868 г. покойным г. Давлетшиным.

** Герои башкирских сказок.

*** Слово «батыр» у башкир имеет двойное значение — богатыря или же храброго воина, чего-то вроде рыцаря.

Вот какие были люди
В прежние года.
Про дела ваши я слышал,
Духом возгорясь,
Оседлал коня и в сечу
Конь меня понес.
Я сразился со врагами
И врагов разил,
На меня напало разом
Триста человек.
Я от всех трехсот отбился,
Вынес конь меня
На широкую долину
К светлому ручью.
У того ручья я богу
Песнь мою, хвалу
Пел и снова в сечу
Соколом летел.

По поводу этой песни у башкир составилось предание, что ее сложил Салават про себя: он будто бы где-то один отбился от 300 чел. казаков. Указывают даже место, куда вынес Салавата конь, близ Саткинского завода при ключе «Пермяцком».

Приводим еще песню, приписываемую Салавату:

Высоко летает ворон,
Выше ворона — сокол,
Выше сокола — могучий
Орел, птичий царь.
Далеко так тебе, юный воин,
До богатыря —
Мощного орла,
Но крепися и мужайся,
Бога в помощь призови
И иди на бой ты смело
И везде врагов рази.
. . . . . .

Так мужайся, храбрый воин,
Бога в помощь призови,
Богу храбрые угодны,
В поле битвы поспеши.

Сибирской дороги, Шайтанской волости, в дер. Юлаевой проживал верный правительству башкир из поколения Шайтан-Кудей, Юлай Азналин, человек богатый и влиятельный. В 1768 году вся волость выбрала Юлая старшиной, и Оренбургский губернатор князь Путятин утвердил его в этой должности. У Юлая был сын Салават, которому перед Пугачевским бунтом было 20 лет. Салават был удалец-наездник, мастерски владел оружием и обладал сверхъестественной силой: в борьбе, в беганье в запуски не было ему равного, в кулачном бою один ходил на десятерых, кроме всего этого, Салават хорошо знал татарскую грамоту и понимал коран. Словом, это был один из образованных башкир. Отец Салавата Юлай сделался старшиною, когда ему не было сорока лет. Под видом преданности Юлай был врагом всего русского, он жаждал мести, жаждал битв с неверными и все это внушал и сыну.

Семейная жизнь башкира была, да и теперь остается патриархальной: здесь власть отца, деда, всякого старшего в семье неограничена. Отец распоряжается сыном и его достоянием, несмотря ни на лета, ни на семейное положение, и сын должен повиноваться без рассуждения. Юлай был из крупных землевладельцев, но земли его лежали втуне. Тогдашние башкиры не знали земледелия.

Предания говорят, что необычайная богатырская сила Салавата появилась в его ранней молодости, о нем башкиры поют неизвестно кем, может быть и самим Салаватом сложенную песню:

Сколько лет Салавату,
Зеленая шапка на его голове.
Если спрашиваешь о летах Салавата —
Четырнадцати лет он стал богатырем.

Эту песнь в особенности любят башкиры.

Осенью 1773 года старшина Юлай получил указ Уфимской провинциальной канцелярии с приложением

печатного манифеста, которым извещалось, что среди яицких или уральских казаков появился донской казак Емельян Пугачев, ложно принявший на себя имя покойного императора Петра III, и что этот Пугачев набрал себе скопища и угрожает Оренбургу. Провинциальная канцелярия приказала старшине немедленно собрать отряд башкир и отправить его на Стерлитамакскую пристань * к находившемуся там командиру асессору Богданову. Юлай тотчас же отправил 95 конных башкир под начальством Салавата. Салават так умел понравиться Богданову, что он поручил ему еще 1200 чел., башкир и мещеряков, приказав следовать в дер. Беккулову на помощь к генералу Кару, идущему к Оренбургу, который был уже осажден скопищами самозванца. Не дойдя 1 версты до дер. Беккуловой, в 70 верстах от Оренбурга, Салават был встречен высланным против него отрядом Пугачева, состоящим из 2000 чел. с двумя пушками. Завидя пугачевские толпы, Салават с белым лоскутом на обнаженной сабле прямо поскакал к пугачевскому предводителю и объявил, что он едет своей волей служить государю и привел верных слуг.

Салавату велено было с командой идти на Бердскую слободу, где он был представлен Пугачеву. Этому понравился Салават, и он, назвав его полковником, оставил при себе. Салават был ревностным сообщником Пугачева. Последний доверился ему. Хитрый башкир скоро узнал от Пугачева о его намерениях касательно башкир, Пугачев, как известно, обещал башкирам полную, независимость, свободу ж и т ь, к а к з в е р и в п о л е, обещал вывести всех русских людей с бывших башкирских земель и подтверждал свои обещания действиями: он разорял и жег русские селения, даже ему покорные, приказывая жителям следовать за ним.

* Ныне г. Стерлитамак.

Из дела архива Уфимского Губернского Правления видно, что Салават не все время, покуда Пугачев осаждал Оренбург, находился при нем. Он был послан в разные места для возмущения народа и для разорения селений и крепостей. Когда Голицын разбил Пугачева под Оренбургом 29 марта, Салават двинулся в глубь Башкирии, с целью поднять против правительства башкир и других инородцев — магометан и язычников. Чуваши, вотяки, черемисы всегда более сходились с башкирами и вообще с магометанами, нежели с русскими; очень многие из чуваш, даже окрещенных, легко через сближение с магометанами совращались в магометанство. В Оренбургской губернии, Верхнеуральском уезде, есть Тептярско-Учалинская волость, состоящая из 12 деревень, населенных потомками, принявшими магометанство окрещенных чуваш.

В Уфимской губернии все тептяри-магометане такого же происхождения. В конце XVII века и начале

XVIII шла сильная пропаганда в видах обращения чуваш и прочих инородцев в магометанство. В Уфимской губернии окрещенные чуваши не ходят почти в церковь, кроме крайнего случая свадеб, но всегда охотно посещают мечеть, говоря, что там они все понимают, а в церкви ничего. Кроме того, чуваши считают себя христианами невольными. Когда пугачевские шайки осадили Уфу, чуваши нынешнего Белебеевского уезда возмутились, прогнали из Белебея духовенство и сожгли церковь св. Михаила Архангела, построенную для них на счет правительства в 1750 г. Пугачевские агенты сказали им, что «царь-батюшка» дарует свободу каждому жить по своей вере. В половине апреля месяца 1774 г. Салават, имея у себя более 2000 чел., явился в нынешнем Златоустовском уезде; толпы возмущенных им башкир и инородцев спешили к Пугачеву, который укрепился в Белорецком заводе, ныне Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Салават должен был собрать всех беглецов из-под Уфы из шаек Чики и Губанова и идти на соединение с Пугачевым через Златоустовский завод купца Лучинина, в нынешний Троицкий уезд. Туда же по распоряжению Сибирского губернатора Чечерина вступили войска под начальством генерал-поручика Декалонга.

Пока главные силы обеих сторон двигались друг против друга, из крестьян, башкир, инородцев и всякого рода бродяг составились отдельные шайки, которые грабили и разоряли все, что только можно было, действуя во имя Пугачева, или императора Петра III. Теперь, казалось, забыта была старая племенная вражда; в видах наживы христиане, магометане и язычники действовали вместе, братаясь друг с другом. Русские подчинялись ловкому татарину или башкиру, татарин и башкир — ловкому русскому. Шайки эти так усилились, что осаждали укрепленные хоть и худо Бирск и Мензелинск. Против Мензелинска действовали

шайки из русских и инородцев под начальством татарина, крестьянина дер. Сосновый Бор Санфина *. В селе Березовке-Камской, ныне Бирского уезда, над шайкой из русских и инородцев был атаманом совратившийся в раскол священник этого села Игнатий Иванов. Он разорил Березовку, ограбил церковь, при которой служил, и затем с своей шайкой стал разъезжать на косных лодках по Каме и грабить Камское прибережье **.

Салават решил соединить эти шайки воедино под своим предводительством и дополнить их новыми людьми. В подкрепление ему Пугачев выслал из-под Верхояицкой крепости, что теперь г. Верхнеуральск, отряд под начальством своего любимца, беглого артиллерийского капрала Белобородова.

Среди этих смут спокойно пребывал у себя в деревне старшина Шайтан-Кудейский Юлай Азналин и попрежнему считался в числе верных башкир. Юлай, как видно отчасти из следствия, все знал о сыне, имел с ним сношение и тайно содействовал мятежу, но высказаться открыто еще не решался. Юлай ждал, каков будет успех сына.

Успех открывал Юлаю и другим башкирам-вотчинникам надежды расправиться с заводчиком Твердышевым. Когда Твердышев в 1758 году намеревался построить при р. Симе в Уфимском уезде железный завод и местные башкиры-вотчинники продали ему

---

* Памятная книжка Уфимск. губ. 1873 г., часть II, стр. 129.

** Другой священник села Березовки Иван Федоров, бывший тогда в Сарапуле, с чудотворной иконой св. Николая предался тогда самозванцу. Федоров и Иванов после усмирения бунта схвачены и отосланы в Казанскую секретную комиссию. Далее их участь нам не известна. (Дело в архиве бывшего Сарапульского духовного правления в г. Сарапуле Вятской губернии 1774 г. под заглавием: «Об определении в село Березовку-Камскую священников».)

свои земли, в числе продавцов был и Юлай. Башкиры, как водится, были кругом обмануты и продали земли за бесценок. После они спохватились, но было уже поздно, а в 1759 году началась постройка Симского завода. У башкир еще и теперь живо предание, что местные власти силой заставляли продавать свои земли заводчикам. Незадолго до пугачевщины Твердышеву понадобились еще земли под две деревни, или так называемые вспомогательные заводу селения, и управитель Симского завода прямо распорядился, конечно, не без согласия Твердышева, захватить значительное количество земли, без меры, по живым урочищам у Шайтан-Кудейского старшины Юлая Азналина.

Хотел было Юлай препятствовать постройкам и посылал своих подвластных башкир, но симские мастеровые всякий раз их били, увечили и прогоняли. Юлай подал иск в Уфимскую провинциальную канцелярию, но ему объявили, что горные заводы и заводовладельцы подлежат ведению не гражданского, а горного начальства, и провинциальная канцелярия ничего не может сделать. Юлай вошел с просьбой к губернатору Рейнсдорпу, тот передал просьбу губернской канцелярии, губернская канцелярия не удостоила даже отказом, и просьба оставлена без всякого внимания.

Незадолго до появления Салавата на родине в деревню Юлаеву явилась одна из бродячих пугачевских шаек и прямо направилась к дому старшины, которого все знали за человека богатого и преданного подлежащей власти. Ограбив все, что нашли в доме, и, забрав 50 штук крупного скота, много разных мехов, обобрав наряды у трех жен Юлаевых, разбойники начали требовать от старшей жены Юлаевой, где спрятаны мужнины деньги. Та отвечала, что ничего об этом не знает, а мужа дома нет; ее жестоко избили и хотели было пытать огнем. Напуганная пыткой жена

Юлая вынесла им кожаный мешок, в котором было разною серебряною и медною монетой 650 рублей и объявила, что тут весь капитал мужа. В это время воротился Юлай. «Что вы делаете, добрые люди, — закричал Юлай, — ведь я и все однодеревенцы давно ваши, только вас и ждали, теперь не сегодня, завтра придет сын Салават с великой силой от батюшки-царя, тогда пойдем на Твердышева и на заводчиков — наших врагов. У них казна не моя нищенская». Разбойники с удовольствием приняли Юлая и некоторых из его однодеревенцев.

Юлай ушел за шайкой и через двое суток соединился с Салаватом и вскоре потом с шайкой Белобородова. Салават передал отцу письмо Пугачева, приглашающего поступить к нему на службу с чином полковника. Салават прибыл в деревню Юлаеву и тотчас же велел загнать в особую избу всех тех из своих однодеревенцев, которые не пошли с шайкою и Юлаем. Избу зажгли, тех, которые выскакивали из пламени, Салаватовы башкиры прикалывали пиками.

«Так будет со всеми государевыми ослушниками», — сказал Салават.

Теперь началось мщение Твердышеву. Салават пошел на Симский, Юлай с отрядом — на Катавский заводы.

Как ни было крепостное население заводов раздражено против владельцев, а еще более против управителей, приказчиков и других мелких тиранов, как ни роптали твердышевские крестьяне на барина за то, что он их оторвал от родины, от первичных занятий, но были среди этих недовольных и такие, которые, считая себя православными христианами, не желали подчиниться нехристям-татарам. При появлении шаек Юлая и Салавата многие из катавских и симских крестьян выходили против них с кольями, топо-

рами, с вилами, с чем попало и были перебиты или взяты живьем и по приказанию Юлая и Салавата расстреляны стрелами за сопротивление батюшке-царю. В числе побитых были зачинщики этих сопротивлений — симский священник Львов и плотинный мастер. Крепостное население Катавского и Симского заводов было пощажено, и оно само с радостью пристало к Пугачеву; все, принадлежащее Твердышеву, было разграблено: дом, контора, где было много денег, фабрики, лавки и кабаки: те и другие тогда содержались самими заводовладельцами и таким образом трудовая копейка крепостного мужичка переходила в их же барские карманы. Юлай и Салават торжествовали, Твердышев понес убытки, крепостные люди усердно помогали грабить барское добро; обе деревни, поставленные на земле Юлаевой, были сожжены, а крестьяне выведены в Симский завод. Симским и катавским крестьянам читали на сходках манифест Пугачева о вольности и зачислении всех крестьян в вольные казаки; читались на мирских сходках письма Пугачева к Юлаю и Салавату, в которых они оба пожалованы полковниками, начальниками войск ими занятых местностей. Званием вольных казаков очень гордились твердышевские крестьяне, а более того женщины. «Мы теперь вольные казачки», — с гордостью говорили они. Крестьянам, кроме раскольников, нравилось, что нехристи Салават и Юлай не тронули их и не велели трогать церквей. Крестьяне еще более уверовали, что это царское войско, когда в Симский завод пришел пугачевский генерал Белобородов, в шайках у которого были все одни русские и между ними даже много крепостных людей Твердышева.

Юлай, Салават и Белобородов остались в Катавском и Симском заводах, имея у себя уже более 8000 чел. Мятеж вырастал и распространялся во всей Уфимской провинции. Между башкирами явился дру-

гой Салават, — по храбрости и свирепости. Это был Антуган, который в ожидании правительственных войск с 3000 чел. расположился в тептярском селении Больших Кигах, Златоустовского уезда, в то же время бывший табынский волостной старшина Бехтемиров с 1000 чел. должен был занять горные проходы. Мятежники ободрились, узнав, что Пугачев снова набрал себе толпы, завел артиллерию, берет крепость за крепостью и идет в Уфимскую провинцию, везде встречая к себе полное сочувствие в русских и инородцах.

Есть известия, что еще в январе месяце 1774 г., а в это время Пугачев еще осаждал Оренбург, Салават с огромной шайкой, где, кроме башкир и инородцев, было до 9000 чел. русских, осадил Челябинскую крепость, т. е. нынешний г. Челябинск, Оренбургской губернии, где тогда был центр управления Исецкой провинции, и Исецкий воевода Веревкин, несмотря на все усилия мятежников, с января до конца марта 1774 года храбро отстаивал крепость, покуда не прибыл генерал-поручик Декалонг с сибирскими войсками.

В Оренбурге в архиве Тургайского областного правления в делах бывшей Оренбургской губернской канцелярии есть огромная в нескольких томах переписка о Пугачевском бунте, озаглавленная «Дело о государственном злодее Емельяне Пугачеве», состоящая из донесений воевод, комендантов, военных начальников и проч. о всех движениях и действиях Пугачева и его сообщников, но о бытности Салавата при осаде Челябинской крепости ничего не говорится.

В начале мая, будучи в Симском заводе, Салават узнал, что против него, несмотря на распутицу и на дурные дороги, двинулся из Уфы подполковник Михельсон. Салават смело пошел против Михельсона и встретил его в нескольких верстах от Симского завода, но Михельсон разбил и прогнал Салавата и 8 мая

1774 г. сам вступил в Симский завод, где назначил своему утомленному отряду однодневный отдых. Симские жители встретили Михельсона с полной покорностью, объяснили, что поддались Пугачеву из страха и указывали, например, тех, которые думали было противиться. 9 мая Михельсон выступил из Симского завода и в нескольких верстах настиг Салавата, который в это время уже соединился с поспешившим к нему на помощь Белобородовым. Произошло сражение, и Салават с Белобородовым, потеряв несколько пушек, убитыми и ранеными, бежали за р. Юрюзань. Неутомимый Михельсон гнался, что называется, по пятам, за р. Юрюзанью он опять разбил Салавата и Белобородова и заставил бежать к Саткинскому заводу. Михельсон мог бы до конца уничтожить их обоих, но от захваченных в плен узнал, что Пугачев усилился и находится под крепостью Магнитною (теперь станица Оренбургского казачьего войска Верхнеуральского уезда) и что туда идет отряд генерал-майора Фреймана. Михельсон решил прежде соединиться с генералом Фрейманом, а потом с Декалонгом, не оставляя раз принятых мер против Салавата, но после мы видим, что Михельсон изменил этот план и повел дело иначе.

Михельсонские отряды 17 мая 1774 г. нечаянно встретились с охранявшими горные проходы Урала 1000 чел. башкир под начальством табынского старшины Бехтемирова. Бехтемиров был разбит и бежал, потеряв 300 чел. Михельсон перешел Уральские горы, но после поражения Пугачева под Чебаркульской крепостью (теперь казачья станица Троицкого уезда Оренбургской губернии) вдруг непонятно почему, вместо того, чтобы соединиться с генералом Фрейманом, возвратился в Уфимскую провинцию. Возвращение Михельсона в Уфимскую провинцию, которая была оставлена без войск, было необходимо.

Вступив в Златоустовский завод Лучинина, где до этого было все спокойно, Михельсон узнал, что сюда уже являлись пугачевские подосланные и возмущали народ; здесь читались пугачевские воззвания, народ волновался и многие хотели идти к Пугачеву, который должен прийти в Саткинский завод, где Салават, Антуган и Белобородов, в ожидании Пугачева, сосредоточили свои силы. Михельсон тотчас же двинулся туда, но уже никого не застал. Уклоняясь на этот раз от сражения, Салават с Белобородовым отступили в Симский завод, а Антуган — в дер. Киги. После двухдневного отдыха в Саткинском заводе Михельсон двинулся против Салавата 27 мая 1774 года. Не успел он дойти до Симского завода, как Салават сжег этот завод, объявил крестьянам указ батюшки-царя идти на переселение на пустопорожние и хлебородные места в Кунгурский уезд Пермской провинции. После этого Салават с Белобородовым перешли за р. Ай, уничтожили мост и паром, тут бывший, и расположились в гористой, по-видимому, неприступной местности. Здесь произошло истинное молодецкое дело Михельсона, достойное занять видное место в военной истории.

По приказу Михельсона 50 чел. казаков, взяв к себе каждый на лошадь по одному егерю, бросились вплавь, под прикрытием с берега 4-х орудий. Салаватовы башкиры понеслись было в атаку, но их тотчас же разогнали и перебили пушечными выстрелами. Затем под прикрытием передового отряда Михельсон переправился через Ай, порох перевезли кавалеристы, а пушки перетащили канатами по дну р. Ай. Мятежники были разбиты и бежали, потеряв 400 чел., Салават и Белобородов поспешили теперь к Антугану. В то самое время Пугачев, отраженный блистательно от Троицкой крепости Декалонгом и раненный картечью, явился в Златоустовский завод, где его приняли с восторгом крепостные люди Лучинина. Тот же успех

он имел в Саткинском заводе у крепостных того же Лучинина. В том и другом заводе, по приказанию Пугачева, были сожжены фабрики, разграблены заводские конторы, уничтожены все конторские документы, разбиты и разграблены кабаки и лавки, содержимые Лучининым. Узнав о поражении Салавата и Белобородова, Пугачев поспешил на соединение с ними, велел сжечь Златоустовский и Саткинский заводы, а жителям, назвав их вольными казаками, взять свое имущество и идти на переселение в Кунгурский уезд или же, кто желает, следовать за ним, обещая в последнем случае свою особую царскую милость. Тут произошло ужасное смятение в народе. Одни пошли за Пугачевым, другие с семьями, со всякой домашностью и скотом, потянулись в Кунгурский уезд и попали на правительственные войска, третьи бежали скрыться в леса *. Возвратиться было некуда: все сожжено — дома, церкви, всякие постройки. Пугачев был верен слову и вывел русское население из башкирских земель, чего так жадно и давно желали башкиры.

Пугачев соединился с Салаватом, Белобородовым и Антуганом и решил идти против Уфы. В восторге от успеха, которым сопровождалась бунтовщическая деятельность Салавата среди народов Уфимской провинции, Пугачев тут же пожаловал его бригадиром.

Храбрый и неутомимый Михельсон между тем гнался уже за Пугачевым. В ночь на 2 июня 1774 г. авангард Михельсона, под начальством капитана Карташевского, наткнулся близ Саткинского завода на Салавата и едва не погиб, если бы не поспел сам Ми-

---

* Из дел архива главной конторы златоустовских заводов 1774 г., дело под № 2 в том же архиве о разорении Уральских горных заводов Пугачевым, листы 120, 122, 130. В библиотеке Уфимского Статистического Комитета есть рукопись В. Ф. Иванова, где подробно описано, на основании местных архивов, занятие Пугачевым Златоустовского и Саткинского заводов.

хельсон и не разбил Салавата. Утром произошло решительное сражение Михельсона с Пугачевым. Пугачев и его сообщники — Салават и прочие — бежали, потеряв пушки, множество убитых и пленных; около пяти верст Михельсон гнался за бегущими, но Пугачев и прочие ушли счастливо, не попав в руки Михельсона. Пугачев был еще разбит, но не уничтожен. Что касается Салавата, то неудачи свои он относил к другим и так про эти неудачи пел в сложенной им песне: «Поскакал бы я, да впереди болото, стрелял бы я, да стрел мало у меня, осмотрюсь кругом — мало у меня надежных людей». Сражение близ Саткинского завода и победа Михельсона спасли Уфу. Пугачев взял другое направление — на Красноуфимск и Осу.

Отец Салавата Юлай, этим временем, кроме Катавского, разграбил Усть-Катавский завод и дер. Орловку Твердышева и велел тамошним жителям пойти в Кунгурский уезд на свободные привольные места.

Салават взял приступом, разорил и сжег Красноуфимскую крепость, теперь город Красноуфимск Пермской губернии. Здесь было найдено в казенной кладовой 2000 руб. Эти деньги Салават отослал к Пугачеву и сам поспешил к пригородку Осе, принадлежавшему, как и Красноуфимская крепость, к Уфимской провинции. Начальствовавшие в Осе комендант майор Окрипицын, капитан Смирнов и подпоручик Минеев, отбивши несколько приступов, произведенных лично Пугачевым вместе с Салаватом, сдали Осу. Пугачев пощадил их за это и оставил у себя на службе. Скрипицын всячески старался разведывать о действиях Пугачева, в намерении открыть все это правительству, и открыл свои планы Смирнову и Минееву, но Минеев донес Пугачеву; у Скрипицына нашли письмо. Пугачев наградил Минеева чином полковника, а Скрипицын и Смирнов были повешены. Взятие Осы произвело ужас в Казани; многие из жителей бежали в безопасные

места и скрывали имущество *. Минеев советовал Пугачеву как можно скорее идти на Казань, где гарнизон был самый ничтожный.

Осу башкиры считают своею. По их преданиям глубокой древности, тут было их большое селение. Вся Осинская округа, нынешний Осинский уезд, сплошь была башкирская земля Гаинской волости. Башкирское селение Оса еще до Грозного опустело и звалось городищем, а при Иване Грозном самовольно пришли и поселились сюда русские, и так образовалась Ново-Никольская слобода, во время башкирского бунта в 1737 году названная «пригородком Осой», с подчинением ее Уфимской провинции. Оса с 1737 года обращена в крепость, введен гарнизон, и она сделалась наблюдательным постом за соседними башкирами.

После взятия Осы Пугачев, забрав артиллерию, оружие, порох и денежную казну, сжег Осу и велел жителям идти куда хотят, на привольные места.

Из Осы Пугачев направился на медеплавильные заводы богача Саввы Яковлева. Заводы эти были основаны в 1759 году генерал-прокурором Глебовым на землях, купленных у башкир Гаинской волости. Башкиры продали Глебову земли от речки Шермянки на 50 верст на все четыре стороны, разумеется, за бесценок, и, вероятно, по принуждению. Когда Пугачев был еще под Оренбургом, в декабре 1773 г., здешние башкиры уже возмутились, составили шайки, заводы Яковлева разорили и выжгли, и Пугачев застал здесь только одно пепелище и ни одной живой души. Башкиры требовали от приказчиков Яковлева выдать им все купчие крепости Глебова и Яковлева **.

---

* Рыбушкин. Истор. г. Казани, Казань, 1859, ч. I, стр. 137.

** Дело Екатеринбургской судных и земских дел конторы 1775 г., а в архиве главной конторы екатеринбургских заводов, в г. Екатеринбурге, Пермской губернии, дело о разорении Шермянского завода Яковлева.

После взятия Осы имя Салавата на время исчезает из истории пугачевщины. Можно безошибочно предполагать, что Салават одним из первых отстал от Пугачева, как только Пугачев перешел границы древней Башкирии за р. Каму: война за р. Камой была уже не в интересах башкирского патриота.

Когда Пугачев был уже пойман, Салават опять появился в Уфимской провинции, и скоро имя его стало наводить страх...

Недолго, однако, пришлось Салавату совершать свои подвиги. Правительственные войска опять вступили в Уфимскую провинцию; многие бунтовщики были захвачены, отосланы в Казань или наказаны в Уфе и Оренбурге и на местах преступления. Салават тотчас, оставив шайку, задумал бежать в киргизские степи. Один, на лыжах, лесами, избегая всякой встречи, в конце января 1775 года, когда уже Пугачев был казнен в Москве, он пустился в это предприятие, но в лесу, близ деревни Каратавли, был пойман солдатами из отряда полковника Аршеневского. После показания его отослали в Казань к генералу Потемкину. В секретной комиссии Юлай и Салават содержались только 7 дней и затем были отправлены в Тайную экспедицию в Москву.

Финал салаватской истории разыгрывается в Москве, в Тайной экспедиции. Шешковский допросил Юлая и Салавата через переводчика, есаула Уральского казачьего войска.

Салават показал: в 1773 году зимою по приказу отца с 90 чел. башкир отправился он на Стерлитамакскую пристань к Александру Богданову. Богданов велел ему идти к осажденному злодеями Оренбургу, на помощь к генералу Кару, и дал ему в команду башкир и верных мещеряков до тысячи двухсот человек. С той командой близ г. Оренбурга, не доходя одной версты до дер. Беккуловой, он был атакован

злодейскими Пугачева толпами в 2 000 чел., при двух пушках и вынужден был отдаться пленным. Атаман злодейских шаек Овчинников отправил его с командой в слободу Берду к самому Пугачеву. Пугачев велел Салавату и его команде служить у себя, угрожая смертью. Салават и вся его команда, убоясь смерти, невольно остались служить Пугачеву. Однако же он, служа у Пугачева, хотел бежать и однажды убежал было в Оренбург к верным войскам, но его поймали яицкие казаки и кололи его. Казаки убили бы его, если бы не подоспели башкиры и не отбили силою. Когда Пугачев начал в своих шайках назначать начальников, назначил и его. У отца в доме он был только двое суток, так как не имел возможности набирать башкир: набирал их и еще прежде его прибытия домой возмутил в Уфимской провинции народ посланный Пугачевым Иван Грязнов. Узнав о приближении Грязнова, отец его, Салавата, Юлай скрылся из дому, а Грязнов многие селения пожег и крепости побрал. Будучи в злодейских толпах, он, Салават, сам собою и своею волею никого не убивал; злодею Пугачеву усердно служил и сражался потому, что считал его государем и боялся смертной казни. До этого времени он, Салават, не был ни судим ни за что, ни наказан и ни в чем не замечен, а жил он смирно при отце своем Юлае.

4 марта 1775 г. Шешковский допросил содержавшегося в Тайной экспедиции по Пугачевскому бунту башкирского старшину Кулея Балтачева о том, что ему известно о Юлае и Салавате, Балтачев показал, что Салават многое утаил: во-первых, он сам охотой принял от Пугачева чин полковника и команду, с которою при нем сжег и разорил Осу; во-вторых, Салават сжег и разорил многие селения и везде производил убийства.

Дер. Балтачевой вотяк Якимов показал, что весною 1774 г. Салават с большою толпою разъезжал по деревням, везде забирая на службу Пугачеву волею и силою, а селения многие разорил и пожег, а дер. Балтачева вся была взята Салаватом, и пошли с ним к дер. Имангуловой, где Салават сражался с посланной против него воинской командой и был разбит.

Дер. Старой Тертяковой черемис Иштубай Ишбулатов — что весной 1774 г. в их деревню приезжал башкир Бахтияр с 300 чел. башкир и объявил указ бригадира Салавата Юлаева о наборе людей в пугачевскую шайку и, взяв по тому указу из их деревни 200 чел., отправился в Бирск.

Дер. Бурнашевой черемис Изябай Янбаев — что по тому же Салаватову указу он взят из своей дер. Бахтияром под Бирском, а оттуда с шайкой в числе 100 чел. послан на Уфимскую дорогу для разведывания о действиях Михельсона, почему все они, 100 чел., стояли в поле по июль месяц, а к ним в то время приехал Салават и пожаловал его, Янбаева, полковником, в чем и выдал ему на татарском языке письмо (патент или удостоверение).

Дер. Узяковой черемис Бухармет Буйхаиров — что летом 1774 года в их деревню за набором людей в пугачевские шайки с указом императора Петра III приезжали Салават Юлаев и с ним пугачевские полковники башкир Токаев и Сергеев, и он, Буйхаиров, был ими взят и пошел за ними в село Касево, которое Салават сожег, и потом он, Буйхаиров, был везде с Салаватом, покуда не дошли до р. Камы, а отсюда он, Буйхаиров, бежал.

Все здесь изложенное Шешковский представил на усмотрение генерал-прокурора князя Александра Александровича Вяземского. Князь отослал Юлая и Салавата за строгим караулом в Оренбург к губернатору Рейнсдорпу при письме, в котором рекомендовалось:

1) относительно Юлая тщательно разведать, по своей ли воле он участвовал в злодействах пугачевцев; если бы оказалось, что он был к этому вынужден, то не подвергать его наказанию, 2) относительно Салавата точно установить все сделанные им злодейства «и буде при вышесказанном исследовании обличен он будет во всех злодеяниях и убийствах верным и точным доказательством, то в таком случае сделать решение, чтобы был в страх другим злотворцам наказан, как злодей, во всех тех городах и башкирских селениях, где от него самого злейшие варварства и убийства происходили, и наконец в последнем селении поступить с ним по состоявшемуся в 1754 году мая 13 дня указу и послать вечно в каторжную работу в Рогервик. Если ж, паче чаяния, в злейших убийствах и тиранствах он, Салават, не обличится, то наказать его, ваше превосходительство, можете, равняясь винам его и тамошним ныне в Башкирии обстоятельствам, ибо самое правосудие требует, чтобы о подсудимом, в каком бы он преступлении оглашен не был, но в оном прежде надлежит его обличить, а потом уже судьбу его решить, но не по одним однако ж токмо слухам, а по существу доказательств в самом деле преступления его».

Уфимская провинциальная канцелярия 5 мая 1775 года постановила для разузнания в Уфимской провинции о всех действиях Юлая и Салавата отправить нарочного чиновника, а Юлая и Салавата вновь допросить.

Генерал-майор Фрейман при отношении 1 мая 1775 г. препроводил в провинциальную канцелярию рапорт подполковника Аршеневского, из содержания коего значится, что после поимки Пугачева в ноябре 1774 г. чинили в Уфимской провинции бунт еще десять башкирских волостей и главным деятелем бунта был Салават Юлаев. Будучи посланным с отрядом на

усмирение этих башкирских волостей, когда уже восстание во многих местах в Уфимской провинции, по Сибирской и Осинским дорогам, было усмирено, он узнал, что многие из главных виновников бунта скрываются в лесах, несмотря на зимнее время, потому для поимки их он послал от себя команду под начальством поручика Лесковского. Эта команда 24 ноября 1774 года поймала в лесу скрывавшегося там башкира, но одного, без товарищей, и доставила к нему, расположившемуся близ того места, где пойман был тот башкир, в дер. Калмыковой. На допросе башкир открыл, что он Салават Юлаев и что, уже не видя никакого средства к спасению, решился до времени укрываться здесь, но если услышит, что подходят войска, то намерен был горами пробраться в киргизскую степь; то же самое хотели сделать, по словам Салавата, и многие из бунтовщиков. После поимки Салавата и отправлении его в Оренбург к Томашеву он, проходя разными селениями, везде слышал, какой страх на всех нагнало имя Салавата. Не только русские, но и многие из башкир и инородцев радовались. Всех тех, которые не хотели принять участие в бунте, Салават убивал самым бесчеловечным образом: вешал, сожигал, загоняя в избы, не щадя ни пола, ни возраста.

Посланный для производства на месте дознания о Юлае и Салавате переводчик провинциальной канцелярии коллежский регистратор Федор Третьяков представил отобранные им от башкир и других инородцев разных волостей и селений Сибирской и Осинской дороги в числе 200 чел. показания. Все эти показания обличали Юлая и Салавата в известных уже нам действиях и подтверждали все, о чем писал Аршеневский.

Сидя в строгом заключении в одиночном каземате Уфимского магистрата, Салават знал о всяком начальственном распоряжении и по своему делу; не-

смотря на обыски и запрещения, у него были чернила и бумага. Магистрат помещался на так называемом теперь в Уфе нижнем базаре, и окно каземата, где сидел Салават, выходило на улицу, хотя оно не растворялось и было с решетками. Однажды Салават увидел в окно знакомого ему башкира, который остановился недалеко от магистрата и смотрел на тюремное окно. Салават, через окошечко в дверях, стал просить часового, солдата Уфимского гарнизона Ефима Федорова Чудинова, передать написанное им татарское письмо башкиру, который стоит теперь около самого магистратского дома у крыльца, что этот башкир его родной дядя, а в письме писано, чтобы он прислал денег на харчи, да просил я его, говорил Салават, чтобы он прислал мне рубах, я весь обносился. Чудинов, как только его сменили с часов, вышел на улицу и, спрося указанного башкира, точно ли он дядя Салавата, отдал ему это письмо. Письмо попало не тому лицу (башкир на улице было много). Назвавший себя дядей Салавата был тоже башкир Уфимского уезда, Сибирской дороги, дер. Мухаметовой, Мухамет Кучунов; он явился в Уфу с бумагой к воеводе от генерала Фреймана, которому донес о намерении киргиз, пользуясь смутным временем, прорваться с целью грабежей и разорения в Уфимскую провинцию. Фрейман велел Кучунову это донесение подтвердить от себя воеводе. Кучунов представил Салаватово письмо в провинциальную канцелярию.

Уфимская провинциальная канцелярия, закончивши следствие, представила Оренбургскому губернатору экстракт следственного дела и свое заключение. 16 июля губернатор утвердил приговор: Юлая и Салавата за все их уже известные злодейства наказать кнутом в тех местах, где ими совершено более преступных действий, дав следующее число ударов: Юлаю на Симском заводе сорок пять, Катав-Иванов-

ском заводе сорок пять, на Усть-Катавском сорок пять, в дер. Орловке сорок ударов. Салавату на Симском заводе двадцать пять, в дер. Юлаевой двадцать пять, в Красноуфимском двадцать пять, в Кунгуре двадцать пять, Осе двадцать пять, близ Ельдяка, где он сражался с полковником Рылеевым, двадцать пять и с последнего места наказания — Юлая с дер. Орловки, а Салавата с Ельдяка, — заклеймив и вырезав ноздри, отправить в Уфу для дальнейшего отправления Юлая и Салавата в ссылку в каторжную работу в Балтийский порт или Рогервик навечно.

Провинциальная канцелярия пришла к заключению, что при исполнении приговора Юлая и Салавата башкиры могут отбить, и постановила отнестись к начальнику прибывших в Уфимскую провинцию армейских войск генерал-майору Фрейману о наряде для экзекуции военной команды. Юлай и Салават выдержали страшное наказание без медицинской помощи.

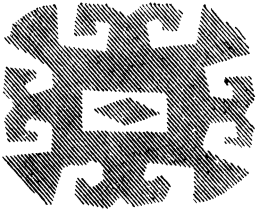
21 сентября 1775 года Юлая и Салавата потребовали в присутствие провинциальной канцелярии и при этом оказалось — оба не заклеймены, ноздри не вырваны!! Потребовали Третьякова: тот объявил, что клеймы почему-то изгладились, а ноздри заросли, потому, видно, что клейма и щипцы были уже не годны к употреблению.

Провинциальная канцелярия постановила: Юлая и Салавата заклеймить в ее присутствии и вырезать ноздри; палачу Мартыну Суслову за продерзость учинить наижесточайшее наказание плетьми; коллежскому регистратору Третьякову сделать в присутствии строгий выговор и впредь ему никаких особых дел, кроме его должности, отнюдь не поручать.

Так закончилась бурная деятельность башкирского поэта и борца.

1886

ПОЭТЫ О БАТЫРЕ - ПЕВЦЕ



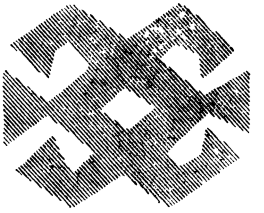
Демьян Бедный

«ДИКАЯ БАШКИРИЯ»

(Отрывок из поэмы)

А пришлось и Багрову задать стрекача,
Удирая от грозной руки «Пугача».
От суда Пугачева Емели
И его боевого собрата —
Башкира, бойца и певца, Салавата,
Угрожавших всем барам «мечом и огнем».
Кстати, слово о нем,
О Салавате.
Поэты советские, нате:
Предлагаю ударную тему
О башкире-певце
И бесстрашном бойце.
Написать можно чудо какую поэму
Какого захвата,
Какой значимости политической:
От Салавата
До Урало-Кузнецкого комбината
И Башкирии Социалистической!

1932



Шайхзада Бабич

САЛАВАТ БАТЫР

Сколько лет Салавату?
Зеленая шапка на его голове...

Из народной песни

Салават — поют, богатырь?
Салават — он какой богатырь?
Яр да смел — вот какой богатырь,
Смел да горд — вот какой богатырь.
Салават — надо львами лев,
Салават в поле брани лев,
А стрелы его острый гнев
Бьет без промаха на сто верст.
Салават, пращур твой — Урал,
Салават — ты молитвой стал,
Тело здесь твое, среди скал,
А душа твоя возле звезд.
Салават встал за отчий кров,
Салават всюду бил врагов,
Саблей горы сек, а от слов
Реки прядали из берегов.
Наше мужество — Салават,
Юность вечная — Салават,
Кровь твоя в нас кричит, как набат,
Мы верны тебе, Салават!

1918

Рашит Нигмати

САЛАВАТ

Двести лет над родными степями
Пронеслось с той поры грозовой,
Но доныне не стерто годами
Твое славное имя, герой.

Вместе с нами сражался ты смело:
Ведь на танке в дыму боевом
Салаватово имя горело,
Опаляя фашистов огнем.

И под стягом отчизны крылатым,
Как сигнал, что на битву зовет,
Песня звонкая про Салавата,
Вдохновляя, вела нас вперед.

Даль свободных степей озирая,
Изваяньем стоит Салават.
И ему я привет посылаю:
— Здравствуй, друг, современник, собрат!

1952

Александр Ромм

ДОРОГА В БИКЗЯН

(Отрывок из поэмы)

На разномастных конях
въезжает в аул война.
Она горячит своих коней,
осаживая на дыбы,
пылью она поднимает дорогу
выше конских голов.
Она сверкает над пылью,
и ржет, и копытом бьет,
со всех четырех подходов
она окружает аул.
Она окружает рыжие избы
и вспугнутых людей,
она отрезает аул от леса
и от Узяна-реки.
Она разрубает тело аула
синей шашкой своей —
и вот уже над шиханом
плавает бурый коршун,
и медленный предводитель,
опустивши руку на шашку,

стоит на верхней ступени
байского крыльца:
— Почему не даете людей
в государево войско?
— Знаете вы указ
великого государя?
Он отдает вам землю,
он отдает вам скот.
Он отдает вам траву
всех этих рощ и лугов.
Он отдает вам рыбу
всех этих рек и ручьев.
Он отдает вам волю —
железо плавить в горах!
Он отдает вам волю —
соль собирать в степях!
Он отдает вам волю —
полную, древнюю волю:
живите, как сокол в небе,
как рыба в ясной воде!
Воля его великая —
выше и тверже Урала,
слово его высокое —
слаще и крепче меда:
вставайте за правду биться,
остроги кругом горят!
На барскую их царицу
мы ведем — своего царя!

. . . . . .

— Молчите? Боитесь? Не смеете?
Я знаю, кто здесь изменник:
где ваш тархан?
Но головы опускаются,
глаза уходят в землю: тархан!
Азналла-агай!..

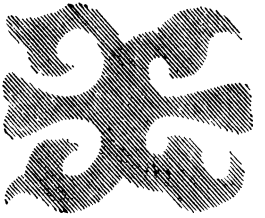
И только дрожащий голос:
— Не знаем.
Ушел в урман.
— Боитесь?
И обдали светом
неслыханные слова.
Он недаром рожден поэтом,
отчаянный Салават!
Огнем обжигают слова его,
гремят по Уралу дела его,
до Волги доходит гул.
Кто смеет — бая отстаивай,
кто может — правду облаивай:
самого Салавата Юлаева
слушает аул!
Речь его огневая —
ярости поток.
Он руку поднимает,
в руке его — уголек.
— Слушайте! Сладкие песни
поет уголек — знакомые!
Он — все, что царицын наместник
оставил от нашего дома.
Он — все, чем мы богаты,
остальное ушло купцам,
остальное сожгли солдаты
и выбросили псам!
Так пусть он свидетелем будет:
мы луков не разогнем,
пока царицыны люди
не станут таким же углем!
Боя боитесь?
Срам!
Бая боитесь?
Срам!
С кем биться боятся — с баями!

Да мы не спускаем войскам,
царицыным офицерам,
генералов ее вырубаем мы!..
Ну, поднимайте глаза,
не бойтесь тарханских нагаек!
Да мы, как степной хозлан,
на солнце глядим не мигая!
Горы о нас говорят,
степь нашей волей гордится —
идем на купцов, на дворян,
на ихнюю царицу!
В самое небо взмыв,
держимся — не погибаем!
С собою зовем вас мы...

...Ты лицо свое, край, потерял,
не узнать тебя, край, матерям.
Потерял ты, край, соловья,
перебиты твои сыновья.
И становятся в черную очередь
за отцовскими трупами дочери.
Салават привезен в цепях,
в нашем городе — двадцать пять.
И свищет кнут, жиловат —
соловей, соловей Салават!

Как с кобылы сняли певца,
от щипцов, от кнута — в крови,
повезли по дорогам певца
в балтийский порт — Рогервик.
На телеге сидит Салават,
стынет солнце в чужих полях,
через всю страну — на закат,
на закат дороги пылят...

1936



Баязит Бикбай

САЛАВАТ

(Отрывок из драматической поэмы)

Салават

Меч свой бери и готовь свой лук.
Грозная нам предстоит война.

Асылгул

Эх, Муглифа, голубка моя...

Салават

Освободим свою мы страну.
Радость свою покидаю и я.
Ну-ка, скорей зови Амину...

Вбегает Амина и обнимает Салавата.

Амина

Милый!

Салават

Ты плачешь?

Амина

Капли дождя...
Что же теперь я делать должна?
Нет в твоем сердце больше огня.

Салават

Что ты подумала, Амина?
Нет, моя ласточка, я вернусь...

Амина

Я за тебя, любимый, боюсь.
Дома останься хоть на денек.

Салават

Верен я долгу!..

Быстро входит Юлай.

Юлай

Слушай, сынок,
Надо с тобою потолковать...
Вижу, собрался ты! В добрый час.
Дочка, ступай-ка, проведай мать.
Женщинам нечего слушать нас.
Ну, мне в глаза смотри, Салават.
Не за царицу идешь ты в бой!
Воинов ты ведешь за собой
В стан к Пугачеву...

Салават

Отец!

Юлай

Я рад.

Салават

Землю и волю он нам сулит,
Жить, словно птица, рыба и зверь,
Станут башкиры.

Юлай

Но ты, джигит,
Сам присмотрись к нему, все проверь,
Смело тогда народ поднимай.
Пусть загудит великий набат...
Знак тогда мне, старику, подай.

Входят Кюнбике, Тимербике и джигиты.

Кюнбике

Белый платок возьми, Салават.
Чище, белей лебединых крыл
Этот, даренный мною платок.
Чтобы ты честным и светлым был,
Чтоб вспоминал нас чаще, сынок.

Юлай

Чтобы с дороги ты не свернул,
Сын мой, отважным героем будь.

Муглифа

На и тебе платок, Асылгул.

Асылгул

Ах ты, голубка!

Салават

Джигиты, в путь!
В ночном томительном пути
Попутчицей сова нам будет,
В осенней высохшей степи
Подстилкою трава нам будет.
Урал мой, древних гор краса,
Луга, кочевья и леса,
Пусть этой сабли полоса
Тебе защитницею будет!

Амина

Будь осторожен, любимый мой,
Не забывай нас.

Салават

Отец, прощай,
Мать, Амина моя, дом родной,
Порабощенный Урал, прощай!

Джигиты прощаются с провожающими их,

Хор

Будьте смелы, словно львы,
Будьте зорки, как орлы.
И врагов крушите вы,
Беспощадны и смелы.
Если стрел взметнется рой,
Храбрый скажет: дождь идет.
Если хлынет кровь из ран,
Храбрый скажет: это пот!

1954

Яков Ухсай

САЛАВАТ ЗОВЕТ К БОРЬБЕ

(Отрывок из трагедии «Тудимир»)

Тудимир

Их спаивали,
Мучили обманом.
А на похмелье — плети да кнуты.
В жестоком мире,
Мире окаянном
Дни были и солены, и круты.
Не знал башкир,
Что значит злая ложь,
Что за улыбкой может крыться нож.
Но если гневом праведным вскипал,
То никому уж спуску не давал.
Я весть одну узнал среди башкир:
Нарушен вновь на родине их мир.
В одном порыве вздыбился народ,
К нему Пугач,
Царь праведный идет.
В огне пожара сгинули бояре,
Насильники,

Злодеи,
Палачи.
Все поднялись — будь молод или стар он,
Взметнувши колья,
Копья и мечи.
Среди башкир есть беркут молодой,
Средь прочих — самый смелый,
Удалой,
Сын старшины Юлая
Салават,
Народный предводитель,
Друг и брат.
Его слова до чувашей дошли
И души их огнем борьбы
Зажгли.

Голоса

Да будет жив воитель Салават!

Тудимир

...Он донести велел свой аманат:
«Чтоб навсегда исчезла кабала,
Чтоб навсегда насильники исчезли,
Все на борьбу...»
Борьбе нашей хвала!

Голоса

Хвала, хвала!
Жив будет Салават!

1940

Максуд Сюндюкле

ВСТРЕЧА В БЕРДЕ

(Отрывок из поэмы «Салават»)

В руках Салавата курай —
Песня протяжная льется:
Имеющий душу — рыдай,
Коль что-то в тебе отзовется.

Тихо спросил Пугачев:
«О чем твое сердце тоскует,
О чем твоя песня без слов
Тревожно и грустно толкует?»

Ему отвечал Салават:
«Курая кипящие звуки
О душах людских говорят,
Прошедших все смертные муки.

Мальчишкой я слышал — поет,
Под посвист пронзающий плети,
Мой гордый, забитый народ
Мелодии горькие эти.

За то, что глаза так черны
Ясак нас платить заставляют;
Наши губы опалены —
В дыхании гнев полыхает.

Себялюбец услышит хулу.
Но вовеки не будешь забытым
И трикратно узнаешь хвалу,
Если сердце народу открыто».

С места вскочил Пугачев:
«И русские песни об этом!
Сойдемся к плечу плечо,
Братским сильны обетом.

Врагу не видать наших спин,
Нас много, нас буйное море.
Встанем мы все как один
И с сытыми в сече поспорим.

Ты жил головы не клоня, —
Молва тебя славой согреет.
И слава светлее огня
Народ твой навеки овеет!»

1940

Ханиф Карим

БАЛЛАДА О САЛАВАТЕ

Построен бронепоезд имени Салавата Юлаева.

(Из газет)

I

Он, видно, песен всех своих не спел,
Не отомстил за все...
И час настал:
Юлая сын, как прежде, горд и смел!—
Из тишины истории
Он встал.
Он встал из скал,
Из поднебесных скал, —
На них орлы Урала
Гнезда вьют.
Сегодня бронепоездом он стал,
Пошел туда,
Где вражью свору бьют.

II

Мы видели
При ясном свете дня,

Как по Уфе
Прошел степенно он,
Как оседлал
Горячего коня
И вдаль помчал, —
Народом окрылен.

Мы видели,
Как вдоль реки своей
Он с нами шел,
Чеканя твердый шаг.
Рожденных для сраженья сыновей
Он провожал,
Держа свободы стяг.

Мы видели:
Он, окрылен и лих,
Размахивая пламенем клинка,
Врага с плеча
Крушил в степях донских, —
Он, «как стада бараньи, гнал врага...» *

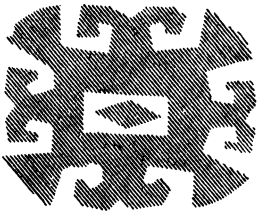
III

Народа сказ —
Крылат, —
Он песни брат,
Сор клеветы к батыру не пристал:
Бессмертный,
вдохновенный Салават! —
Сегодня бронепоездом он стал.

1943, Фронт

---

* Слова из народной песни о Салавате.



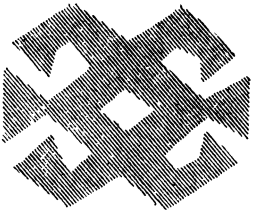
Михаил Дудин

СТЕПЬ

(Отрывок)

По степям проходит не спеша
Друг степей, живая их душа,
Весел, коренаст и рябоват,
Бронзовый от солнца Салават.

1949



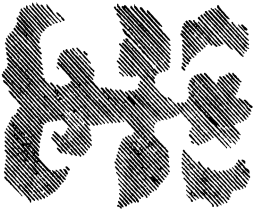
Михаил Дудин

СЕМЬЯ

(*Отрывок*)

Мне бы глаз твоих агаты
Целовать,
Где в степях гулял когда-то
Салават.
Только ветер в ноздри бился
Горячо.
С ним навеки подружился
Пугачев.
По степным яругам рвались
Оба в бой...

1949



Мустай Карим

САЛАВАТ

(Отрывок из драматической поэмы)

ВОСПОМИНАНИЕ

Стан Пугачева. Ясное осеннее утро. С криком пролетают стаи диких гусей. Доносятся звуки набата. Петр и Мария выходят из-за деревьев.

Петр.

Благослови нас, солнце, и поздравь!
Супругами мы стали этой ночью.
Читал молитву свадебную ветер,
звенели звезды, словно бубенцы.
Вот и сейчас еще...

Мария.

Казак безумный,
не благовест несется, а набат.

(Прижимается к нему).

Петр.

Нет места на земле сегодня страху.
Мы стали мужем и женой. Пусть будет

зардевшееся утро непорочным,
а ночь придет...

Мария.

Угомонись, бесстыжий.
Я так боюсь...

Петр.

Кого, Мария?

Мария.

Бога.
Вдруг не простит он мне грехопаденья.

Петр.

Когда бы господь карал людей за это,
где б время взял он милости творить?
Дай обниму тебя пред целым светом,
пусть знают все, что ты моя жена!

Мария.

Ох, обольститель девушки невинной!
Все невтерпеж тебе... Все невтерпеж,
а мог бы по закону, после церкви...
И что тебя я, ирода, люблю?

Петр.

Еще успеем в храме обвенчаться.

Мария.

Когда, желанный?

Петр.

Скорого скорей.
Царь Петр Третий Оренбург возьмет
и прямо на столицу двинет войско.
Тогда, казачью сотню возглавляя,
я первым во дворец ворвусь к царице:
— Слазь, Катька, с трона! Слазь и не канючь!
Пожаловал законный государь!
Так объявлю и взáшей эту шельму.
Затем, перекрестившись, я законно
по праву руку встану от царя.

Мария.

(с восхищением).

Ой, Петя, до чего же ты могуч!

Петр.

Отечества слуга... Вот сами власть захватим
и в белокаменной Москве... Нет, лучше
в Санкт-Петербурге под венец пойдем.
И главный поп всея Руси в соборе
благословит нас, кольца поднеся.
Мы опосля венчанья пир горою
устроим в тех хоромах, что ко свадьбе
подарит нам взошедший на престол.

Мария.

(прильнув к Петру).

Ой, Петенька, тогда я, что ни день
блины печь буду или калачи!

Петр.

Дуреха ты! Подумаешь, блины!
(Картинно положив руки на бедра).

Я, может, князем стану аль бароном,
произведен указом высочайшим
в фельдмаршалы...

Мария.

По-твоему, выходит,
что не едят фельдмаршалы блины!
(Испугавшись).

Нет, милый, нет! Негоже прыгать нам
из грязи в князи! Бог с ним, со двором!

Петр.

Почто негоже? Статью иль умом
не вышел я?

Мария.

Умен ты и пригож,
да в этом ли все дело, ненаглядный!
Иного я страшусь...

Петр.

Опять — страшусь. Чего теперь?

Мария.

Княженья твоего!
Ан вдруг иной объявится Пугач!

Тебе на плахе голову отрубят,
меня солдатам бросят для забавы.
Не лезь в князья, в фельдмаршалы не лезь.
Куда спокойней быть простолюдином.

Петр.

(приложив к губам палец, озираясь).

Какой Пугач? Что мелешь? Аль сдурела?
Царь Петр Третий он, а не Пугач!

Мария.

Ну не серчай. Обмолвилась, забыла,
развеял ветер те слова мои...
Как думаешь, не станет ли гневиться?

Петр.

Кто?

Мария.

Емельян, то бишь царь Петр, если
проведает о нашей он любви?

Петр.

Во мне души не чает царь, и вскоре
определит он в сотники меня.
К тому же тезки с государем мы.

Мария.

Благословит ли нас твой покровитель?

Петр.

Двумя руками.

Мария.

Хватит и одной.

(Обняв Петра и гладя его по голове).

О милосердный боже, защити
ты буйную головушку вот эту,
ей, золотой, не дай скатиться с плеч.

Петр.

С тобою мне расстаться тяжелее,
чем с головою собственной, поверь.

Мария.

(обхватив руками его голову).

Нет, нет! Пускай головушку шальную
минуют пуля, сабля и топор.
А колокольный гул еще течет...

Петр.

Звонарь хмельной куражится, поди.

Сцена меняется.

Пугачев

(из дома).

Почто бьют в колокол? Эй, кто-нибудь!

Есаул

(вбегая).

Беда, мой государь!

Дальнейший разговор идет через окно.

Пугачев

(спокойно).

Докладывай, служивый!

Есаул.

Сегодняшнею ночью двум дозорным
враг глотки перерезал, словно курам,
а третьего украл. Четвертый чудом спасся.
Все часовые были во хмелю.

Пугачев.

Пусть перестанут в колокол дубасить!

Есаул

(кричит).

Звонарь, угомонись! Кончай трезвонить!

Набат стихает.

Пугачев.

Кто за старшего был в том карауле?

Есаул.

Он с глоткой перерезанной лежит.

Пугачев.

Четвертого тогда, который спасся,
привесть сюда и кликнуть атаманов!

Есаул.

Дозволь итить?

Пугачев.

Постой!

Есаул.

Что, государь?

Пугачев.

Всех казаков в свидетели зови!
Наукой будет!

Есаул.

Слушаюсь!

Пугачев.

Ступай!

Есаул убегает. Пугачев выходит на крыльцо. Это крепкий мужчина, лет 32—33. Во всем его облике чувствуется властность и сила, а во взгляде проницательность и воля.

Хоть самозванец я, тяжел мой жребий,
а каково в заботах о державе
нести свой крест законному царю?
Хоть по-людски и чувствую, и мыслю,
а суд вершить по-царски я должон.

Когда в узде держать не буду войско,
емперию к рукам не приберу.

За справедливость ратовать взывал я,
а сколько сам взял на душу греха?

Отринул бы жестокость, да неволен
я дело справедливое предать.
Запущено восстанья колесо,
но иногда оно, с дороги сбившись,
прет, подминая самого меня.
Царь самозванный я, а если буду
и вправду настоящим самодержцем,
то станет трижды шапка тяжелей.

Два казака выносят из дома позолоченный походный трон. Ставят чуть поодаль. Уходят.

(Посмотрев на трон).

Впрямь царский трон, коль с облака
посмотришь.
А спустишься — над пропастью гнездо.

(Кричит).

Эй, атаманы, долго ли мне ждать вас?

Собирается народ. Среди них Мария. Входят атаманы и останавливаются по обе стороны трона. Только после этого Пугачев опускается на трон. Двое казаков приводят того, «спасшегося чудом» казака.

К суду готовы?

За сценой гул одобрения.

А т а м а н ы.

Начинай! Верши!

Пугачев.

Судить врага легко,
своих судить, ох, тяжко!
Но каждый пусть из вас запомнит, братья,
что нет тому пощады и не будет,
кто, власть мою наследную позоря,
наносит войску славному урон.
Под Красным Яром кто в дозоре был?

Помешанный казак.

Я... точно, я... Убили, царь!

Пугачев.

Кого?

Помешанный казак.

Не видишь, что ли... Убиенный я.
За упокой вели подать мне чарку!
На посошок...

Пугачев.

Что мелет он?

Есаул.

(крутит пальцем у своего виска).

Свихнулся!

Помешанный казак

(показывая на небо).

Зашел сюда дорогой на тот свет я.
Там не нальют... Держи карман пошире.

Вели подать, помазанник, сам бог
тебя, клянусь, вознаградит за это.

Пугачев.

От этих чарок спятила Россия!
Где надобно молиться, водку жрут.
Ополоумел! В степь его! Пусть сам он
идет к чертям, до коих напивался.

Помешанного казака выталкивают.

Помешанный казак

(уходя).

Лишь чарочку одну... Глоток один!
У, Каин!

Со стороны кулис громкий голос Салавата; «Дорогу мне! Посторонись, дубина! Я — Салават, со мной полтыщи сабель!»

Пугачев.

(есаулу).

Слышь, есаул, кто рвется там, горланя?

Есаул

(вбегая).

То басурман отчаянный какой-то,
себя назвавший отпрыском Юлая.

Пугачев.

Что за Юлай?

Е с а у л.

Да старшина башкирский.
Сорви-башка сынок его...

П у г а ч е в.

Впусти!

Е с а у л.

Охрана! Пропусти! Двоих — не боле!

Влетает Салават, с ним юный Байназар. Они устремляются прямо к Пугачеву, но тот останавливает их поднятой рукой.

П у г а ч е в.

Погодь, мой гость, покуда суд не кончу.

(Кивком головы).

Посланнику восставшего народа
сидение подать!

Вносят кресло и ставят его напротив трона.

Садись, посланник!

Салават садится. Байназар стоит за его спиной. Видно, что сидят два повелителя. Пугачев внагале обращается к народу, затем к атаманам.

К суду приступим! Розги, есаул!

Один из казаков вносит охапку прутьев. Опускает их у края кулисы, пробует одну розгу, рассекая ею со свистом воздух. Второй казак через всю сцену за кулису, у края которой лежат розги, проносит деревянную скамью. Он ставит ее так, что зрителю она не видна. Тревожная тишина.

Помешанный казак

(издалека).

Лишь чарочку одну, когда ты царь!

Пугачев.

Кто снаряжал дозор?

Петр

(выходя вперед).

Я, государь!

Пугачев.

А как зовут тебя?

Петр.

Петром! Десятский Петр!

Пугачев.

Выходит, тезки мы с тобой, десятский!

Петр.

Выходит, так. Вот нумера лишь нет.

Пугачев.

Его тебе поставят на скамье
за то, что в караул отправил пьяных.
Пять розг ему. И пять за то, что ночью
дрых, не проверив высланных в дозор.

К тем десяти еще пять розг прибавить
за посрамленье имени Петра!

Мария

(кинувшись в ноги Пугачеву).

Отец, помилуй! Я была с ним ночью.
Ударов треть мне всыпать повели.

Пугачев.

Взялась откуда эта потаскуха?

Петр.

О царь, не обижай моей жены!

Пугачев

(глядя с восхищением на Марию, про себя).

Ах, хороша! Впрямь трудно устоять!

(Петру).

За то, что смел жениться, не спросив
у нас благословения на это,
пять розг ему прибавить, а ее

(показывая на Марию).

отныне под моей защитой числить!

(Про себя).

Соблазна, окаянная, полна!

Петр.

Последние пять розг из двадцати
дозволь считать твоим благословеньем.
И станет мне казаться, что наносит
их месяца медового рука.

Пугачев.

Не мешкать! Исполняйте приговор!

Улыбающийся Петр сам снимает с себя чекмень и уходит, чтобы лечь на скамью. Слышится отсчет ударов.

Мария.

Ой, Петенька, возлюбленный ты мой,
за что твоя головушка страдает?

Есаул.

Головушка должна быть на плечах.

Петр

(за сценой).

Не убивайся, дорогая. Нынче
царевы розги — праздник для меня!

Пугачев

(неожиданно).

Те казаки в чьем подчиненье были?

Все молчат.

Кто атаман их?

Нет ответа.

Отвечайте, кто?!

Иван.

Я, государь!

Пугачев

Ах, ты? Иван Федулов?

Иван.

Да.

Пугачев.

А коль так, то за беду ночную
взять на себя готов ли ты вину?

Иван.

Готов, но только...

Пугачев.

Что за «но»? Ты лучше
ответствуй прямо, словно отрубив!

Иван.

Я атаман казачий! И об этом

(с угрозой)

след помнить и тебе, мой государь!

Пугачев

(вспыхнув).

Ах, атаман? Тогда сымай скорее
чекмень свой драгоценный и тебя
пятнадцать розг почтению научат.
Чего стоишь? Сказал я, раздевайся!

Иван.

Мне розги, царь?

Пугачев.

Аль богом ты помазан?

Иван

(грозно).

Ой, не пришлось бы пожалеть, владыка!

Пугачев

(вырвав саблю).

Не спятил ли, Федулов, ты, как тот
отпетый бражник, выдворенный в степь?
Сымай чекмень! Иначе опозорю:
и связанного выпорют тебя!

Иван

(глядя на небо, снимает чекмень).

Гляди, воитель русского престола,
чтоб солнышко твое не закатилось!

Иван с мстительной гримасой уходит, чтобы лечь на скамью. Слышно, как его стегают. Остальные атаманы разгневаны поступком Пугачева. Народ удивлен, но на стороне Пугачева, который в это время сидит в раздумье, опустив голову. Вдруг резко поднимается с трона.

Пугачев

(в сторону скамьи, где наказывают Ивана).

Эй, слышь, казак, сколь розг еще в запасе?

Казак.

Достаточно.

Пугачев

Тащи сюда весь ворох.

Казак вносит охапку прутьев и останавливается перед Пугачевым, который начинает снимать верхнюю одежду.

Власть высшая для каждого из вас я,
и потому положена от бога
за добродетель вашу и проступки
мне, грешному, не только благость — кара.
Как ни крути, на совести моей
зарезанные ночью в карауле.
Несу ответ за них я. Эй, казак,
мне тридцать розг, не дрогнув, отсчитай!

Женщина.

О господи!

Пугачев

(растерявшемуся казаку).

Приказываю: бей!

Мужчина.

Ужель царя он выпороть решится?

Мария

(выходя вперед).

Не смей, казак! Ударишь — бог накажет!

Пугачев

(казаку).

Что медлишь, трус! Приказываю: бей!

Казак

(плача).

Рука не поднимается, правитель!

Пугачев

(примирительно).

Ну ладно. У судьбы рука не дрогнет,
еще свое с лихвой я получу!

Голоса.

— Царю Петру хвала за справедливость!
— Да здравствует наш самодержец! Слава!

Салават

(подойдя к Пугачеву).

Я Салават, сын старшины Юлая!

Пугачев.

Мне ведомо о том.

Салават.

Полтыщи конных
привел я под твое начало, царь!

Пугачев.

Благодарю, джигит! Не позабудет
отечество поступка твоего.

Салават.

Желал бы откровенным быть с тобою.

Пугачев.

Не налагают пошлины на слово,
ценю чистосердечный разговор.

Салават.

Когда сюда скакали, думой смутной
башка моя терзалась. Размышлял я:
«Откуда взялся он, и в чем таится
могущество его, о коем ходит
стоустая молва по всей державе?»

Пугачев.

Теперь что скажешь?

Салават.

Истинный ты царь!
Бери нас под крыло свое и смело
рассчитывай на всадников башкирских.
Сочту за честь, когда меня назначишь
своим стремянным ты или рабом.

Пугачев.

Рабы — погибель для страны и войска,
мне требуются други — не рабы.
Дай обниму тебя, товарищ верный,
сподвижник мой, отечества слуга.

(Обнимает Салавата).

Салават.

Ограблена земля моя, но все же
ограблена она не догола.

Ограблены леса ее, но все же
еще в них птицы гнезда вьют весной.
В ее потоках воду замутили,
но есть где напоить нам скакунов.
В ее горах пробили кладовые,
но есть еще железо для мечей.
И можно было б жить на этом свете,
где вслед за солнцем ходит ясный месяц.
Но вод беда: над правдой надругались,
оклеветали, затоптали в прах.
Свободу, словно птицу, пристрелили
и ангела, что совестью зовется,
принудили к распутству за барыш.
И стало жить невмоготу на свете,
одна теперь надежда — на тебя!
Убитое и попранное сможешь
ты воскресить и вознести?

Пугачев.

Смогу!

Салават.

Брось клич тогда, великий государь!
И вся как есть Башкирия восстанет.
Чтобы не ради славы и корысти,
а ради справедливости сражаться.
Великодушным будь и прикажи
моих людей впустить, как равных,
в крепость!

Пугачев.

Где есаул?

Есаул.

Я здесь, мой государь!

Пугачев.

Немедленно ворота крепостные
перед башкирской конницей открыть.

Есаул

(кричит).

Впустить башкир всех до едина в крепость!

Как эхо, звучит вдалеке: «Впустить башкир всех до едина в крепость!» «Впустить башкир...» «Впустить башкир всех в крепость!»

Салават

(склонив голову перед Пугачевым).

Благодарю,
и помни, государь:
тебе на верность присягнул я ныне!

Быстро поворачивается и уходит в сопровождении Байназара.

Пугачев

(вслед ему).

Бог в помощь, мой сподвижник удалой!

Мария

(про себя).

Что горный барс, красив он и отчаян,
а тот, второй, любую обольстит.

Свет гаснет.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Тыл войска Салавата. Невдалеке слышен гул боя. Раздаются команды: «Вперед!» «Вперед!» Доносится мелодия народной песни о Салавате.

Много ль весен Салавату?
Ровным счетом двадцать две.
Зелена́ из выдры шапка
у него на голове.
Стал он рано бригадиром.
И, как дерево в листве,
зелена из выдры шапка
у него на голове.

Озираясь по сторонам, крадучись, входит Илеш — сын Баиша.

И л е ш.

Потомственный я кровник Салавата,
два наших рода во вражде старинной
спешат друг другу глотки перегрызть.
И потому я родичами избран
отправить Салавата на тот свет.
Коль нынче не убью, то завтра будет поздно:
он может вознестись на крыльях славы
и до него тогда не дотянуться.
Напутствуя меня, сказал отец мой:
«Коль не убьешь, рабом его ты станешь».

(С душевной грустью).

А чем меня обидел Салават?
Чем оскорбил? Унизил чем? Какую
нанес мне рану? Скот ли мой угнал,
отбил невесту иль коня похитил?
Иль загнанного мною на охоте
подранка-зверя он перехватил?

В чем виноват, ума не приложу я.
Недоброе поручено мне дело.
Избавь меня, о боже, от него!
Упала бы гора с души, когда бы
погиб на поле брани Салават.

Дрожит рука, а я не робкий малый.
Связал себя с клятвою кровавой,
и пропасть позади меня теперь.
Нет выхода. Убить его обязан!

Опираясь на саблю, входит Байназар. У него ранена нога, но весь он еще в воинственном пылу победного боя.

Байназар.

Победа, брат! Да здравствует победа!
Фортуна улыбнулась нам нежданно.
Когда, казалось, все к чертям погибло,
рванулся в пекло боя Салават.
Ах, если б видел ты, как он рубился,
и мертвых за собою увлекая.
Противник дрогнул! Глянь, как он бежит.

(Глядя на Илеша, потупившего взгляд).

Что брови хмуришь? Иль не рад победе?

Илеш.

Я радуюсь...

Байназар.

Да кто же с постной рожей
встречает весть о радости такой?!

(Глядя вдаль).

Бегут враги! Назад поперли! Глянь-ка.

(Прихрамывая, поднимается на возвышенность).

Ай, молодцы, татары! Эко лихо
под пулями орудуют клинками.

А рыжий-то? Чуваш Укап, ну, право,
на льва походит! Ух, здоров он, дьявол!

Илеш незаметно уходит.

Отсюда полюбуйся!

(Оглядывается).

Ба, куда же
девался этот странный человек?
А может, он из тех, кто норовит
пригреться возле славы Салавата?

Еле передвигая ноги, входит скорбная Мария. В ее руке белая папаха Петра.

Мария.

Ох, Петенька, с плеч буйная твоя,
на горе мне, головушка скатилась.

Байназар

Мария, ты?

Мария

(причитая).

Ой, Байназарушка,
затмилось солнце красное. Убили!
Петра убили. Нет его. Погиб!

(Плачет).

Байназар

(хромая, подходит к ней).

Как мне тебя утешить дорогая?

Мария.

Не утешай. Вот выплачу все слезы,
навоюсь по нему и — утоплюсь!

Байназар.

По нашему закону, это грех!

Мария.

И по Христу, великий грех, да разве
смогу я жить без Петеньки мово?

(Прижимая к груди папаху, плачет).

Когда не церковь, то одна могила
соединит нас!

(Кидается куда-то бежать).

Байназар

(удерживая ее).

Баба-дура, стой!

Мария.

Ой, не замай! Пусти!

Байназар.

Пустить нельзя!
За мертвым хода нету!

Мария.

(мягко).

Пусти меня, голубчик Байназар!

Байназар.

Пожалуйста, садись! Остынь немного!

Мария послушно садится на камень. Всхлипывает.

Мария.

Невенчанная баба овдовела...

Байназар.

Над нашим станом ты звезда, Мария!
Молю: свети, а то настанет тьма!

Вдруг зашатался, оперся на саблю двумя руками, и только тут Мария заметила, что он весь в крови.

Мария

(испуганно).

Ты весь в крови! Ты ранен? Вот сейчас
чуть отдышусь и сделаю повязку.

Байназар

(качается).

Держи деревья! Падают они!

Мария

(рванувшись к нему).

Ты на меня скорее обопрись!
Держись! Держись! Сейчас перевяжу я.

Уводит Байназара, который обнял ее за плечи. За сценой шум боя утихает. Слышны ликующие крики: «Ура!» Победа!» «Слава Салавату!»

Входят Салават, Канзафар, Укап с булавой за поясом. У Салавата ранено предплечье. Все разгорячены боем, возбуждены. Их окружает народ, держа в руках оружие и подкидывая шапки.

Голоса.

— Хвала батырам! Салавату слава!

Вводят пленных, грубо подталкивая прикладами.

Салават

(подняв руку с клинком).

Не трогать пленных! Будет проклят тот,
кто руку занесет над побежденным!

Укап.

Когда бы мы в полон к ним угодили,
то уши нам отрезали бы враз!

Салават.

Мы — не они!

Канзафар.

Жаль хлеб переводить.

Салават.

Отправить к оружейникам, пускай
льют пушки и мечи куют для войска.

Укап.

Все это по-чувашски: поработай,
коль хлеб жуешь...

Салават.

Соратники мои!

Все поворачиваются к нему.

Благодарю за мужество и доблесть!
Немалой кровью куплена победа
и потому дороже нам вдвойне!

Канзафар.

Ты прав, батыр, заплачено с лихвою...

Укап.

Багровым, как от спелой костяники,
стал берег весь. С башкирскою и русской
слилася кровь татар и чувашей,
калмыков и мордвы. Единство крови!

Салават.

Быть может, станет местом поклоненья
Земля, где кровно побратались мы!

Канзафар.

А если все до первого дождя —
и кровь и память...

Укап.

Не кощунствуй, дядя!

Салават

(вспомнив).

Где Байназар? Не вижу и Петра.

Один из воинов.

Был первый ранен, а второй убит!

Салават.

Петра-героя памятью почтим!

Все снимают шапки.

Канзафар.

Когда бы мне он доводился сыном,
гордиться им я мог бы, старый воин!

Укап.

Ой, плакать будет бедная Мария...

Кто-то

(спрятавшийся за спинами людей).

Добро не пропадет... Еще утешим.

Салават.

Обидчику ее сверну я шею!

Кто-то.

Хана башкирам! За Марию — шею,
а за Ивана — голову! Хана!

Салават.

Что за шакал там, притаившись, лает?

Кто-то.

За русских душу ты продать готов!

Салават

(подняв клинок).

Когда не трус, то выходи вперед!

Кто-то.

Настанет срок, и выйду...

Салават

Берегись!
Ты ржавчина, ты враг булатной стали,
а я поклялся именем пророка
всегда держать оружье в чистоте.

Слышится топот коня. Все прислушиваются к нему.

Первый воин

(глядя вдаль).

Видать, гонец... Казак...

Второй воин.

Откуда знаешь?

Первый воин.

Подтянуты высоко стремена.

Укап.

Башкир, казак ли... Весть была бы доброй.

Входит есаул.

Есаул.

Указ его величества Петра!

Голоса.

— Указ! — Опять указ!

Есаул.

Все слухайте!

Достает из-за голенища свернутую бумагу. Народ гомонит.

Канзафар.

Базар кончайте! Слушайте указ!

Шум утихает.

Есаул

(читает).

Указом высочайшим объявляет
величество его, царь Петр Третий,
что старшине башкирскому Юлаю
полковника пожаловал он званье!

Голоса.

Полковника? Ай, здорово!! Ура!

Есаул.

А где полковник сам, Юлай Азналин?

Салават.

Он расставляет конные дозоры,
ему доложат, есаул, об этом.

Есаул.

Читаю дале царский я указ:
Укапу Кудряшову, чувашу,
полковника пожаловано званье!
Где Кудряшов?

Укап.

Здесь есаул!

Есаул

(подойдя к нему и протягивая руку).

Полковник, поздравляю!

Укап.

Спасибо, есаул!

Есаул.

Читаю дале: Канзафар Усаев,
как предводитель доблестных татар,
произведен в полковники! Усаев!

Канзафар

(выходя вперед).

Я самый! Здесь!

Есаул

(протягивая руку ему).

Полковник, поздравляю!

Канзафар.

Спасибо, есаул.

Есаул.

Читаю дале.
Четвертое:
указом высочайшим
башкирских ополченцев предводитель,
Юлая сын, полковник Салават
пожалован бригадным генералом.

(Салавату, взяв под козырек).

Я счастлив вас поздравить, генерал,
и ленту бригадирскую вручить!

(Через плечо повязывает ленту Салавату).

Голоса.

— Вот радость: енерал! Якши! Якши!
— Да здравствует Юлаев Салават!
— Почет и слава енералу! Первый
он енерал! Послужим енералу!

Салават

Спасибо, есаул! Пусть знает император,
что этот шелк не запятнаю я!

Есаул.

Дозволь спросить. На вид ты очень молод,
годов-то тебе сколько, генерал?

Звучит песня. Она звучит как ответ на вопрос есаула.

Много ль весен Салавату?
Ровным счетом двадцать две.
Зелена из выдры шапка
у него на голове.

Народ, находившийся на сцене, с удивлением смотрит по сторонам, словно желая определить, откуда доносится песня.

Стал он рано бригадиром,
и, как дерево в листве,
зелена из выдры шапка
у него на голове.

Постепенно песня затихает.

Салават.

Почудилось, что песню слышу, только
понять не смог, где пели.

Канзафар.

Показалось,
что пели где-то рядом и вдали.

Один воин

А может быть, с небес она слетела
иль из реки вспарила, как туман?

Все слушают.

Укап.

Из будущего песня эта, братья.

Есаул.

Мерещится... Нет песни никакой!..
Царев указ повелевает так же

дать по рублю на брата серебром
всем воинам, в бою явившим храбрость!

Голоса.

— На каждого целковый серебром!
— Щедра рука царя!
— А деньги где?
— Погибших долю разделить меж нами!
— Всем поровну!

Есаул.

У мертвых нету доли!

Голоса.

— Где денежки?
— Кто раздавать их будет?

Есаул.

Вон привезли. Два вьюка! У меня
десятские получат все по счету.

Уходит. Быстро расходится весь народ. Остаются Канзафар, Укап, Салават.

Голоса.

— Десятские, айда!
— Не просчитайтесь!

Салават.

Как всемогущ язык у серебра,
в мгновенье ока весь народ слизал он.

Укап.

Карман обременить не могут деньги...

Салават.

(обняв обоих).

Соратники, друзья мои, спасибо!
Какой был день!

Укап.

Отменный день!

Канзафар.

Носи легко свой тяжкий чин, бригадный!

Салават.

Аминь, полковник. Сбудется, даст бог!
Обрадовать, отец, пора. Кто радость
скрывает, тот обкрадывает ближних.

Канзафар.

Честь окажи полковнику! Охота
мне к старику явиться с доброй вестью!

Салават.

Коль так, скачи, но повели, полковник,
двум всадникам тебя сопровождать!

Канзафар уходит.

Укап.

И я пойду, а то с деньгами мигом
безропотных надуют чувашей.

Уходит.

Салават.

(гладя ленту).

Из шелка и не весит ничего,
а тяжелей ярма она стократ.
Я рад и горд, но вот заботы новой
немало эта лента принесла.

Судьба судила первым генералом
мне стать среди сородичей моих.
Высокой удостоился я чести,
а честь такая по плечу ли мне!

Бог милосердный, ты меня возвысил
и в помощи теперь не откажи!
Подай совет в тяжелую минуту,
умножь мой разум, волю укрепи!

В пляс кинуться бы должен я, ликуя,
а, кажется, на цыпочках иду.
Тревожно на душе моей, тревожно,
но к отступленью сожжены мосты!
Нет выбора! Один лишь путь — вперед!

Собирается уходить, но в это время вбегает Гульназира и бросается к его ногам. Она молода, красива, На ней богатая одежда всадницы, что говорит о ее принадлежности к знатному роду.

Гульназира.

Прости, батыр! Прости великодушно...

Салават.

Кто ты такая? Встань! Встань, говорю!

Гульназира.

Я проклятая женщина. Позор мне!

Салават

(старается поднять ее, но она продолжает стоять на коленях).

Кем проклята ты, женщина?

Гульназира.

Судьбою!

Салават.

За что она так обошлась с тобой?

Гульназира.

За мужа.

Салават.

Встань! И объясни все толком.

Гульназира

(продолжая стоять на коленях).

Он трусом оказался и сбежал,
когда повел ты всадников в сраженье.
Теперь, ничтожный, ходит по селеньям,
как белену, молву худую сеет.
Мол, Салават убит, а войско разбежалось.
Пришла, чтобы упасть к твоим ногам.
Меч не сечет повинной головы,
Прости меня, покрытую позором.

Салават.

Да в чем ты виновата, не пойму.

Гульназира.

Изменника жена я, и на мне
лежит позор, как след от черной оспы.
Была в семнадцать замуж отдана,
полгода лишь со свадьбы пролетело.
А кажется, обуглилось все тело.
Как смыть позор? Что делать, научи.

Салават

(взяв ее за руки, поднимает с колен, восхищенно смотрит на нее).

А если я скажу, что ты невинна,
что золото не может потускнеть,
хоть грязная рука его касалась.

Гульназира.

Тогда самим пророком заклинаю:
оставь меня при войске, Салават!

Салават

(с улыбкой).

Ты шутишь или думаешь, что войско
лишь в зеркальце глядится что ни день.

Гульназира.

А ты, батыр, наверное, считаешь,
что воинов тебе рожают сабли!

Салават

(строго).

Известно мне, кто воинов рожает.
Они рожают, я веду на смерть!

Гульназира

(зардевшись, закрывая лицо руками).

Скажи, батыр, пригожа я иль нет?
Понравиться могу ли я тебе?

Салават

(пораженный вопросом).

От твоего лица исходит свет.
Ты—словно перстень с камнем драгоценным.

Гульназира

(в каком-то решительном порыве).

Тогда меня женой своею сделай,
чтобы в бою с тобой и на привале
я находилась рядом всякий час.

Открою тайну: до войны на скачках
увидела тебя я ненароком
и словно обезумела с тех пор.
Глаза закрою — ты мне ночью снишься,
проснусь чуть свет — ты снишься наяву.

(Спохватившись).

Что говорю? Где стыд мой, о всевышний?
Стыдилась бы, да нету сил таиться.
Когда не хочешь в жены взять меня,
наложницею сделай иль рабою.
Я косами своими подметать
перед тобою землю стану...
Что же
молчишь ты, бессердечный человек?

Салават

(в некоторой растерянности).

Врасплох не удавалось никому
меня застигнуть. Саблей или словом
уверенно решенья выносил я,
а вот сейчас того напоминаю,
кому язык царица отсекла.

Гульназира.

Сказать не можешь, взглядом объясни...

Салават стоит в оцепенении.

Когда тебе как женщина не нравлюсь,
оставь меня как лучницу при войске.
Знай, каменный, рожденная в седле,
могу попасть стрелою оперенной
я на скаку в стремительную птицу.

Салават

(решительно).

Ты для красивой жизни создана,
а здесь война, жестокость, ад кромешный.
Велю коня подать, и ты скорее
скачи домой... Эй, коновод, коня!

На голос Салавата входит Мария.

Мария

(стоя со склоненной головой).

Кого ты звал, батыр?

Салават удивлен ее появлением, а Гульназира удручена.

Салават.

Мария? Ты ли?

(Вспомнив о Петре).

Что сделаешь, солдатка...

Мария

(отводит разговор).

Байназару
промыла раны и перевязала.

Гульназира

(горько).

Все ясно, Салават... Все поняла я.
И не к чему коня седлать... Прощай!

Салават.

Постой! Что ты затеяла?..

Гульназира

(убегая).

Все вижу...
Все поняла, что следует... Прощай!

Салават

(кидается за ней, догоняет, подхватывает на руки и возвращается).

Ах, глупый олененок! Несмышленыш!
Лучей рассветных золотой комочек,
что вся дрожишь ты?

(Марии).

Слышь, Мария, будет
тебе сестрою младшею она.
Ты забери ее в свою повозку!

Мария

(берет Гульназиру за руку).

Голубушка, пойдем.

(Салавату).

Ты не тревожься.

Женщины уходят в одну сторону, Салават в другую. Весело переговариваясь между собой, проходят только что получившие деньги воины:

— И медяки всучил мне этот скряга!
— Что медь, что серебро — все тлен
на этом свете.
— С деньгами и на том не пропадешь!

Проходят. Появляется Илеш. Кричит в ту сторону, куда ушел Салават.

Илеш.

Эй, Салават! Куда запропастился?

Салават

(издали).

Кто окликал? Что надобно? Я здесь!

(Входя).

А, это ты, наследный сын Баиша.

Илеш.

Как видишь!

Салават.

И едва ль пришел с добром?

Илеш.

С добром? Какой там!

Салават.

Отвечай, что надо.

Илеш.

Прирос язык к зубам...

Салават.

Знай, недосуг мне.
Придешь, как оторвешь.

(Намеревается уйти).

Илеш.

Постой! Постой! Признаюсь:
убить тебя намеренье имел...

Салават.

А что же не убил, когда обучен
отцом своим ты в спину убивать?

Илеш.

Я опоздал...

Салават.

Убей, еще не поздно.
Я безоружен. И никто не видит.

Илеш.

И без оружья ты вооружен.
Передо мной не только сын Юлая,
а всей страны! И знай, батыр, не станет
Баиша отпрыск кровником народа.
Сюда явившись, понял я одно:
когда дерутся барсы, то собаки
обязаны убраться восвояси.
Когда болит душа, то невозможно
боль раненого пальца ощутить.

Салават.

Коль рассказать, то, право, не поверят,
что сын Баиша это произнес.

Илеш.

А ты поверь!

(Вынимает кинжал и, сломав о колено, отбрасывает половинки в сторону).

Казни теперь иль милуй!

Салават.

Спасибо за слова твои прямые.
Я вижу, ты мужчина, и не смею
судить тебя. Иди, куда желаешь!

Илеш.

В Башкирии теперь лишь две дороги —
и третьей нет. Одна — к тебе дорога,
другая — в стан противников твоих.
Я избираю первую. Позволь мне
тебе в сраженье верность доказать.

Салават.

Ты словом победил меня, поэта,
и я поверил в искренность твою,
отныне рядом будь.

Илеш.

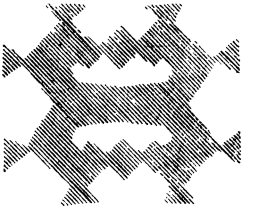
Недавний кровник,
хочу с тобою кровью побрататься.

(Окровавив зубами тыльную сторону ладони, прикладывает к раненому плечу Салавата).

Теперь ты мой единокровный брат!

Свет гаснет.

1970



Михаил Львов

СОЛОВЬИ САЛАВАТА

Жил я в детстве когда-то
На земле Салавата —
Соловьиного края
В переливах курая,
За Лаклами, у Ая,
Там, где реки сливались,
Где луга заливались,
Где вовсю заливались
Соловьи Салавата.

Там — заря занималась
Юной жизни когда-то.
Там я жил маловато —
Только детства кусочек,
Только школы чуточек.
Только — детские годы.

Там — Уральские горы.
Там такое есть место —
«Соловьиное горло».

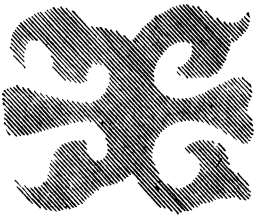
Соловьям там аж тесно.
В «Горле» — детские горны.

Соловьиною песней
Перехватывай горло.
Там давно — В Насибаше
Люди добрые наши
Двух сирот — нас, увидели,
Без родных, без родителей,
Накормили досыта...

Это мной не забыто.
О, башкирские мамы,
Не жалевшие средства,
Чтоб спасти нас!
Как мало
Спел я песен — за детство.

Благодарного слова
Не сказал вам покамест.
Я приеду к вам снова,
На башкирском покаюсь.
Я еще не на пенсии,
Это мне — рановато,
Еще сроку — богато.
Поучусь у вас песне,
Соловьи Салавата.

1960



Хаким Гиляжев

ТРИ СЕЛА

Три села уральские большие
Вместе Салаватовым зовут *.
Русские, татары и башкиры
В этих поселениях живут.

Ночь сойдет на землю с поднебесья,
Потемнеет Юрюзань-река, —
На один мотив звучат три песни
Из трех сел на разных языках.

А коль вместе соберутся, с гиком
Там уж, видно, пляшут, так и знай,
Кто «Перовского», а кто «Апи́пу»,
А кто просит: — «Барыню» давай!

В селах стряпают три разных блюда:
Борщ, и беляши, и бишбармак.

---

* Три села: русское — Михайловка, башкирское — Каратаулы и татарское — Малоязово образуют вместе районный центр.

Три тропинки протоптали люди
К Юрюзани через буерак.
Из трех сел дороги к райсовету
Родниками вьются под горой,
И, как ласточки, летит с приветом
Из села в село снежинок рой.

Свет сияет ярко из райкома,
Освещает каждое село.
И всем людям, меж собой знакомым,
Светит одинаково светло.

Где ж, скажите мне, бывает это?
Где любой любому друг и брат?
Это здесь, у нас, в Стране Советов,
В том краю, где вырос Салават.

1949

Хасан Туфан

САЛАВАТУ СКОЛЬКО ЛЕТ?

Говоришь,
В глухую крепость брошен,
В заточенье сгинул Салават...
Путаешь, История!
Не может
Умереть подобный азамат *.

Помнишь,
Как царица ликовала:
Мол, теперь и этого долой.
А через века перелетало:
— Мой народ, ты слышишь:
Я живой!

Так особа высшая хотела
Имя то анафеме предать!
Но оно всевластно прилетело
На Урал,
Чтоб песней зазвучать.

* Мóлодец.

Вот над кручей замер он высокой,
Осадив горячего коня...
Я склоняю голову,
О Сокол
Огнекрылый!
Слышишь ты меня?

Можно ли тобой не любоваться,
Пламенным обличием твоим?..
Мнится мне:
Твой конь готов сорваться
И помчаться,
Яростью палим,
Через Агидель,
В степные дали,
Чтоб сэсэны,
Прошлого певцы,
Вдруг тебя воочью увидали,
Разнесли молву во все концы...

На челе возвышенном читаю
Выраженье духа твоего.
Пред тобой земля твоя родная —
Твоего боренья торжество.

Ты пред ней —
Как совесть болевая,
Вечно юный,
В боевом седле.
Оттого стою я,
Замирая,
На твоей возлюбленной земле.

Сколько лет земле той?..
Ты — ровесник
Ей навеки,

Гордый Салават!
Пламенной душой твоей воспета,
Вся она цветет,
Как вешний сад.

...Говоришь,
В глухую крепость брошен,
В заточенье сгинул Салават...
Это — ложь, История!
Как может
Умереть подобный азамат!

1964

Назар Наджми

ДВА ВСАДНИКА

«...Россию поднял на дыбы...»

А. Пушкин

Два всадника — в порыве резком...
Одна дорога — две судьбы...
Один взлетел на берег невский,
Другой поднялся на дыбы
Над Белой...
Властью облеченный
Один — с простертою рукой,
И на коне разгоряченном
У берега застыл другой...
Один — великою царицей
Отлит из бронзы на века.
Другого — в кандалах в темницу
Ее же бросила рука...
Один, вперед скача победно,
По воле гения воскрес,
Расправив крылья — Всадник Медный —
Под сенью северных небес.
Другой же — в безымянных песнях
Обрел бессмертья торжество,
Встав из глуби веков, воскреснув

В душе народа своего.
И вот сейчас он — всадник смелый
Землей любуется своей...
Вдаль взоры устремив — над Белой
Он взмыл — не выше ли царей?..

1969

Сырбай Мауленов

ДУМЫ НА РАССВЕТЕ

«Салавату сколько лет?..»
(Из народной песни)

Над крутояром замер облик Салавата,
Он прочно влит в чугун живого аргамака,
Ржет аргамак, снопами искры рассыпая,
Как бы кайлом, копытом камни рассекая.

Тугую гриву обволакивает ветер,
Проходят тучи, словно тени лихолетий,
И возвышается над ними грозный воин —
Неудержим полет батыра на рассвете!

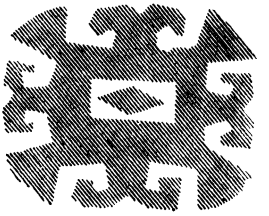
Он сводит хмуро брови черные во гневе,
Пылает выдровая шапка — не в огне ли?
Но стремена упруго ноги подпирают,
Плеть вознесенная — как молнии горенье.

Рвет конь из рук его жестокие поводья,
Грудь в белой пене, как пригорок в половодье.
Но руки непреклонны у батыра —
Одна — в тисках, другая вскинута к свободе.

Дни Салавата — это жаркие сраженья,
Часы ночные — песен и стихов сложенье,
И вот он замер, очарован красотою
Земли, которая и есть его рожденье.

Обрек себя на святую гибель наездник,
Зари грядущей мученик и провозвестник...
Как его дума, Агидель под ним бушует,
Уносит вдаль его борения и песни.

1968



Муса Гали

ЗВЕЗДЫ ГОРЯТ НАД ТОБОЙ, САЛАВАТ

Звезды горят над тобой, Салават,
Яркие звезды в небе горят.
Конь твой парит над обрывом крутым,
Мир простирается перед ним.

Стой, о батыр, огляди белый свет.
Путь твой пройдет сквозь скопление бед...
Волны вздымаются к круче седой,
К той, где орлом он застыл над водой.

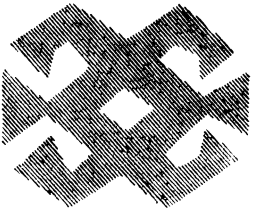
Отблеском солнца и неба покрыт —
Камнем бесценным он вечно горит.
Нет, не щадил себя в битве со злом
Наш Салават, он летал напролом.

В край наш, тонувший средь крови и слез,
Ветер надежды он бурный принес.
Битвы гремели, кося молодых, —
Ивы и ныне все плачут о них...

О Салават! Сквозь время гоня,
Точно живого, ты держишь коня.
О Салават! Ты не камень, ты — плоть,
Дух, что явился беду побороть,
Правдой на гребень горы вознесен,
Смотришь на край свой — как радостен он!

Смотришь на гордый свой, сильный народ.
Вместе с ним к счастью стремишься вперед.
О Салават! В синем мареве дня
Мчится твой конь, — не удержишь коня!

1972



Валентин Сорокин

БАТЫР

(Отрывок из поэмы)

Так в Башкирии далекой,
В южной полосе,
Для царицы ясноокой
Строили шоссе.
Поп басил, Христа
свидетель.
Ныл
мулла
не в лад.
Но примчался на рассвете
Юный Салават.
Конь его храпел устало,
Мордой поводил.
Пена хлопьями спадала
С кованых удил.
Пообточены копыта,
Подкарначен хвост.
Сколько с пылу перекрыто
Половецких верст!
Верховой — орел!
Папаха,

Сабля. И седло.
Заиграли под рубахой
Мускулы кругло.
Нищета бурлит по свету.
Эге-гей!
Ах-ха!
Дерзко зубы снеговеют
И кричат глаза...
Он, уже готовый к гику,
Размятежил стан:
Ай, не зря сказал джигиту
В уреме шайтан:
Все, мол, узники и трусы,
Я же ни при чем,
Что башкиры и урусы
Под одним бичом.
Подымай кайло и вилы —
И вперед, за мной!

...К Пугачу иль до могилы —
Радости земной.

...В глубине лесов разлатых
Брякала картечь.
Билась бурка Салавата,
Темная, как смерч.
Гомонила голь в аулах
И шатался трон.
С удалых раздолий дуло
Прахом похорон.
А луна плыла над Русью.
И в былое зло
Пела девушка Маруся
Вольно и светло.
Ну, а может быть,
башкирка
Зульфия!
Хрустнул сук.
Олень зафыркал
В роще у ручья...

1969

Гилемдар Рамазанов

БАЛЛАДА О ВОЗВРАЩЕНИИ САЛАВАТА

Мне не забыть об этом дне,
Когда встречали Салавата...
Он въехал в город на коне,
затосковав о стороне,
где он в бою летел когда-то.

И стар и млад бегут бегом:
батыров много ли на свете?
— А где ж ему поставить дом? —
И призадумались о том
все аксакалы в горсовете.

Он головой до облаков,
с ним верный конь — его товарищ...
В Уфе немало есть дворцов —
какой избрать в конце концов,
какой герою подобающ?

Вот на проспекте он стоит,
вокруг него народ ликует.
Стекло и мрамор, славный вид.

— Ведите дальше, — говорит, —
здесь ветерок степной не дует...
На площадь главную ведут,
где все так просто и солидно:
Что ж, ничего, неплохо тут,
да только... реки не текут,
Урала вольного не видно!..

И дальше руку он простер,
и за собой повел он свиту.
На круче встал — глазам простор,
и белый камень наших гор
ковром лег под ноги джигиту.

С тех пор стоит он на горе,
он видит, может быть, полмира.
Ветрам открыта на заре
и в лепестках, как в серебре,
стоянка новая батыра.

Вокруг него поет апрель,
герой в века глядит крылато.
У ног его — цветов метель,
и бьется в берег Агидель
гудящим сердцем Салавата...

1967

Геннадий Молодцов

ПЕСНЯ САЛАВАТА

То не алый полумрак заката,
То не ветер в гуще ковыля,
Это кровь
И голос Салавата
Вспомнила башкирская земля.

Не его ли конь золотогривый
Прибегал в Табынское вчера
И, как прежде, у плетня с крапивой
Простоял до самого утра?

А в избе скрипели половицы,
Шепоту сдавался звонкий смех...
Милый край, тебе поныне снится
Русской девки «непростимый грех».

Вот она,
В цветистом сарафане,
В желтом кашемировом платке,
Смотрит вдаль, грустя по «басурмане»,
С косоглазым сыном на руке.

«Весь в отца,
И в этом вся помеха,
Все теперь соседям на виду.
Дура,
Дура,
Лучше бы уехать
Мне за ним в далекую орду!..»

Не пылит осенняя дорога.
Воскресенка * с тучами слилась,
Под окном осина-недотрога
Листьями на землю пролилась.

Дни бегут, увязываясь туго
В снопики нерадостных недель.
Скоро в поле зарыдает вьюга,
Коркой льда подернув Агидель.

«Где теперь он,
Сокол чернобровый?
Улетел в предутренний туман,
Гордый и безжалостно готовый
К шуму битвы,
К боли новых ран...»

Кто ей скажет,
Что в морозный вечер
По одной из тысячи дорог
Принесет он пламенную встречу
На ее простуженный порог.

Что она счастливыми слезами
Будет плакать на его груди

---

* Воскресенка — гора под Табынском.

И смотреть влюбленными глазами...
Это будет, будет впереди.

Кто ей скажет, что по следу друга
Приползут враги к ней на крыльцо,
Что белее покрывала вьюги
Ей тревога выбелит лицо.

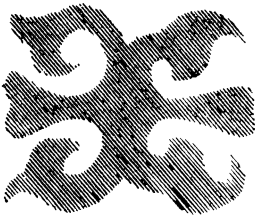
Что ворвутся в дверь чужие люди,
Что в избенке выстрел прогремит,
Что она своей горячей грудью
Сокола от пули заслонит.

Упадет
И будет, как живая,
На него,
Любимого,
Смотреть...
Далека година ножевая,
Но ее годами не стереть.

Не уходят подвиги в могилы,
Именам героев смерти нет.
Будет вечно полон юной силы
Сын Юлая,
Воин и поэт.

Гаснуть алым отблескам заката,
Тлеть седым метелкам ковыля,
Но не смолкнуть песне Салавата
Над тобой,
Башкирская земля!

1957



Абдулхак Игебаев

МОНОЛОГ ГОРОДА САЛАВАТА

Мое имя — призыв и набат!
И победа, и жизнь, и тревога
Уместились в три кратких слога,
То есть в имя мое — Салават.

Знал мой тезка седло да стремя,
Да звенящий в бою клинок.
Мой удел — это мирное время,
Освоение новых дорог.
Мой удел — это мир... А когда-то
По ковыльным раздольям полей
Пролетали полки Салавата,
Торопя запотевших коней.
Над грядою седого Урала
Свято ненависть клокотала:
Враг отчизны — пощады не жди!
И в мечи превращались орала,
И сердца каменели в груди.
И батыры Орла-Салавата
Подхватили геройский напев.

Полстраны налегке облетев,
Он остался, как птица, крылатым.
«Салават-батыр — огонь,
Друг батыру — добрый конь.
Если ранила орла
Злая острая стрела,
Говорил он всем с улыбкой,
Мол, ужалила пчела.

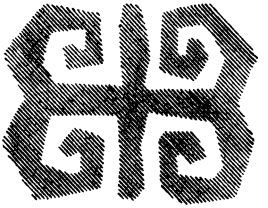
А когда из раны вновь
Ручейком струилась кровь,
Говорил он виновато:
«От войны и от забот
Я вспотел чуть-чуть, ребята,
Это просто льется пот...»

Эту песню пели джигиты
С гордо поднятой головой,
Проигравшие первую битву,
Но мечтавшие о другой.
Был подавлен мятеж Пугачева —
Бьющий к жизни и свету родник.
Салавата в железных оковах
Заточили в суровый рудник.

...Годы шли, и метелили годы,
Долго не было жданной свободы,
Но сорвал, наконец, узду
Со всего моего народа
Тот Октябрь великого года,
Что зажег над землей звезду.
Он навеки развеял ненастье,
Дал бесправным башкирам права,
И теперь, засучив рукава,
Мы куем свое светлое счастье.

В каждой строчке моей, в каждом
камне
Обновленный виден Урал,
О котором годами, веками
Мой народ угнетенный мечтал.
Мое имя — призыв и набат!
И победа, и жизнь, и тревога
Уместились в три кратких слога,
То есть в имя мое — Салават.
Это имя в веках пронесу
Через радости и через муки.
Подрастают, мужают, растут
Сыновья Салавата и внуки.
Я — рука моего народа,
Младший брат великой Москвы,
В коммунизм пролагаю мосты,
В царство равенства и свободы.

1967



Гайнан Амири

ЗАВЕТ САЛАВАТА

(Отрывок из поэмы)

Как в юность, что исчезла навсегда,
Плыву я в море...
Мглисто и туманно
Седые волны — дети океана —
Мои былые боевые раны
Жгут и ласкают...
Горькая вода...

О, Балтика, зачем ты так горька?
И море мне ответило:
«Ах, друг мой,
Я столько повидало за века
Людских страданий, горя голос трубный
Впитав в себя,
Что суть моя — тоска...
О, столько похоронено во мне
Людских надежд, любовей, вдохновений,
Что горько мне...
В зловещей тишине
Тысячелетий — столько поколений

Рабов и вдов, упавших на колени,
Слезами заливали берега,
Что этих слёз безумная река
Вошла в меня, как в спину — нож врага...
Вот почему вода моя горька.

(Потоки слез с высокого откоса
До дна пронзали болью плоть мою,
Есть среди них и Салавата слёзы —
Я и доныне в сердце их храню...)

— Возможно ли, что плакал Салават?

— Возможно...
Не гранитною горою —
Он был живым, от горя и утрат
Не защищённым...
Даже у героев
Бывает миг невыносимой боли,
Когда падёт дождинкою скупою,
Упрёком обжигая небеса,
Пусть редкая — но все-таки слеза.

Известную лишь мне одному, —
Сказало море, —
Тайну Салавата
Тебе открою (тайную вину
он мне простит, как брат прощает брата) —
Ведь ты поэт и, значит, брат ему.

Однажды у порога моего
Он горько плакал — гордо, непокорно.
Я не пыталось утешать его —
Возможно ли потоки речек горных
Унять порой весенней?..

Салават
Открыл мне сердца рану ножевую.
«Знай, — он сказал, —
Тебе лишь расскажу я
Всю правду о себе.
Не выдай, брат!

Средь битвы сплошного огня
Не ведал я страха и боли,
Мой конь был достоин меня —
Не ведал ни страха, ни боли.
Стрела попадает в плечо —
«Комар, не кусай!» — говорил я,
Кровища из раны течёт —
«Какая роса!» — говорил я.
На мёртвое глядя лицо
Жены — я крепился, не плакал,
Когда разорвали кольцо
Любви материнской — не плакал,
Когда, как собаку, отца
Швырнули в пучину — не плакал,
Без края была, без конца
Сыновья кручина — не плакал!
Гуляла камча палача
По рёбрам — пытали, пороли,
Топтали — но я не кричал,
Единой слезинки не пролил.
Когда прижигали на лбу
Калёным железом джигиту,
Как будто вору и бандиту,
Позорную мету — тамгу,
Когда на потеху врагу
Подонок сестру мою лапал,
Я чувствовал, что не могу,
Не в силах терпеть — но не плакал!

Отрезали уши мои,
И вырвали ноздри мои,
Опутали ноги мои
Цепями — не плакал, не плакал,
Не плакал — боясь огорчить
Друзей по борьбе и опале,
Не плакал я — чтоб палачи
От слёз моих не ликовали!

О, Балтика, друг по судьбе,
Что крылья мои разломала,
Взяла у родного Урала
И бросила в жертву тебе —
Слеза моя только сейчас
Впервые скатилась из глаз.
О, море, последний мой друг!
Тоска по Уралу родному,

Объятиям дружеских рук,
Далёкому отчему дому —
Теперь пролилась через край,
Как воды родной Агидели
Весною...
Я плачу —
курай
Так плачет в башкирской метели...»

...И море мне сказало:
«Чтобы зря
Не радовались царские громилы
При виде слёз батыра —
превратило
Я эти слёзы в капли янтаря
И в глубине балтийской утопило...»

О, Балтика, прости мою вину —
Смешон я в горькой на тебя обиде!
Как звёздочку в окне — тебя одну
Сквозь слёзы одиночества увидел
Мой Салават...
По звёздам янтаря,
Как по следам бесстрашного батыра,
Иду,
и открываю тайны мира,
И прозреваю...
Вспыхнула заря!

* * *

Народ мой! На историю твою,
Где братский бой и братские могилы,
Я с гордостью взираю
и пою
Твоих сынов несломленную силу!

. . . . . .

Кораном не причислено к святым,
Земное имя — «Салават Юлаев» —
На небосклоне вечности пылает
Луною полной, солнцем золотым.

Смотрю в балтийские глубины —
В душе, как горные стремнины,
Любви рождается хорал:
Я счастлив, что я сын башкира,
Наследник славного батыра,
Что родина моя — Урал!
Но знаю, что основа счастья —
Ответственность и соучастье
В боях и трудовых делах.
За мир на голубой планете
Мы в одинаковом ответе —
Башкир и русский, и казах!

. . . . . .

Быть верными джигитами в крылатом
Содружестве народов —
аманат, *
Который был оставлен Салаватом.
(Он мчался в бой — отважный Салават —
Плечом к плечу с российскими сынами —
С марийцами, мордвой и тептярями).
И в дружбе — наша вера и опора!
Кто позабудет этот аманат —
Вероотступник и ползучий гад,
Достоин смерти, вечного позора!

1969

---

* Завет священный (башк.)

Александр Филиппов

ПОЭТ И КОННИК

(Отрывок из поэмы)

Ночами по кочевьям, по кибиткам
Грозово расползаются слова,
Что где-то на решительную битву
Джигитов собирает Салават...

Идти за Салаватом, как за богом.
Он молод, непокорен и скуласт.
С таким батыром —
По любым дорогам,
Ни на какой не выдаст, не продаст.
Замешан он из стоящего теста;
Поэт и воин... И не лыком шит.
В его тугой ладони, сжатой тесно,
Святой клинок, а не позорный щит.
Остались позади костры ночевок,
Повыбита копытами трава...
— Я вас веду, джигиты, к Пугачеву, —
Вдруг говорит Юлаев Салават.
И вздрогнули натянутые нервы,
Как тетива в лихой момент стрельбы.

И ниже трав, и ниже низкой вербы
Джигиты горько опустили лбы.
Заныла вновь разбуженная рана:
Опять закат, а думали — заря.
Им виделось обличие обмана
В лице неправоверного царя.

Правдив и звучен голос Салавата,
Чистейший голос звонких кубаир:
— Мир разделен на бедных и богатых,
А вовсе не на русских и башкир,
Я эту саблю отдаю народу —
И русским и башкирам отдаю.
За счастье, за удачу и свободу
Погибну или выживу в бою.
И пыль взлетела над землёй, как бурка,
Взметнулись в небо верные клинки.
...Пугач встречал в степи под Оренбургом
Отличные башкирские полки.

1966

Катиба Киньябулатова

БАЛЛАДА О САЛАВАТЕ

Ночь. Поредели в городе огни.
Только шесть осталось или пять
Последних. Но тускнеют и они,
Смаргивают, чтобы не дремать.
Означен мост чертою фонарей,
Словно ожерельем золотым.
Вижу отраженья фонарей —
Мутные, усталые, как дым.

А там, на постаменте, на горе
Салават стоит, глядит окрест,
Беркут, близкий небу и горе:
Беркуты не любят низких мест.

Под ним утесов сцепленная круть
Уперлась в берег
в мутно-синей мгле.
Так аргамак напруживает грудь,
Когда батыра чувствует в седле.
Ночь тиха.
Но с кем же, словно дух,

Лист на ветке шепчется.
Ой, нет.
Но некий голос мне тревожит слух —
Милый и знакомый с давних лет.
Чу!
Шепот:
— Салават. Сойди, сойди ко мне.
Я пришла. Пришла...
И тишина
Вспугнулась. И тревожно побледнел
Купол ночи:
— Что ты, Амина.
Раздался долгий звон железных лат, —
Так сердце в нем забилось перед ней.
— Зачем пришла, — промолвил Салават.—
Ты в ночь, глубокую , как семь ночей.
Она стоит за речкою вдали,
Вся белая,
во мгле своих волос,

Концами кос касается земли,
И волны забегают в кольца кос...
Не дышат ветры. Венчики свои
Цветы прикрыли, сникли до земли.
На полуслове смолкли соловьи,
Их голоса растаяли вдали.
Но снова
Тайну встречи уловив,
Проснулся ветер:
— Где же Амина?!
И словно усмиряя свой порыв,
«Где Амина? — шептал...
А во-он она —
Расчесывает косы над рекой,
И по волнам — за темной прядью прядь
Раскладывает белою рукой.
Где волосы, где волны... Как понять?
Где что.
Но разве это Амина?
Это же ведь белый пароход.
А это — поднятая им волна
В косу заплетается, течет.

Нет. Во-он она проходит вдоль долин
Белой шалью кроет ширь полян...
Шалью, говоришь.
Да это ведь туман
Белый-белый — стелется вдали...
А все-таки, скажи, где Амина.

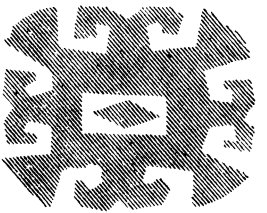
Во-он она, — превыше туч летит:
Белый в небе след, дороги птиц, —
Неужели это не она...
А между тем уже взошла заря...
Все сразу — как понять.

Всех тайн до дна
Не исчерпать... Но люди говорят,
Что по земле блуждает
Амина —

Любовь героя. Так же говорят,
Что ливни, грозы, бури всех времен
Всех раньше принимает Салават,
Всех раньше и выдерживает он.

И радугу завидя в вышине
Пеструю, как будто ткань атлас,
Вздыхает облегченно... И весне
И солнцу радуется раньше нас.
Он на горе. На страже тишины
Не зря стоит:
Он видит все окрест.
Беркутам болота не нужны:
Беркуты не ищут низких мест.

1967



Асхаль Ахметкужин

МОЙ САЛАВАТ

Мой Салават —
Мой славный младший брат!
Он в двадцать два
Своих горячих года,
Как молния,
Сверкнул по небосводу,
Собой рассеяв
Вековечный мрак.
Людское горе билось, как прибой,
Народа гнев вскипал, подобно морю...
И там, где Салават врывался в бой,
Цветы взросли с надеждою во взоре.

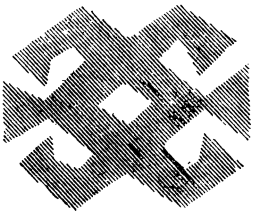
Мой Салават —
Мой гордый старший брат!
Он веком был в металл закован тесный.
Но разве мог сковать безумный враг
Батыра славу, дух его и песню!
И поднялась балтийская волна,
До Каспия достала и Арала...

И в память Салавата
Имена
Вновь зазвучали на земле Урала.

Мой Салават —
Отец великий мой!
Живет во мне он песнею и кровью.
Его глазами я гляжу с любовью
На Агидель рассветною порой...

Душа моя в довольстве дней не спит,
И Салавата имя в том порука:
Гнев на врага в душе моей кипит,
И радуга в душе встает для друга.

1975



Якуб Кулмый

БЕССМЕРТНЫЙ САЛАВАТ

Вот головня в руке у меня —
Это от наших домов головня.

Салават Юлаев

Проклиная долю злую,
Угли он к губам подносит,
Пепелища жар целуя,
Губы клятву произносят.

Эта клятва Салавата
Повела отряды в бой.
Пугачеву стал он братом,
Правой, верною рукой.

Вместе с русским побратимом
Жизнь свою отдал свободе,
И свята и нерушима
Дружба та живет в народе.

Этой светлой дружбы знамя
Повело нас к Октябрю,
На века зажгло над нами
Счастья красную зарю.

Чтоб земля цвела и пела,
Чтоб огонь земли не жег,
Чтобы песня ввысь летела,
Салават поднял клинок.

Пепелища след не сгинул,
Шли дожди, пылил песок,
Оставалась память сыну,
Эту память внук берег.

Эта память людям свята,
И башкир, и русский брат
Славят имя Салавата
И стихи его звучат.

Песнь летит, летит крылата
И взмывает над землей,
В песне сердце Салавата
Бьется птицею живой.

1955

Ирек Киньябулатов

ВОЗВРАЩЕНИЕ

К открытию памятника
Салавату Юлаеву

Земля два века место выбирала
И мрамор выбирала для тебя.
Ждала давно тебя земля Урала —
Твое гнездовье и твоя судьба.

О, как круты, извилисты дороги
Тех дней, откуда возвращенья нет!
Но ты вернулся к отчему порогу —
И нет двухсот потусторонних лет.

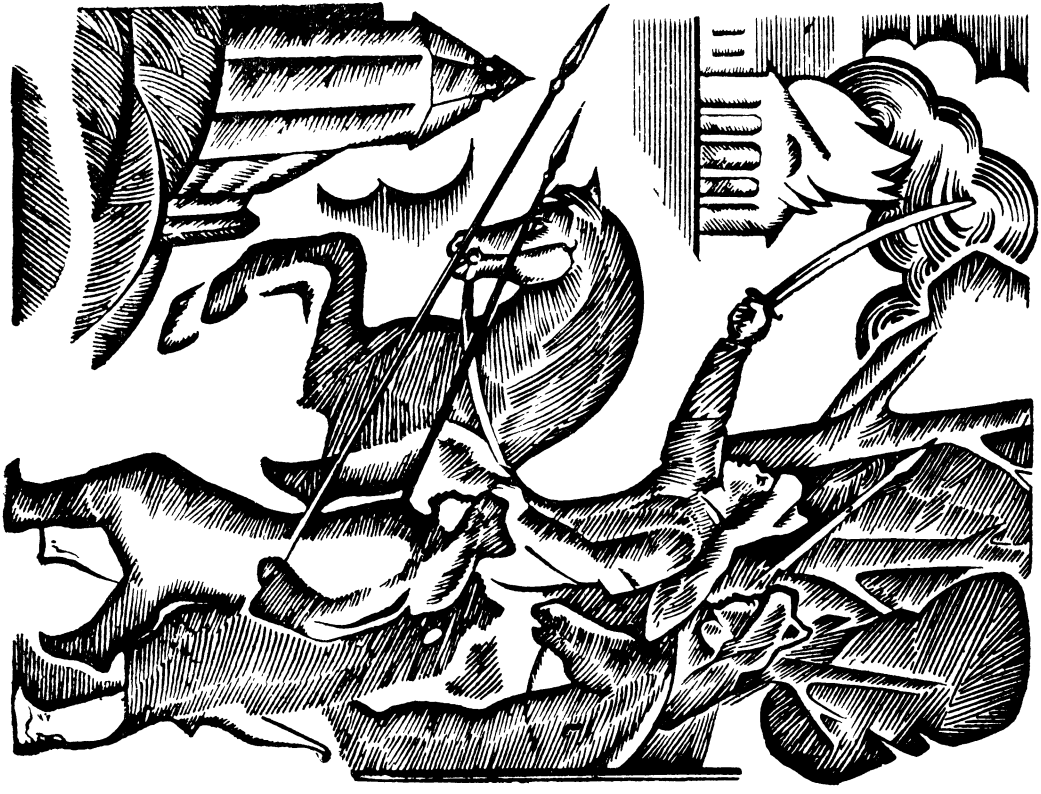
И в радости твой конь ступает лихо,
Ты длань вознес,
И небу бьешь челом.
Луна во мгле тебе сияет тихо,
Сверкает небо над тобою днем.

И кажется: твой аргамак горячий
Навеки врос в могучий шар земной,
А сам ты держишь небо — не иначе! —
Той, вознесенной яростно рукой.

Великий век мой все на место ставит
И славу по заслугам воздает...
Ты — наша боль,
Ты — жизни нашей слава,
Ты жив, батыр, пока твой жив народ!

1967

ГЕРОЯ ЭПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ



А. Кожевников

ЗОЛОТАЯ ГОЛЫТЬБА

(Отрывки)

БУРНУС

«Кому ты снимаешь шапку, вольный башкирин? Купцу и заводчику, русскому начальнику и попу, которые сплавили твои леса, отняли степь. Из-за них голодно в твоем коше, из-за них голы твои дети и худа жена. И ты снимаешь им шапку, низко кланяешься, знать, не твои деды были ровесниками героя Салавата Юлаева, не с ним они ходили под Оренбург и Уфу. Знать, забыл ты, вольный башкирин, как держать ружье и кинжал, не говорит больше твой язык песен богатыря и певца Салавата, умеет твой рот и твои руки держать один только курай. На нем ты оплакиваешь свою потерянную степь, срубленные леса и проданных коней. Брось слезливую дудку — курай, возьми ружье и топор и прогони тех, перед кем ты снимаешь шапку!»

Вот какой азан прокричал бы малайка Бурнус.

* * *

— Садык, ты говорил, что знаешь кинжал Салавата Юлаева?

— Знаю.
— Расскажи.
— Слушай, Бурнус.

Заговорил старый лошман (бурлак) Садык, схватился руками за свою седую жесткую бороду и закачался. Под ногами у них вздыхала Кама. С далекого темного берега неслась одинокая песня:

Расходилась то не Кама и не Белая,
Зашумел не темный бор, не непогодь.
Взбунтовался вольный молодец,
Рассерчал бурлак на девицу.

КИНЖАЛ САЛАВАТА ЮЛАЕВА

— Пойди, Бурнус, в деревню Мурсалимкино, пройди ее всю до конца и увидишь в поле старую избенку. Нет у той избы ни ворот, ни двора, нет хлевов и загонов. Постучи, Бурнус, в дверь и скажи:

«Добрая бабушка Узенбаева, пусти правоверного башкирина. Я устал и мне надо отдохнуть».

Откроет тебе дверь старуха Узенбаева, у нее спроси про кинжал. Не откроет, постучи сильней и скажи:

«Пусти меня ради великого богатыря Салавата Юлаева».

Войдешь в избу и увидишь на стене кривой и длинный кинжал. Знай, что это — тот, который висел у пояса великого богатыря, был в его руке.

— Отдаст мне старуха кинжал?

— Не знаю. Только помни, Бурнус, что носил его сам Юлаев, помни, зачем ты его берешь, за кого поднимаешь.

— За Башкирию, Садык. Я прогоню русских начальников и купцов, верну всю степь. Опять пойдут по ней табуны. Башкирин будет выезжать на кочевье и ставить богатые коши. И ты, Садык, вернешься в степь.

— У меня будут табуны?
— Будут.
— Я буду ездить на своем коне?
— Будешь.
— Жить в дорогом коше и пить кумыс?
— Будешь пить кумыс, все будут пить его.
— Не верю, Бурнус. Умрет Садык на плотах, и никогда не придется ему на реке Белой поить своего коня.

На дальнем берегу замолкла песня. Садык ниже опустил свою голову и запел, роняя в темную Каму свои печальные слова:

Я поцеловал ее в правую щеку,
А левая осталась сиротой.
Тогда я поцеловал и левую щеку,
Они обе стали как сестры.

— Садык, прощай, Бурнус идет в Мурсалимкино.
— Скажи, Бурнус, когда к старухе Узенбаевой принесут кинжал и на земле прибавится еще один могильный камень, прийти к этому камню?
— Приди, Садык.
— И взять курай?
— Возьми и играй целую ночь.

Бурнус ушел, а Садык опять начал петь:

Я поцеловал ее в правую щеку,
А левая осталась сиротой.
Тогда я поцеловал и левую щеку,
Они обе стали как сестры.

* * *

1774 года 30 мая близ Саткинского завода полковник Михельсон разбил Пугачева и башкирского богатыря Салавата Юлаева. Салават Юлаев был ранен.

Степной конь мчал раненого богатыря, за ним скакали его ближайшие помощники и друзья. Двадцать

верст во весь дух скакали кони, как при степном пожаре; двадцать верст гнались солдаты полковника Михельсона. Потом пошли горы и лес, где за каждым камнем и за каждым деревом прятался башкирский стрелок. Солдаты Михельсона повернули обратно, а Салават Юлаев пустил своего коня шагом. Богатырь ослабел от потери крови, его голова падала на грудь, он выпустил поводья и схватился руками за седло.

Всех мучила жажда. Они весь день в пыли под горячим солнцем дрались с Михельсоном. У коней опали бока и под брюхо сползла грязная пена. Больше всех мучила жажда Салавата Юлаева. Его потные волосы высохли, губы потрескались. Он попросил пить.

— Батыр просит пить, найдите батыру воды.

Но никто не знал, где находится ближайший ключ. Половина всадников разъехалась по лесу и горам. Прискакал первый и привез немного воды в кожаном мешке. Он собрал ее в маленькой гнилой луже.

Прискакал второй и сказал, что недалеко стоит кош. В нем живет молодая женщина, у нее много воды, молока и кумысу.

Салават Юлаев велел ехать в кош. Кош стоял на поляне под ветвями больших дубов. По лесу бродили быки и кони, позванивали у них нашейные колокольчики.

Молодая и красивая женщина вышла из коша с двумя маленькими сыновьями; они схватили ее за руки и крепко прижимались к ней. Она испугалась, но ей сказали, что приехал сам Салават Юлаев, ей ничего не сделают дурного, только пусть она принесет воды.

Женщина распахнула кош и попросила Юлаева войти. Богатырь спрыгнул с седла, будто и не был ранен, но вдруг у него закружилась голова, земля зака-

чалась, леса и горы побежали куда-то, из зеленых стали черными.

Поддержали Салавата Юлаева, ввели в кош и положили на ковер. Женщина принесла холодной воды, молока и кумысу. Богатырь выпил ковш воды, а молоко и кумыс отодвинул.

— Потом, — сказал он и закрыл глаза. Лежал он с закрытыми глазами, а женщина промыла его рану и перевязала чистой тряпкой.

На поляну упал вечерний мрак. От далеких болот пополз туман и холодок. Табуны на ночь собирались к кошу. Весь лес звенел колокольчиками. Салават Юлаев проснулся, вышел к воинам, которые отдыхали на поляне, и велел им ехать к Пугачеву.

— Как мы оставим своего больного начальника?

— Салават Юлаев ранен, но он все еще Салават Юлаев, а не ягненок! — ответил богатырь.

Тогда воины уехали к Пугачеву.

Богатырь подозвал женщину и велел ей сесть на ковер против него. Она села.

— Кто твой муж? — спросил он.

— Узенбаев.

— Где он?

— Убит.

— Кто его убил, скажи мне?

— Не знаю. Кто убил, тот не отметил свою пулю. Он ушел к богатырю Салавату Юлаеву, богатырь послал его к Челябе, и там убили.

— Кто будет пасти твои табуны?

— Они будут, — женщина показала на своих сыновей.

— А кто пойдет к Салавату Юлаеву вместо убитого отца?

— У меня нет другого мужа.

— Кто подымет меч, когда Салават умрет, кто возьмет его кинжал?

— Салават сам подумает об этом и отдаст свой кинжал.

— Салават подумал, когда вошел в твой кош и увидал тебя.

Женщина опасливо поглядела на своих сыновей.

— Не бойся, они будут гонять табуны, Салават не отдаст им свой кинжал.

Богатырь отстегнул от пояса длинный и кривой кинжал, подал его женщине.

— Когда Салават Юлаев умрет, когда его рука не будет подымать меч, отдай этот кинжал е м у! — сказал он.

— Мне некому отдавать, у меня никого нет.

— Видишь, кругом ночь. Не было бы такой ночи, не было бы меня. Есть ночь, будет и д р у г о й.

Женщина встала.

— Я подою кобылиц, — сказала она и вышла из коша. Вышел и богатырь. Он снял узду и седло с своего усталого коня.

— Иди, гуляй!

Конь заржал, ткнул мордой хозяина и замешался в табуне.

Женщина доила кобылиц. Салават ходил среди табуна и хлопал коней по крутым бокам, по гибким шеям, точно был он хозяин этих табунов, а не вождь восставшего народа.

Женщина подоила кобылиц, разложила костер и сварила мяса. Она взяла богатыря за руку и ввела в кош, поставила перед ним свежий кумыс и хлеб.

— Ешь!

Сама села рядом близко и доверчиво, будто был то не великий мятежник Салават, а мирный пастух, ее муж. Когда они кончили есть, женщина сказала:

— Ложись спать.

Салават расстегнул пояс с пулями, повесил на стену меч, снял сапоги и лег, как мирный башкирин.

Утром, когда зазвенели колокольчики и табуны пошли в лес, из коша на поляну вышел Салават Юлаев. На нем были сапоги, пояс с пулями, меч, за плечом ружье. Только не было с ним кинжала, оставил он его висеть в коше.

За Салаватом вышла женщина, она спросила:

— Где твой конь?

— Я его пустил в табун.

— Возьми из моего табуна лучшего коня.

Салават поймал за гриву молодого коня, надел ему узду, седло и прыгнул в него.

— Кинжал отдай е м у! — сказал и тронул поводья.

Конь рванулся, но богатырь заставил его идти шагом, потому что женщина держалась за стремя и шла рядом. Она проводила богатыря до тропы, там он обнял и поцеловал ее, потом поднял нагайку и умчался.

* * *

Все шло своим чередом. Каждый день из-за гор подымалось солнце и вечером падало за горы. Ночью над горами бродила луна. Дни становились все горячей, ветер — жарче, но лесные холодные ключи были по-прежнему студены.

Каждый день молодая башкирка выходила на поляну и ждала, что появится перед ней богатырь Салават Юлаев, и пусть хоть на одну ночь снимет свой меч, ружье и сапоги. В Башкирии все приходит из-за гор — солнце ли, дождь ли, гроза и ветер, друг и недруг. И осень пришла из-за гор. Пожелтели леса на вершинах, посыпался сухой лист в долины, в озера и ключи. Пожелтели дубы, под которыми стоял кош, налетел дождь, мелкий, холодный и надоедливый; ночью, как вор, подкрался мороз. Вдова Узенбаева сложила кош и переехала в деревню на зимовье.

Зима долго с посвистом и гиканьем плясала по башкирским деревням, вокруг изб под окнами. Пургами и голодом унесла она много телят и баранов, а потом издохла сама. Долго по горам и оврагам лежали остатки ее трупа — последние снега. С веселым шумом пробежали реки, вдова Узенбаева собрала свои табуны и раскинула кош на той же поляне, как и в прошлом году. Ее два маленьких сына подросли за год и начали ходить за стадами, а в коше на коврах лежал третий, совсем маленький сын — Салават.

Когда стада расходились по полянам и по горам, когда мать оставалась одна со своим маленьким Салаватом, она брала его, садилась на поляне и кого-то ждала. Маленький Салават лежал на коленях у матери и перебирал ее желтые бусы. Мать приносила с собою шерсть, чтобы прясть ее, но пальцы не хотели работать. Она приносила платок и бисер, но и шить бисером не хотели пальцы. Она слушала далекие колокольчики своего табуна и под их звон слагала песню:

В ту ночь над горой ходила луна,
Когда он в меня посеял семя.
Каждую ночь над горой ходит луна,
А он не зайдет в мой кош.
Кому на грудь положу свои белые руки?
Кто спутает мои черные волоса?
Перед кем поставлю холодный кумыс?
Кто мне скажет: «люблю»?

Сидела вот так Узенбаева на поляне и пела свою песню над засыпающим Салаватом, как перед ней появился сам богатырь.

Она вскрикнула и бросилась ему на шею, а он спутал ее черные волосы.

Потом она взяла его за руку и подвела к сыну, который спал на траве.

— Твой, — сказала она, — маленький Салават.

— Отдай ему кинжал.

— Кинжал?

— Да, скоро моя рука уронит меч.

Только тут женщина заметила, что богатырь в пыли и чем-то обеспокоен. Его конь был загнан. Он поджал ноги и закрыл глаза.

— Пойдем в кош, я положу тебя на ковер и принесу свежего кумысу, — звала башкирка.

— Принеси мне сюда кумысу и дай коня из своих табунов.

— Я пригоню лучшего коня, зайди в кош. Останься на одну ночь.

— Ночью я должен быть там.

Она опять просила его зайти в кош, но он не зашел.

Тогда она принесла ему кумысу, и он выпил большую чашку; своего усталого коня расседлал и отвел в лес, себе же поймал свежего коня из табуна Узенбаевой.

Она опять провожала его, держась за стремя.

— Иди в кош, — сказал он, — зверь унесет маленького Салавата.

Она обняла богатыря и сказала ему слова своей песни:

Кому на грудь положу свои белые руки?
Кто спутает мои черные волоса?
Перед кем поставлю холодный кумыс?
Кто мне скажет: «люблю»?

Он молча снял ее руки со своих плеч и уехал. Она шла обратно к своему кошу и плакала.

Вечером, когда из-за гор вышла молодая луна с полуприкрытым лицом, на поляну приехали русские солдаты. Они, не спросясь, зашли в кош и стали спрашивать, не скрывает ли она мятежника Салавата Юлаева.

— Салават, вот Салават, — женщина протянула к ним маленького сына.

— Это не тот. Преступника мы ищем, что с Емелькой Пугачевым бунтует. Он недавно уехал в этот лес.

— Не видала.

— Коня он не менял у тебя?

— Не понимаю, — башкирка беспомощно развела руками.

— Коня, коня! У него конь замучен вконец.

— Да чего с ней разговаривать, поищем.

Перерыли в коше все ковры, сундуки, искали в лесу, потом выпили бурдюк молока и уехали.

* * *

Вырос Салават Узенбаев, сын Юлаева, и стал большим охотником. Его братья пасли табуны, летом ставили кош, зимой уезжали в деревню, а он редко приходил домой. Бродил по горам за косулями, загонял оленей, стрелял в горных орлов. Когда он приходил домой, мать садилась рядом с ним и спрашивала, кого он бьет. Он рассказывал ей, из мешка доставал шкуры, и мать дивилась на них.

— Опять когда пойдешь? — спрашивала она.

— Скоро, утром пойду.

— На кого пойдешь?

— На Яман-Тау бродит большой медведь. Ходили на него разные охотники, ходили облавой, а он все жив. Теперь я пойду. Дай мне этот кинжал, — просил сын.

— Нет, в другой раз, — отказала мать.

— Он висит здесь все время, это кинжал нашего отца?

— Да, твоего отца.

— С ним бы я пошел на медведя, у него хорошая сталь.

— Нельзя.

И он ушел без кинжала, на Яман-Тау повстречался с медведем и убил его; шкуру громадного и злого зверя принес матери.

— Зачем тебе кинжал? Ты и без него убил.

— Но завтра обязательно дай, я пойду на кабана.

— Нет, сын.

— Когда же я получу его?

— В свое время.

И сын ушел на кабана без кинжала своего отца. Его пригласил на охоту большой русский начальник. Кабаны близ Яман-Тау встречались редко, только в иные годы они приходили целыми семьями из более южных мест. Но их ждали здесь не только привольные пастбища и дубовые леса, но беспрестанные погони и облавы, и кабаны становились свирепы. Они были страшней того медведя, которого убил Салават Узенбаев на вершине Яман-Тау. Русскому начальнику хотелось убить большого старого кабана, который ходил вожаком целого стада. Начальник обещал большую награду тому, кто убьет. Салават Узенбаев, хотя и запрещает закон правоверному мусульманину прикасаться к поганому зверю, пошел на охоту: он хотел получить награду и принести своей матери, а потом получить кинжал.

Вернулся Салават с пустым мешком, он бросил в кош ружье, привязал собаку и пошел в лес. Мать догнала его и остановила.

— Пойдем, сядем на ковер. Я принесу кумыс.

— Я ничего не хочу. — У него было бледное лицо и дрожали руки.

— Ты не убил кабана? Ничего, убьешь в другой раз.

— Я убил его.

— Хорошо, чего же беспокоишься?

— Я не получил награду. Они украли у меня и кабана и награду.

— Кто украл?

— Русский начальник.

— Пойдем в кош, — настойчиво звала мать.

— Нет, я буду здесь. — И он остался на поляне, и мать осталась с ним.

— Начальник сказал, что убил он, когда моя пуля из моего ружья расколола кабану череп. Начальник был к кабану спиной, он бежал от зверя и бросил ружье, но все кричали, что он убил, и жали ему руки. А я стоял в стороне, и надо мной смеялись:

«Жаль тебя, Салават, твоя пуля попала в дуб, а за дубы не дают наград».

«Моя пуля попала в зверя», — сказал я.

«В зверя?»

«Да. Мне не надо наград, отдайте мне моего зверя».

«Салават, ты сошел с ума, мы все видели, как твоя пуля попала в дуб».

«Расколем кабану череп, достанем пулю, она моя».

Они засмеялись, взяли кабана и уехали. Я хотел убить русского начальника, но у меня не было больше пуль. Я все равно убью его.

— Пойдем в кош.

— Я не хочу кумыса.

— Пойдем, я расскажу тебе про отца, — мать взяла сына за руку.

Они сели на ковер. Мать спросила:

— Завтра ты пойдешь на русского начальника?

— Я больше не пойду на орлов и медведей, я буду бить начальников.

— Привяжи его к своему поясу, — мать подала сыну кинжал, — и слушай.

Она рассказала ему про ту ночь, когда в ее коше ночевал великий Салават Юлаев, и над горой бродила луна.

— Выбери из моих табунов лучшего коня и поезжай. Когда устанет рука, этот кинжал будет тяжел для нее, привези его ко мне.

Сын взял лучшего коня из табуна своей матери и уехал.

* * *

Проходили годы, старела мать, не могла уж она бисером вышивать платки и перебирала шерсть. Видела она, что стада ее сыновей стали меньше. В коше лежал целый мешок колокольчиков, которых не на кого было надеть. Слышала старуха звон топоров, которыми вырубали башкирские леса. Чаще в ее кош заходили нищие певцы и пели они, что гибнет Башкирия. Все берут у башкира: лес, степь, стада, волю. Оставили башкиру один курай, на котором он может плакать о былом. Пели в тех песнях, что нет у башкир богатырей, некому поднять меч.

Остался один Салават Узенбаев, сын Юлаева, но много у него врагов, сильны они, и скоро он сломает свой кинжал.

С дубов и осин падали кровавые листья; тогда пришел в кош старухи Узенбаевой слепой курайсы *. Он сел на ковер и заиграл на тростниковой дудочке, вырезанной еще его дедом, когда над Башкирией веяли вольные ветры.

Играл он, что слава павшим в неравном бою, слава кинжалу и руке, которые поднялись против тысяч. Слава Салавату Узенбаеву, сыну Юлаева. Его рука сразила двенадцать начальников, которые свирепы, как кабаны. Ему в Сибири приготовили могилу и погнали его туда, но он отбился от двадцати конников и умер вольным орлом.

---

* К у р а й с ы — кураист, играющий на курае.

«На нем нельзя было сосчитать всех ран, и каждая сочилась кровью. Он все время держал в руках кинжал своего великого отца; когда потекла последняя капля, он отдал его мне, слепому курайсы. Тогда я был зряч и ходил без поводыря. Я закопал Салавата в камень на горе Иремель. Там вольный ветер. Я запомнил его последние слова: «отнеси кинжал к матери», и пять лет хожу по Башкирии, во всех кошах, каждой женщине пою эту песню. Многие плакали, но ни одна из них не сказала: «я — мать».

Курайсы кончил, а мать заплакала и запричитала:

— Ты нашел ее, слепой курайсы, перед тобой мать, которая слушала твою песню сердцем. Положи кривой и длинный кинжал моего мужа и моего сына со мной рядом. Кому я отдам его? Мои сыновья — пастухи, они привыкли держать кнут, а не кинжал.

Слепой отвернул полу и положил кинжал на ковер.

Ночью при луне в другом конце курайсы пел свою песню, к которой прибавил, что нашлась женщина, которая сказала: «Я — мать».—«Но ей некому отдать кривой и длинный кинжал, ее дети — пастухи. Я, слепой курайсы, буду ходить и искать по всей Башкирии смелого орла, который возьмет кинжал в свою руку. Я буду искать пять лет, десять, буду искать всю жизнь, при смерти отдам свой курай поводырю и скажу: «Ищи!» Неужели не найдется рука, когда есть кинжал, неужели в Башкирии нет сердца твердого, как сталь?»

Ходил слепой курайсы по деревням и кошам Башкирии, но не было смелой руки и твердого сердца. Висел кинжал в коше Узенбаевой. Позвала она раз своего сына-пастуха и сказала:

— Я вижу, как убывают твои стада. Скоро наступит вечер, когда ни один бык и ни один конь не вернется к нашему кошу.

— Мать, чего ты хочешь? — испуганно спросил сын.

— Твой брат старше, он будет пасти табуны, а ты возьми кинжал и ступай бить волков и куниц. Теперь в Башкирии один брат должен быть пастухом, а другой воином.

Сын взял кинжал и ушел, но он не знал, кого бить и где подстерегать. Сам он рожден был бараном, а не волком и через три дня он вернулся в кош.

— Где кинжал? — спросила его мать.

— Там, — сын отвернул полу бешмета.

— Ты держал его не в руке, а на привязи, как собаку?

— Я пойду гонять табуны, моей руке тяжела сталь.

— Иди. — И седая голова матери печально опустилась.

Сын ушел к табунам, а кинжал стал ждать другую руку, которой не тяжела сталь.

Умерла старуха Узенбаева и сказала перед смертью своей снохе:

— Будет сын охотник, отдай ему кинжал.

Не родилось у снохи охотников, все сыновья пошли то ловить рыбу, то рубить лес русским купцам и гнать его по реке Белой. У них уже не было стад, не ставили они по летам кошей, а жили в деревне Мурсалимкино на отлете в старой и гнилой избе.

Умерла и эта Узенбаева, сказала своей снохе:

— Отдай кинжал сыну, который подымет руку на волков и куниц, встанет за Башкирию.

Ждала мать такого сына, а они рождались, недолго жили и умирали. Пришли такие времена, когда дети башкир рождались будто затем, чтобы тотчас умереть.

Живет теперь старуха Узенбаева одна. Нет у нее ни стад, ни детей. Висит на стене кинжал, почернел

он и заржавел, давно его не держала ничья рука. Не ходит по Башкирии слепой курайсы, не ходит и его поводырь, не поют они песню про кинжал Салавата Юлаева, и забыли башкиры, что есть он. Редко кто вспомнит его, а если вспомнит, то непременно скажет:

— Тяжел он для нас. Салават Юлаев богатырь был.

* * *

Пришел Бурнус с деревню Мурсалимкино, постучал к старухе Узенбаевой и сказал:

— Пусти меня ради великого богатыря Салавата Юлаева.

Старуха открыла дверь и слепнущими глазами посмотрела на молодого башкирина.

— Кто тебе сказал, что был в Башкирии Салават? — спросила она.

— Мой отец, у которого отняли степь, у которого нет больше табунов. Моя мать, у которой все дети ушли работать на русских купцов. Кто мне сказал? Старый лошман Садык. Пустая степь, вырубленные леса — они сказали. Дай мне кинжал великого богатыря.

— Может, глаза твои боятся крови? Знай, у кого кинжал, у того на руках и кровь.

— Когда мои глаза испугаются крови, я принесу кинжал к тебе обратно.

До вечера Бурнус отдыхал в избе старухи Узенбаевой; когда потемнело небо и ушел последний солнечный луч, он вышел на дорогу. Под полой его рваного бешмета был спрятан кинжал великого мятежника Салавата.

* * *

Спал Мелеуез, закутанный в туман и прохладу наступающей осени. Усталый Бурнус сидел в избе

своего отца. Старик закрыл коран и слушал сына, который рассказывал, как на берегах Белой и Камы мучится башкирский народ.

— Им все-таки платят деньги, а ты, Бурнус, ушел... — сказала мать.

— Ушел и никогда больше не вернусь, не возьму багор, чтобы гнать плоты русских купцов. Бурнус пойдет с ним, — и молодой башкирин положил на стол кривой и длинный кинжал. Теперь он сверкал: Бурнус прочистил его и наточил.

— Куда пойдет Бурнус? — прошептала испуганная мать.

— Скажите всем, что в моей руке гнев самого Салавата Юлаева.

— Как будут жить твой отец и твоя мать?

— Аллах вам поможет.

— О, аллах, он не дает хлеба, он не приготовил правоверным башкирам другой степи и табунов. Сын Бурнус уходит, — заплакала старая башкирка. — Один сын умер, другого убила земля, Бурнуса посадят в тюрьму и уведут в Сибирь. Я постелю ему последнюю перину из мягкого пуха. Спи, Бурнус, может, он полюбит дом своего отца.

— Мать, не стели перину, я не буду спать дома. Вот деньги, — сын кинул остатки своего заработка. — Закрой дверь, я больше не постучу в нее. — Бурнус взял кинжал, спрятал его под халат и пошел.

— Бурнус, возьми коран.

— Отец, читай его сам. — Сын вышел, а отец-башкирин остался с протянутым кораном.

Бурнус прошел по пустой улице Мелеуза к дому каштана Магомета Гафарова и попробовал открыть ворота, но они были закрыты на цепь, и злой спущенный пес бегал по всему двору. Оглядел Бурнус высокий забор, что вокруг дома, и понял: не попасть ему

ночью к Гафарову; высок забор, а сверху он еще утыкан длинными стальными иглами.

Повернул Бурнус от дома Гафарова к мечети, там и лег у стены за кустами.

«Буду спать, утром муэдзин разбудит меня», — решил он.

Крепко спал Бурнус, но все время чувствовал холодный кинжал. Просыпаясь, он трогал его рукой, убеждался, что кинжал цел, и засыпал опять.

Крепко спал Мелеуз, спали во дворах псы. За рекой Белой появилась первая слабая полоска зари. На небе еще не померкли звезды и не ушел с неба месяц. Муэдзин медленно поднялся на минарет, поднял руки к небу, потом прикрыл ладонями свое лицо и закричал азан.

Далеко покатились протяжные ноющие выкрики.

С другого минарета залетели в Мелеуз призывы из-за реки Белой. В этот ранний утренний час со всех минаретов Башкирии тянулись к небу руки рабов, покорных аллаху. Казалось, что муэдзины прикованы к минаретам, как узники, и молят о помощи.

Бурнус проснулся, спрятался за кустом при входе в мечеть и стал ждать.

Печальней становились крики муэдзина, заря ширилась и пламенем заливала восток. В тишине послышались шорохи, в мечеть потянулись правоверные. Шли они молча, с суровыми лицами, склонив вперед свои головы, не замечая один другого, как будто шла процессия слепых.

Бурнус оглядывал каждого входящего, его рука держала кинжал и вздрагивала. Замолк муэдзин, торопливо входили в мечеть последние правоверные. Осматривал их Бурнус, но ни один из них не был Магометом Гафаровым. Самым последним пришел каштан. Еще издали завидел Бурнус его зеленый шелковый халат. Толстый Магомет медленно поднимался по

ступеням лестницы, он уже шептал молитву, его сердце и мысль покинули суетную землю и отлетели к аллаху. Бурнус выскочил из-за куста на крыльцо и ударил Гафарова кинжалом в грудь.

— В моей руке гнев великого Салавата Юлаева!— крикнул Бурнус.

Рухнул каштан на ступени, как убитый бык, завертел головой, застонал, а кровь плеснула струей и залила его зеленый бешмет.

Когда окружили Гафарова, он, умирая, сказал, что ударил его Бурнус.

— Бурнус?

Веки Гафарова утвердительно и навсегда закрылись.

Побежали искать Бурнуса по всему Мелеузу, в дом его отца. Узнал русский начальник и во все концы разослал своих людей. Нашли они на берегу реки Белой клочок травы, запачканной кровью, и догадались, что Бурнус вытер ею свой кинжал, самого же убийцу не нашли.

— В его руке гнев великого Салавата.

— Салават поражает правоверных.

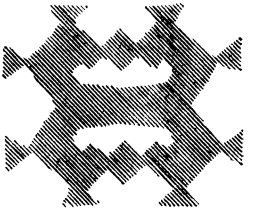
— О, аллах, как понять тебя?!

Недоумение было среди башкир. И беспокойство пришло к русским начальникам и купцам.

«Уж не грозит ли повториться время Пугачева и Салавата Юлаева?»

Из Мурсалимкина пришла весть, что Бурнус взял кинжал Салавата и поднял его на врагов свободной Башкирии. По всем проволокам полетели депеши, по дорогам помчались гонцы, и скоро все русские начальники Башкирии узнали, что появился новый мятежник и убийца Бурнус, которого надо поймать, иначе ни одна начальничья голова не сможет спать спокойно.

1927



Д. Лебедев

ДОМИК НА САКМАРЕ

(Отрывки)

СКАЗКА О САЛАВАТЕ

Уже месяц потускнел и спрятался за утренними розовыми тучами, а Эминэ и Арслан все еще сидели в ее убогом сарае, и, кажется, не было конца их разговорам.

В обледенелые окна изредка заглядывали струйки догоравшего пожарища. Дом Фатиха сгорел дотла. Вероятно, сам Галиев поджег его, чтобы скрыться в суматохе. Но скрыться ему не удалось, как не удалось и всадникам Арслана прекратить пожар.

Маленький домик на перепутье двух дорог, так приветливо смотревший своими огнями в снежную долину Сакмары, окончил свою долгую одинокую жизнь — нет больше домика.

...Ни о чем не думает Эминэ, большая у нее радость.

— Ты помнишь сказки Хадичи?

Думает Арслан.

— Помню. Только плохие это сказки. Не наши, чужие сказки рассказывала Хадича, Джурабаевы сказки.

И начинает вспоминать Арслан...

* * *

...Много сказок у башкирского народа, но лучшая из всех сказок — сказка о Салавате. Только это особенная сказка, потому что это не сказка, а правда, но эта правда лучше сказки. В глухих степях и ущельях Таналыка, у серебряных озер Тамьяно-Катая, в песках Зилаира и на равнинах у Камы — везде поют песни о Салавате.

В месягутовских степях, что поросли ковылем, в мрачных глубинах южноуральских ущелий, на глухих проселках зилаирских и темясовских полей, в урочищах Узяна и Авзяна, где ветер, скалы и урема, — везде живет слава о Салавате.

Старики из рода в род рассказывают о нем своим детям. Дети и юноши мечтают о герое. Нет большего счастья, чем быть подобным ему.

И там, где двое собрались, чтобы бороться за угнетенных и обиженных, — там Салават. Там, где один защищает другого от несправедливости и обиды, — там Салават. Везде Салават, где правда. И нет лучше Салавата, потому что Салават — один.

Не говори о Салавате: умер. Умирают те, кто ничего не сделал для своего народа. Салават не умер.

Героем был Салават, и много подвигов совершил он за свою жизнь. Только молчат о его подвигах муллы и баи, потому что не нравятся им эти подвиги. Но разве хоть раз в жизни говорили муллы правду?

...Мулла Джурабай говорит, что неподвижен мир, устроенный аллахом, и для счастья людей поставлены им муллы и начальники. И все муллы говорят так, и я так думал раньше. Но разве для моего счастья дали мне в жены нелюбимую Хадичу? Мулла говорит, что аллах распределил между всеми богатства мира, но почему Фатих-бай копил в сундуках золото, которое я черным трудом намывал из песка, страдая от голода и

холода? Мулла говорит, что для счастья мужчины создал аллах женщину, но разве может быть счастье с женщиной, которую не любишь?

«Один бог, одни люди», — говорит мулла.

Но зачем у муллы косяк из двадцати лошадей, а у меня нет даже кнута?

«Твой народ — лучший из всех народов, — говорит Джурабай, — потому что он дал тебе жизнь».

А почему Джурабай хотел продать свой народ чужим людям — чужим по вере и по рождению?

Нет, Эминэ, неправда то, что говорят муллы и баи. Ты не думала об этом, и я не думал, и весь народ наш не думал.

«Сколько ни думай, — говорит мулла, — ничего не придумаешь лучше, чем то, что создано аллахом».

И потому никто из нас не думал об этом.

А вот Салават взял и подумал. И когда подумал,— а у него была большая голова, у этого человека, — то сразу увидел он, что не так нужно жить, как муллы учат.

Он был умный человек, Эминэ, и так думал он:

«Мулла говорит — земля стоит, а земля вертится, потому что вечером луна сменяет солнце. Мулла говорит — бог создал людей и мир, а люди сами создают себе богов, каждый по-своему. Мулла говорит: наверху — бог, а под богом — царь, а под царем — муллы и баи. Люди прогоняют царей и баев, — разве боги и муллы сильнее?»

— Слушай, Эминэ! Муллы всегда говорили одно и то же. И Салавату это же говорили они, и долго думал над этим Салават. Большая голова была у этого человека. И знаешь, что делал он?

Мулла говорил, что нужно сохранить мир таким, каким его устроил бог, а Салават помогал Пугачеву разрушать этот мир. Мулла говорил, что нужно почитать господ и начальников, а Салават вместе с Пу-

гачевым уничтожал их. Мулла говорил, что русский — враг, а Салават вместе с пугачевской вольницей дрался за свободу и башкир, и русских.

На приволжских утесах вечна жива память о Салавате. Крестьяне, русские, что живут там, рассказывают о нем сказки, какие рассказываем мы.

«Когда генералы царские пытали на дыбах беглых невольников, а по Волге один за другим плавали широкие плоты с царскими виселицами, вольница Салавата наводила страх на блестящих, напудренных генералов и на стрелецкое войско. И крестьянин, что был под Салаватом, смело поднимал голову: он уже больше не был невольником».

Старики говорят о Салавате.

«Царю помощник был. Настоящему царю, нашему».

А в Поволжье былинники поют о Салавате старые песни:

Ох, ты, гой еси,добрый молодец,
Молодой башкирин Салаватушка!
Про тебя рассказ ведут былинники.
Про героя удалого, богатырского,
Генералов и помещиков губителя,
От святого трона царского отступника
И крестьянской вольницы начальника.

Вот что говорят о нем.

Слышишь, Эминэ?..

Выбрось из головы сказки Хадичи — чужие они. Джурабай напевал их Хадиче на ухо, Хадича принесла тебе. Нет больше ни Джурабая, ни Хадичи.

Не сказку — правду слушай, такую, как правда о Салавате.

Степной ковыль не сохранил следов салаватской конницы.

Пугачев погиб. Погиб Салават. Но в людях жива память о нем, и для нас Салават не умер.

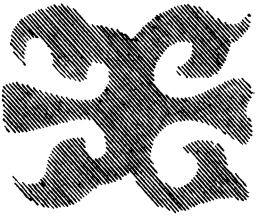
Ковыли зилаирские, волны уральские, ветры сакмарские говорят о Салавате. Сказки людские говорят о нем, и каждая из тех сказок — правда.

Слышишь, Эминэ?..

* * *

...В сердце каждого башкирина живет Салават, и когда я узнал о нем, я понял, что все, чему меня учил мулла, — ложь. Не аллах будет строить наше счастье, а мы сами. Потому что не неподвижен мир, а новое идет на смену старому, как день сменяет ночь и как после каждой зимы приходит радостная весна. Я люблю тебя, Эминэ, и никому больше не дам разрушать моего счастья.

1929



С. Злобин

САЛАВАТ ЮЛАЕВ

(Отрывки)

Потрескивая, мигали длинные коптящие пламешки двух свечей. Пугачев сидел в кресле, тяжело дыша, потупив глаза в дорогую скатерть и положив на стол широкие локти. Желтый огонь тусклым блеском отсвечивал в золотой бумаге, которой были обклеены стены горницы.

Трушка стоял, прижавшись к стене, затаясь, стараясь не дышать. Двойственность отца его раскрылась перед ним со всей полнотой, и, сбитый с толку, напуганный только что происшедшим, он исподлобья рассматривал на стене за спиной отца две одинаковые тени его взлохмаченной головы. Две тени, словно одна — тень головы царя, другая — голова казака Емельяна.

Салават глядел в лицо Пугачева, стараясь прочесть на нем, можно ли верить этому человеку, тайну которого он услыхал случайно, подойдя с Овчинниковым под окно «дворца», но не посмев идти дальше, когда до них донеслись возбужденные голоса из горницы... Можно ли верить этому человеку? И вся только что

происшедшая сцена встала перед взором Салавата...

«Смелый он! — оценил Салават. — Ишь, сколько их было — и всех сломил...»

Сочувствие Салавата обратилось сразу на сторону того, кто был окружен целой сворой врагов и не сдался... Овчинников кинулся в избу, когда грянул выстрел, чтобы помешать расправе над самозванцем толпы заговорщиков. Салават шагнул следом за ним с замиранием сердца, но увидал, что Пугачев справился без посторонней помощи, и оттого еще больше почувствовал к нему уважение.

Салават в удивлении глядел на помрачневшего и опустившегося «царя». Юноше Салавату была непонятна усталость после победы, упадок сил, безразличие, которые иногда одолевают зрелого и уже утомленного жизнью человека. В нем самом победа вызывала всегда лишь больший подъем сил, веру в себя, в свою правоту и укрепляла упорство... Для Салавата было непостижимо, чтобы такой герой, смелый, решительный человек, вдруг обессилел, когда уже все враги ему подчинились и целовали его руку, только что покаравшую их вожака.

Трушка вышел из оцепенения. Только теперь ощутив, что опасности больше нет, он вдруг с лязгом вложил в ножны саблю и, приподнявшись на цыпочки, потянулся повесить ее на место. Емельян оглянулся на него и ласково усмехнулся.

— Дай-кось, Трушка, — он протянул руку за саблей. Мальчик подал саблю, и Пугачев сам привесил ее к его кушаку. — Носи, казак. Ты ее в трудный час заслужил своей рукой.

Трушка смутился и просиял. Емельян приветливо посмотрел на улыбающегося Салавата.

— Что же стоишь-то? Садись, богатырь, — сказал он, обратясь к Салавату.

Но вместо того, чтобы сесть, Салават шагнул ближе к царю и страстно сказал:

— Казаки свое добро в возы сложили. Измену творят, государь!

— В Яицкий город хотят идти, — подтвердил Пугачев.

— Держать их надо, — сказал Салават.

— Как удержишь! Их много, а я один, — устало и просто возразил Пугачев. — Не всех пострелять, — слышь, воза заскрипели — идут... Их тыщи... Как их держать одному!.. — с горькой усмешкой добавил «царь».

Салават решительным, быстрым движением придвинул скамью к креслу Пугачева и зашептал.

— Сударь-государь, ты один?! — страстно спросил он. — Нынче я к тебе две тысячи человек привел... Айда, идем завтра вместе... Сто тысяч можно башкирцев поднять... Башкирский народ, — с гордостью подчеркнул Салават, — наш народ не бывает изменщик.

— Ваши пойдут? — спросил с сомнением Пугачев. — Верят они, что я государь точной?

Этот вопрос был самый главный. Он решал. Пугачев и сам понимал, что вспышка его против царского имени не имеет почвы. Доверие к «царю-избавителю», справедливому мученику и бродяге-царю, исходившему землю, изведавшему неправды, знавшему все несчастья своих народов, их чаянья и мечты, почет его имени был высок, вера в него была горяча. Прекрасный и поэтический образ его был согрет слезами и вздохами миллионов, и сказка о нем сложилась в сердцах самого народа... Что рядом с ним самозванец Емелька, беглый казак Зимовейской донской станицы!..

Пугачев хорошо помнил, как сам он вместе с другими твердил тайную сказку о бродяге-царе, разнося ее по земле от литовских окраин до самой Кубани, от

Дона до Яика, разглашая ее по тюрьмам, уметам и сборищам голытьбы, шепча в староверских скитах и повторяя себе самому в утешенье в самые горькие дни своей беспокойной жизни...

Емельян перешел черту и отдал себя во власть сказки...

Сами собой зароились вокруг него люди, как пчелы; его одели, окружили охраной, знамена везли впереди него; его встречали с хлебом и солью, ему целовали руку... Кто узнавал в нем прежнего казака-бродягу — и те молчали об этом. Он был тот самый царь, которого ждал народ!

Уже он-то знал все народные нужды! Гарун-аль-Рашид, никогда не видавший дворца, рожденный в казачьей землянке, изведавший ратную жизнь, походы, побеги, плети, тюрьму и поденщину, исходивший и изъездивший многие тысячи верст по родной стране, он знал, чего хочет казак, чего хочет чувашин, татарин, русский мужик, запряженный боярским ярмом, чего хочет солдат, купец и чего хотят горожане...

Но, стиснутый тесным кругом яицкого кулачья, желавшего из царя сделать только свое орудие, Емельян не мог развернуться во всю ширь. Когда он пытался делать по-своему, кое-кто из старых знакомцев ему намекал, что помнят его издавна. Старые знакомцы возле него встали стеной, которая отделила его от народа.

Они держали его в плену угрозой разоблачить его самозванство. Сегодня, когда довелось до открытой стычки, он бросил свое самозванство и сам растоптал его перед их глазами, чтобы стать независимым и свободным от них... Он видел — они испугались его разоблачения.

Но сам Пугачев все же понимал, что народ идет не к нему, а к тому, чье имя он принял. Он понимал, что признание в самозванстве отшатнет от него простые

и преданные сердца многих тысяч людей, устремившихся на призыв гонимого и отверженного царя, чье имя вызывало в народе надежды на облегчение жизни.

Он знал, что к башкирам, как и в другие края, из Петербурга послано увещание, провозглашающее его обманщиком своего народа. Участник прусских походов, Пугачев знал башкир как отважный и дерзкий народ. Известие, что царица посылает их против него, встревожило Пугачева. Прибытие Салавата в его лагерь было победой, но все ли башкиры за ним?

— Верят, что я точной царь? — спросил он.

Салават торжественно встал со скамьи. Он поднял палец и произнес почтительно, с ударением на каждом слоге:

— Ваше величество, Петра Федорыч, тощный Пугач-царь!..

В первый миг Пугачев прояснел, но тут же осунулся снова, и борозда легла на его лоб.

— Эх, брат, не то! — сокрушенно качнув головой, пояснил он. — Пугачев-то не царь. Петра — царь!..

Салават со страстной досадой встряхнул его за плечо.

— Ай царь! Нам твой царский пашпорт не надо. Ты письма писал!..— Салават вынул из шапки смятый и бережно расправленный манифест. — Чего я у Ереминой курицы говорил, ты все тут писал... Вот твой и пашпорт царский!.. — решительно заключил он.

— У Ереминой курицы?! — удивленно переспросил Пугачев.

Он не узнал Салавата. Столько лиц и имен перед глазами его протекло в последнее время, что он потерял им счет, хотя отличался способностью запоминать людей.

— Хлопушу знаешь? Я с ним был... — напомнил Салават.

— Ты был тогда?! — воскликнул обрадованный Пугачев, и Салават показался ему ближе и больше заслуживающим доверия. — Вишь, так и писали в письме, как ты говорил. Чего народ хочет, того царь дает... Верно, батыр... как, бишь, звать-то тебя?..

— Салават...

— Ну вот, Салават... Хлопуша-то нынче не дома. Рад был бы... Любит тебя... Ты садись, садись, — дружелюбно захлопотал Пугачев, — сказывай, как там у вас, в башкирцах?..

— Нельзя, сударь-государь, казаков пускать в Яицкий городок. Тебя народ ждет. Ваше величество народ звал? Куда сам гуляешь? Нельзя народ бросать нынче... — не отвечая на расспросы, горячо говорил Салават. — Казаки тебя обижают — айда в нашу землю. Последний малайка ружье берет, воевать будет... Старик воевать пойдет... Бабушка воевать будет...

Осмелевший Трушка подошел к Салавату. Любопытно потрогал лук за его плечом.

— Жан *, — ласково пояснил ему Салават, — башкирский ружье такой, палкой стрелят... Сударь-государь башкирцам другой ружье даст...

— Нельзя на Яик ходить! — заключил Салават, обратясь опять к Пугачеву. — Айда, едем держать казаков.

Он почувствовал сам, что говорит смело и хорошо. Понял, что теперь уже не в шутку, не по мальчишеской песне про зеленую шапку, а в самом деле становится батыром и вождем.

Пугачев молчал. Он не мог ничего возразить. Он понимал, что не время бросать осаду, когда через несколько дней в Оренбургской крепости будет стеснение в провианте и голод. Но что мог он сделать?!

---

* Жан — душа, душенька.

В наступившем молчанье с улицы слышались крики большой толпы. Мелькали факелы, шла возня...

— Слышишь, батыр! — сказал Пугачев. — Теперь не унять, не воротишь... Поднялись все...

— Нельзя уходить, — твердо сказал Салават. — Какая тебе вера будет?! Скажет народ: «Царица, царь — все равно плохо!..»

В сенях пугачевской избы послышался крик, возня, словно кого-то били.

Встревоженный, вскочил Пугачев с кресла, торопливо заряжая пистолет. Трушка глядел растерянно и робко.

Салават шагнул к двери, распахнул ее, выглянул в сени.

— Кто там? — громко окликнул он.

— Государя видеть хочу, не пущают! — отозвался голос.

— Семка! — радостно воскликнул, узнав его, Салават.

— Дежурный, впустить! — громко и повелительно приказал Пугачев, и Семка тотчас же бомбой влетел в дверь.

— Измена, ваше величество! — крикнул он, падая на колени. — Атаманы народ смущают, сами на Яик идут, а прочим по старым домам велят.. Куда по домам, когда люди встали?! Дома не ласка их ждет — реля да плаха, а кому бог помогает, тому плети да кнут!.. — бойко заговорил Семка. — Неужто, ваше величество...

— Помолчи, сорока, — остановил его Пугачев. — Яким! — властно позвал он, вдруг снова преобразившись. Усталости как не бывало. Он снова выпрямил плечи, глаза его сверкнули волей и твердостью.

Давилин вошел в горницу, остановился у порога, не смея поднять глаз, по голосу Пугачева почуяв приближение грозы.

— Кто народу велит по домам идти? — строго спросил Пугачев. — Ведь я никому не велел до указа!

Яицкие главари так легко отступили и сдались под натиском Пугачева только по внешности. Они рассчитывали на то, что страх, посеянный ими в массе казачества, уже совершил свое дело, что, хочешь — не хочешь, бегства на Яик теперь не сдержать никакой силой. Изъявив покорность «царю» и потеряв в столкновении с ним Дмитрия Лысова, они рассчитывали на то, что через три-четыре часа Пугачев им сдастся. Не оставаться же ему в покинутой Берде! Они посадят его в карету и увезут под своим надежным конвоем.

Им не нужна была Русь, освобожденная от помещичьего ярма. Что им в том, что крепостные пахари пухнут от голода, что им в том, что в заводах и шахтах жизнь хуже каторги!..

Забраться на Яик, предъявить Петербургу свои требования: отдать казачеству реку Яик с верховьев до устья, сохранить выборного по воле казачества старшину, отказаться от присылки на Яик атаманов из Петербурга, освободить казаков от службы в регулярных войсках... За половину уступок со стороны царицы они головою выдали б самозванца, уверив «матушку императрицу» в том, что Емелька их обманул «воровством» по их неразумию и темноте...

Оставшись один после ухода атаманов военной коллегии, Емельян тоже понял, что весь его спор был бесполезен. По скрипу возов, по гулу на улицах в непривычный ночной час он понял, что яицкие главари все-таки победили его, хотя и ушли с видимым смирением и внешней покорностью...

Он смотрел бы на все сквозь пальцы, предоставив событиям совершаться, отдавшись на волю течения. Но настойчивые речи Салавата, а вслед за тем требовательный голос «тайного государева поручика» Сем-

ки всколыхнули в душе Емельяна новый порыв к борьбе.

— Народ уж потек, надежа. Ведь как его остановишь! — развел руками Давилин.

— Твоя голова в ответе. Созвать коллегию в сей же час, — приказал Пугачев.

Под окнами раздались громкие споры и крики.

— Узнай, что там, доложи, — вдогонку «дежурному» крикнул Пугачев.

— Я узнаю, — сказал Салават.

Он вышел на высокое «дворцовое» крыльцо.

Лавина народа текла по улице к «царскому» жилищу.

Перед крыльцом суетливо метались казаки.

Денис Шигаев, Коновалов, Овчинников торопливо вполголоса совещались с Давилиным.

— Скажи — башкирцы да тептяри бунтуют, грозятся на государя... — сказал Коновалов Давилину, не заметив Салавата.

Давилин стал ему что-то шептать.

Пара коней рысцой из-за угла вывезла пушку, поставила возле крыльца, пушкарь с дымящимся фитилем совещался с помощником. Из темноты молча пробежали стеной казаки, в соседнем дворе послышался топот коней... команда...

Салават понял все, что творится... Вбегавший на крыльцо Давилин грудь с грудью столкнулся с ним.

— Башкирцы бунтуют, — сказал он на ходу Салавату, не узнав его в темноте.

Салават вместе с ним вошел к Пугачеву.

— Государь, измена! Башкирцы бунтуют, грозят на ваше величество... — крикнул Давилин.

— Сударь-государь, — прервал его Салават, — Коновалка велел из пушки в башкирцев палить! Коновалка измену делат! Пушкарь у царского крыльца пушку

ладит... Айда, вместе идем, ты башкирским людям свое слово скажешь!

— Идем, — решительно обронил Пугачев, надевая шапку. — Трушка, ты останься дома. Сема, ты с ним, с Пугачонком...

— Государь, головы своей пожалел бы, нужна народу! — воскликнул Давилин с мольбой.

— Идем, Салават, — словно не слыша его, сказал Пугачев. — Дежурный, коня!

Спокойство овладело им. Он умел говорить с толпой. Терявшийся до истерики перед кучкой людей, с которыми приходилось хитрить и искать лазеек, Пугачев был твердо уверен в себе, когда выходил к тысячным толпам народа. Для них он был желанный и жданный их государь, повелитель и вождь. Перед народом он не лукавил ни в чем, сердцем был с ним, и голос его был тверд и спокоен, когда говорил он с народом.

Салават восхищенно взглянул на высокую грудь царя, на уверенно поднятую голову в казачьей шапке, сдвинутой набекрень, на тяжелую, твердую поступь. Давилин накинул ему на широкие плечи богатую, крытую темно-вишневым сукном шубу. Трофим подал саблю...

— Пушку убрать! — громко скомандовал Пугачев с крыльца. — Изменник ты, Коновалов, в кого хошь палить?!

И, обратясь к Давилину, резко напомнил:

— Сказано — дать коня!

Пушка, стуча колесами, мгновенно скрылась за поворотом.

Из темноты подвели под узды двух коней.

Пугачеву всегда подавали двух лошадей под седлом.

Ширококостный и мускулистый, хотя не отличавшийся полнотой, он быстро утомлял лошадей. На этот

раз не предстояло дальней езды, и Пугачев кивнул Салавату:

— Садись.

— Царский ведь жеребец, — почтительно возразил Салават.

— Садись! — настойчиво произнес Пугачев.

Четверо казаков с оружием в руках окружили их, пятым вскочил на седло «дежурный» Давилин. У двоих казаков в руках закачались зажженные фонари. Отблеск огней сверкнул на лезвиях сабель, на стволах ружей, на бляшках сбруи.

В конце улицы стоял глухой гул: казаки оттеснили толпу в темноту ночи между двумя рядами домов и длинных заборов. Толпа волновалась. Пугачев услыхал гортанные звуки невнятной и чужеродной речи.

— Ваши? — спросил он, склонясь к Салавату.

— Наши.

Они подскакали вплотную к толпе. Здесь шла молчаливая давка. Казаки древками пик преградили улицу поперек. Толпа рвалась, но не могла сломить крепкой казачьей стены. Озлобление толпы накалялось задорными криками, долетавшими из далеких задних рядов. Вот-вот заварится жаркая свара...

— Кто не пущает народ к своему государю?! — выкрикнул Пугачев, подъехав к толпе.

— Бунтуют башкирцы, ваше величество, — четко отрапортовал хорунжий. — На вашу персону грозятся.

— Врешь, собачий ты сын, не одни башкирцы — и заводские на вас, изменников. Ты царю не клепли! — откликнулись из толпы.

— Пики убрать! — приказал Пугачев.

— Яшагин * царь Петра Федорыч! — выкрикнул Салават. — Яшагин!

---

* Яшагин! — Да живет! Да здравствует!

— Яшагин! — подхватила толпа и хлынула в улицу, заливая ее и смешав ряды казаков, по приказу царя убравших свои пики.

Салават выхватил горящий фонарь из рук казака и поднял его, освещая лицо Пугачева.

— Жигетляр! * — крикнул он и обратился к толпе по-башкирски. — Здесь перед вами великий царь, знающий все сердца, славный, милостивый и отважный. Я, Салават, начальник башкирских войск, говорю вам: слушать во всем царя. Он, как отец, хочет для всех народов мира и счастья.

— Яшагин цар Петра! — крикнул рядом толстый Кинзя.

Толпа подхватила его клич.

— Многие лета царю Петру Федорычу! — раздался из толпы голос того, кто кричал о заводских рабочих.

— Ур-ра-а! — подхватили русские.

— Ур-ра-а! — закричали и казаки, и простой этот клич передался башкирам и тептярям и прокатился по всей толпе.

Пугачев снял шапку перед народом.

— С чем пришли, дети? — спросил он толпу.

— Наста киряк, балаларым? ** — перевел Салават вопрос.

И тогда прорвалась разом из всех грудей тысячеустая, пестроголосая жалоба:

— Измену затеяли казаки.

— Пошто на Яик собираются? Нас покинуть!..

— Сами звали вставать, да пятки подмазали салом!

— Не гоже тебе так, Петра Федорыч, наш ты царь, не боярский — пошто допущаешь измену от каза-

---

* Жигетляр — джигиты, молодцы.

** Наста киряк, балаларым — Что нужно, дети мои?

ков?! — внятно сказал длиннобородый седой старик, вытолкнутый толпою вперед.

— Ты кто, батюшка? — спросил Пугачев.

— Рудоплавщик, надежа царь. Ходоком от заводу прислан к тебе. В поклон пушку да десять ядер привез. Заводские мужики повелели тебе сказать, что животы за тебя положат. Иди, хочешь, к нам — не дадим в обиду. Пушки сольем, сабли скуем, пики... Ан ты от нас на казачью сторону хошь уходить, а нас на расправу бросить.

Пугачев осмотрел толпу.

Высокие остроконечные шапки, ушастые шлемы с меховыми назатыльниками, падающими на плечи, доспехи из лошадиных шкур, с гривами, развевающимися вдоль всей спины воина, гнутые луки за плечами, боевые топоры...

Молодой башкирин приблизился к Салавату и горячо говорил ему на своем языке.

Толпа башкир и татар одобрительно рокотала в поддержку его слов.

— Чего говорит? — спросил Пугачев Салавата.

— Сказыват — лучше ты, государ, вели казакам нас насмерть побить, чем бросить башкирский народ... Когда в Яицкий городок пойдешь — на дороге ляжем... топчи лошадьми — нам хуже не будет... Нам как без тебя воевать? Вешать, казнить будут нас, деревни пожгут, детей убьют, женщин...

Пугачев махнул шапкой — все утихли.

— Слушайте, дети! — громко сказал он. — Я, ваш государь, словом своим и именем божьим вам обещаю: никто не пойдет в Яицкий городок. Казаки, развязывай ваши возы! Тут будем стоять. Ладно ли, дети, я указал? — обратился Пугачев к толпе башкир и татар.

— Ярар! Ладно! — ответил за всех Салават.

— Многие лета живи! — крикнул Давилин, делая вид, что и казаки рады, как все, царскому повелению.

— Здравствуй, наш государь! — подхватил Овчинников.

И толпа заводчан и восставших крестьян, десятитысячная толпа откликнулась кличем восторга и торжества. Народ победил-таки яицких вожаков...

* * *

Целую ночь просидел Салават с царем.

В соседнем покое посапывал молодой Пугачонок. Давилин спал у порога, загородив своим телом вход в «дворцовую» горницу. Единственная свеча оплывала с треском, и сало с нее стекало на скатерть.

Перед Пугачевым стояла старинная серебряная чаша, наполненная вином, но он не пил, увлеченный беседой о вольном народе, который сегодня помог ему покорить казаков.

Царское слово, сказанное перед многочисленной толпой, не могло быть нарушено. Царь не мог стать обманщиком, — это было ясно и казачьим вожакам, которым оставалось молча досадовать, что народ раздавил их заговор.

Бродяжная жизнь Пугачева много кидала его по России, но никогда не приходилось ему добредать до башкирских кочевий, ни побывать на горных заводах Урала. Вот почему, отправляя к башкирам свой манифест, он держался слов Салавата, сказанных в доме Ереминой курицы, и потому же во всем, что касалось жизни заводов и заводских крепостных людей, положился он на Хлопушу.

В те дни, когда Салават прибыл в Берду, Хлопуша, переходя по заводам Урала, приводил их в покорность царю. Заводское население охотно его принимало.

Петр Третий в короткое царствование издал указ, который прельщал крепостных рабочих. Смысл его заключался в том, что заводчики не имеют права покупать крепостных крестьян, а должны «довольствоваться вольными наемными по паспортам за договоренную плату людьми». Этот указ, подсунутый дворянами, желавшими защититься от растущего засилия купцов, был подписан Петром без мысли о том, что от него получат сами рабочие. Но, как и другие законы и указы, этот указ заводчики не выполняли, и заводской работный народ много лет нетерпеливо ждал возвращения царя, который накажет хозяев за ослушание.

В беседе с Салаватом Пугачев подробно расспрашивал о жизни и нуждах башкир, о земельных спорах с заводами, о захватах земель и лесов.

— Тебя, батыр, за твою заслугу — что первый войско ко мне привел — жалую я покуда полковником, а там время придет, побьем супостатов и по-иному поладим — тогда уж своим, башкирским домком заживете и чин тебе будет иной: князь, что ль, мурза али хан — как по-вашему лучше. Ну, нынче такого званья нельзя давать: на войне все в военных чинах, вот и ты военный — полковник, — повторил Пугачев.

— Латна, полковник будем, — скромно согласился Салават. Название военного чина ему не говорило ничего.

— Поедешь ты, Салават, в башкирские земли — и всех подымай, — указал Емельян. — Зови башкирцев мне на службу. Вы меня сговорили под Оренбурхом остаться — стало, подмогу давайте: крепости брать и жечь, форпосты, редуты — все жечь, солдат подымать с собой. Коней для войны мне гоните. Конь на войне опора. А еще — упаси тебя боже русских людей обижать, церкви их грабить... Коли ко мне приклонны, волос чтоб не упал с их голов, а кто враг — поп, мул-

ла, офицер, воевода, заводчик, помещик — казнить лютой казнью без страха. Я сам указал... Слышь?!

Салават молча кивнул.

— А добрых и верных обидишь — тебя повешу, не посмотрю, что полковник... Уразумел? Таков на войне закон...

Они сидели до петухов.

Наутро без спутников выехал Салават обратно в родные края поднимать башкир в помощь царю.

Салават получил от военной коллегии полковничий знак — золотого широкого позумента на шапку, мисюрку с булатным назатыльником и кольчужною сеткой, с царского плеча сам Емельян подарил ему на дорогу кольчугу, саблю с соколом, чеканенным золотом на рукояти, и пистолет. Лук и колчан, полный стрел, дополняли убранство. Кинзя, оставшийся при Пугачеве, прощаясь, дал Салавату тяжелый дубовый сукмар *.

Салават скакал снова к родным селеньям. Навстречу ему летела зима. Дороги запорашивало снегом, снегом залепляло лицо, слепило глаза, но на душе у Салавата было радостно. Он представлялся себе самому похожим на тех воинов, о которых народ рассказывал сказки и пел песни.

Дороги Урала были безлюдны. Вечерами за путником раздавался протяжный звериный вой, мелькали злобные огоньки волчьих глаз. Тогда Салават нахлестывал пуще коня и спешил к какому-нибудь аулу, чтобы пристать на ночлег...

Дня через два подъехал он к Стерлитамакской пристани, где издали увидал сожженную канцелярию, виселицу с печальными останками казни, много покинутых жителями домов... Здесь могли спрашивать бумаги, могла быть и воинская застава, и Салават круто

---

* Сукмар — чекмарь, дубина с утолщением на конце.

свернул вправо, через лед Агидели объезжая пристанский городок.

Лес и горы обступили его. Поднялась непогода, снег залеплял глаза, заносил едва видимые горные тропы. Кони всхрапывали, скользили по заснеженным камням, спотыкались... Впору хоть возвращайся назад!.. Если ночь застанет в лесу среди гор, вдалеке от людского жилища, стаи волков нападут на одинокого всадника, то никто никогда не узнает о бесславной смерти молодого певца...

И вдруг в стороне от дороги услыхал он возгласы и топот сотни коней. Салават выехал наперерез отряду. Молодой командир подъехал ему навстречу. Богатство сбруи Салавата, видимо, поразило его.

— Стой! Останови людей!

Сердце Салавата сильно забилось: если бы воины оказались верными царице, ему грозила бы гибель. Он был один.

— А ты кто таков? — воскликнул запальчиво юноша. — Юлбасар * несчастный... Мы не купцы, а воины. Как бы не растерять тебе подков, удирая!..

— Я тот, кому повелено встретить тебя, — ответил с важностью Салават. — Останови воинов. — Он старался держаться спокойнее и уверенней.

— Стой! — крикнул всадник отряду.

Башкирцы остановились. Всадник подъехал к Салавату.

— Как тебя зовут? — спросил Салават.

— Сотник Акжягет, сын старшины Клыч-Мурзы Алакаева из Катайского рода. А ты кто таков?

— Я Салават, сын старшины Юлая Азналина из рода шайтан-кудеев и царский полковник. Куда ты ведешь отряд? На Стерлитамакскую пристань? Царь указал не ездить туда, а ехать к нему против царицы.

---

* Юлбасар — разбойник.

Вот бумага. — Салават вынул из-за пазухи пугачевский манифест. — Я прочту воинам. Вот, гляди, мое царское письмо. — Он протянул Акжягету написанную Кинзей грамоту Пугачева о пожаловании Салавату за верную службу чина полковника.

Акжягет внимательно читал лист. Потом приложил бумагу к сердцу и передал ее Салавату.

— Прости, туря *. Я не ждал, чтобы полковник, как разбойник, ездил в одиночку в лесу. Жягетляр,— крикнул он воинам, — слушайте! Царский полковник прочтет вам письмо государя.

Салават подъехал к отряду и стал читать.

Горячие слова о звериной воле, о степях, лесах и водах взволновали и зажгли башкир. Кличем восторга встретили они письмо. Видя успех, просиявший радостью Салават передал Акжягету еще два листа, чтобы он читал встречным, и приказал ехать к Оренбургу, в Бердскую слободу, минуя Стерлитамак.

Он попрощался с отрядом и двинулся дальше.

Непогода крепчала, снег заносил дороги и тропы. Сгущалась ночная тьма, и в горах уже послышалось завыванье волчицы, когда Салават увидал мелькнувшие огоньки. Что за селенье, он не мог разобрать в темноте, но это было человеческое жилье, тепло и ночлег для себя и коней...

...Салават пошел вниз по Аю, собирая в отряд людей...

У реки Биргаджа, что впадает в Ай, Салавата настиг Кинзя. Толстяк едва отпросился у Пугачева. Он говорил, что Салават пропадет без него, что он горяч головой и погубит себя, если его не держать в узде. Пугачев не сдался бы: Кинзя показал себя славным воином и грамотеем и был полезен ему на месте, но

* Туря — начальник.

подоспевший с заводов Хлопуша, узнав, что Кинзя друг Салавата, понял его тоску и сочувственно попросил царя уважить просьбу башкирца.

Пугачев отпустил Кинзю.

Когда Кинзя услыхал по пути рассказ башкир о царском полковнике, который, внезапно явясь на базар, поднял народ к восстанию, Кинзя сразу узнал в полковнике Салавата.

Рассказ о песне его окончательно разогнал все сомнения.

Кинзя сообщил Салавату, что под Уфой стоят уже полковники Пугай-падши * Губанов и Чика Зарубин.

Кинзя передал Салавату царский указ подымать башкир по всем дорогам, и Салават помчался от аула к аулу, подымая знамя восстания.

Всюду, куда приходил, громко выкрикивал он слова манифеста, призывавшие на великую войну:

— «Пусть знают и верят, — это высшее письмо дано от собственной руки и языка...»

— Шулай **, шулай... Казак-падша писал... Сам писал... — гудели голоса, приглушенные в знак почтения перед Казак-падшой, как звали Пугачева в Башкирии.

— «Жалую вас землей, водой, рыбой, пашней, лесом, хлебом и солью... — читал Салават.— Кто не подчинится и будет противиться — боярин, генерал, майор, капитан и другие, — голову того рубите и имущество грабьте... Против таких стойте».

— Кись! Кись! Башларын балта блян кись!..*** — кричали слушавшие.

— «Даю слово: кто раб помещика и попал в руки крестьянских тиранов — с сего дня свободен... Кто в

---

* Пугай-падша — Пугай — Пугачев; падша — царь, государь.

** Шулай — так, верно.

*** — Бей! Бей! Руби топорами башки!..

тюрьме — тоже освобождается. Кто не подчинится — будет казнен».

Слова эти подхватывали десятки и сотни языков, слова эти разносил ветер, слова летели на стрелах, мчались на конях, кружились, подхваченные бураном, скользили на лыжах и грохотали в звуках выстрелов.

Десятки и сотни буйных отрядов родились в аулах, и отважные жягеты на борзых аргамаках, натянув поводья, мчались, перекинув через плечи луки, колчаны, с кинжалами и саблями на поясах, с копьями у стремян.

Салават прошел вниз по Аю до самого устья. Всюду встречал он радостный прием, сотни жягетов присоединялись к нему.

Стоял декабрь. Последние быстрые речушки замерзали, окутанные инеем, как облаками. Мчались отряды во главе с десятниками и сотниками. Серебристым от инея мехом опушены были их шапки, серебристыми гривами щеголяли кони, поседели в морозной красе ресницы и черные брови на юных лицах.

— За волю!.. За степь!.. За соль!..

И за волю, за степь, за дешевую соль, за свинец, за порох, обещанные царским манифестом, подымались аулы, юрты и целые дороги.

В первый раз было это, что башкиры вместе с русскими встали за волю, и сотни атамана Ивана Басова радостными криками встречали башкир-воинов, и царский полковник Салават Юлай-углы стремя к стремени ехал с царским атаманом, так же, как он, подымавшим народные полчища.

— За волю, за хлеб, за соль, за воду!

Вместе двигались они, призывая всех в царское войско:

— «От собственной руки и языка... Тех, кто меня признает, кто навстречу мне выйдет со службой, — не

трогайте... Кто не подчиняется — мой приказ: вешать их и рубить».

Попы звонили в колокола, и народ присягал государю Петру Третьему. Кто не подчинялся — вешали и рубили тех, и черные тела их качались на деревьях.

Каму сковал ледяной панцирь, и за Камой, у Сарапуля, впервые встретили пугачевцы упрямый отпор. Целый день бились. Выстрелами отражали их с высокого берега верные царице сарапульцы, засевшие в остатках деревянной крепости, не раз противившейся бунтовщикам. Два раза высылали к ним посланца с письмом Пугачева, и в первый раз они прогнали его криком:

— Скажи своим ворам, что сарапульские кожемяки верны государыне!

Во второй раз погиб посланец от пули, посланной старшиной кожевников. Тогда ринулись все на приступ на Сарапульскую гору, но новыми выстрелами отвечали упорные горожане — им нечего было вставать за волю: город их, стоявший на перекрестке торговых дорог, вел торговлю и был богатым.

Возле Сарапуля пристала к повстанцам тысяча черемисов. Много лет их здесь обращали в православную веру, заставляли молиться чужим, христианским богам, и теперь поднялись они:

— За волю, за реку, за соль, за старых богов, живущих на вольной воле, в лесу, а не в церкви.

В белых сермягах своих черемисы были не видны на синевато-белом снегу в сумерках, и когда отважились на вылазку сарапульцы, они прошли мимо черемисов. Салаватовы башкиры с кинжалами в зубах и поднятыми саблями ударили на них, и, побежав, многие из них были побиты и многие попали в плен к белохалатным черемисам.

Допросивши пленных, их отправили под Уфу к графу Чернышову, как именовал себя командовавший войском, осаждавшим Уфу.

Слава Салавата летела по горам Урала, по долинам уральских гор. Слава Салавата звенела в его песнях, которые подхватывали сотни певцов и несли по сельским базарам, по деревенским избам. Песни звали народ на борьбу, и тысячи всадников скакали к Салавату. Одни из них приезжали во главе со старшинами и сотниками, другие — мелкими кучками, по десятку человек, иные — просто в одиночку.

Из-под Уфы от графа Чернышова пришло письмо о том, что на выручку осажденной крепости движется войско царицы. Чернышов просил помощи для отбития войск.

Салават собрал тысячу конников и двинулся во главе их к Уфе, чтобы встретиться с удалым полководцем.

Граф Чернышов выехал сам в сопровождении свиты навстречу полку, приведенному Салаватом.

Когда Салават увидал его — вспомнилась сцена во «дворце» государя в тот миг, когда Салават после выстрела Емельяна в Лысова шагнул через порог. Лица всех атаманов из военной коллегии пугачевцев повернулись враждебно к Овчинникову и Салавату, только этот, которого звали тогда не «графом», а просто Ванькой Зарубиным, радостно улыбнулся Овчинникову — это был настоящий друг государя, друг Андрея Овчинникова, а Андрей — друг Хлопуши. Он был моложе и удалее всех из яицких атаманов, недаром его послал царь осаждать Уфу, несмотря на его молодость.

Чика — граф Чернышов — был опытный воин. В его полках был порядок и чин, и Салавату захотелось стать его другом.

Чика принял его почетно и доброжелательно, угощал его, показал, как держит осаду, как обстреливает из пушек Уфу, тот самый злосчастный город, в котором сидят жадные до коней и денег чиновники, обещавшие Юлаю помочь в его тяжбе с заводчиком, забравшие сотни коней, соболиных, бобровых и беличьих шкурок, бочки меду, стада баранов и не сделавшие ничего для отца...

От Чики узнал Салават, что Афанасий Иваныч Хлопуша на заводах Урала льет новые пушки для государя, готовит сабли и пики и всего дня четыре назад он прислал под Уфу четыре новые пушки с чугунными ядрами.

Салават не раз видал заводы, где выплавляли чугун, где ковали железо. Огромные, полные жара печи, над которыми по ночам, как над пожарищем, поднималось зарево, казались ему похожими на злобных огнедышащих чудовищ, которые пожирают башкирские леса и приносят горе народу.

Салават по дороге в родную деревню из Берды проезжал мимо такого завода со своим отрядом башкир, но ему и в голову не пришло, что заводом можно овладеть, как городом или крепостью. Огнедышащий завод казался загадочным, неприступным, могучим... Оказывается, Хлопуша не только им овладел, он смирил чудовище и заставил его нести добрую службу, полезную людям. Так волшебники в сказках смиряли злых духов, заставляя их делать добрые дела... Пушки, вылитые Хлопушею на заводе, стреляли в злобных чиновников, которые дрожали от страха, сидя в Уфе, осажденной Чикою.

Салават загорелся желанием овладеть заводом, но царский указ посылал его снова на север.

Всего лишь с десятком товарищей выехал Салават к своему войску. Но с ним была песня, и песня звала народ к бою. Снова в каждом селении приставали к

нему мужчины. Молодые и старые, покидая свои дома, оставляя семьи, брались за оружие.

Салават сулил свободу и славу, звал за собою тех, кто любит родной Урал, кто ненавидит рабство, и каждая песня множила число его спутников.

Под Сарапуль он снова вернулся с тысячей воинов.

В деревнях и селах к нему приставали певцы, которые учились его призывающим к битвам песням, и Салават посылал их в леса и горы — звать народ на войну за волю...

В этой поездке почерпнул Салават немало доброго; глядя на порядки, заведенные Чикой, отдал он приказ по своим войскам:

«За воровство у покорных жителей — смерть. За убийство между собой — смерть. За отказ идти в войско — великий штраф».

Когда, вслед за этим приказом, пришли из одной деревни башкиры с жалобой, что у них вся молодежь ушла к графу Чернышову — на осаду Уфы, остались одни старики да женщины с детьми, а в это время напали Салаватовы воины и пограбили много домов,— Салават созвал все свое войско. Он выехал вперед в полном вооружении.

— Кто обижал деревню? — спросил он. — Выезжай.

Несколько мгновений стояла тишина, потом среди тихого ропота и подталкивания соседей выехало четверо всадников.

— Слышали вы приказ? — спросил Салават.

— Слышали! — вызывающе выкрикнул молодой бурлак. — Чего хошь, чтобы мы бабами стали?

— А ты, жягет, стал хуже бабы, — перебил его Салават. — Нам нужны воины, а не разбойники. Мы воюем с солдатами, а не детишек бьем. Вешать его,— обратился Салават к воинам.

Но никто не шевельнулся.

— Я говорю: взять их и вешать! — повторил Салават.

Ропот пошел по войску:

— Ишь, ловок ты русских вешать!

— Своих небось не повесишь!

— Неладно говоришь, полковник! — отчетливо выкрикнул атаман Басов, казачий отряд которого действовал совместно с Салаватом. — Надо круг спросить. Ты с графа уклад хочешь взять. У нас без суда не вешают. Пусть их круг судит...

— И верно, народ пусть судит... Что ты за хан такой! — выкрикнул мародер. — Правь круг, Басов!

Тогда Басов выехал вперед.

— Эй, атаманы! — крикнул он. — Храбрые атаманы! Вот четверо мошенников и воров... Они детей и старых обидели, как боярские командиры обижают... Вы на службу государю Петру Федоровичу пошли, а они на ваших детей напали и ваше добро грабили... У кого из вас дома хозяйки с ребятами остались, атаманы-молодцы? Эти четверо воров ваши домы пограбят, всех детей ваших побьют и хозяек изблудят силой. Любы ли вам такие дела? Что делать с такими волками?

— Вешать их! — закричали из толпы.

— Одних повесим, а других помилуем, коли деревни грабить будут, али всех повесим, кто деревни покорные обижать станет?

Четверо грабителей, побелевшие и растерянные, стояли перед толпой. Они не ожидали, что Басов поможет Салавату, думали, что казак за них вступится перед башкирами, и ошиблись...

— Всех, всех вешать! — кричали из толпы.

— Верно, атаманы, всех вешать. С нынешнего дня всех повесим таких, а из сих для страху лишь глав-

ного. Кто у вас за старшего был? — обратился Басов к грабителям.

— Что ты за судья?! — выкрикнул тот же бурлак.

— Не я сужу — круг судит, — ответил ему атаман.

— Говорите, кобели, а то всех повесим! — загудела толпа.

— Вот он, Петрушка, был, — показали трое остальных грабителей. — Он звал...

— Вешать, Петрушку, вешать его!..

— Бей! — закричали из толпы.

Молодой бурлак, дерзко отвечавший Салавату, — Петрушка — подобрал поводья. Он решился спастись бегством. Его сосед, один из четверых грабителей, схватил его коня под уздцы.

Петрушка выхватил нож и ударил по руке товарища. Тот выпустил поводья, но тут же схватил топор из-за пояса, и в одно мгновенье грабитель с расколотой головой медленно сполз с седла.

— Вешать всех, — спросил Салават, — али пустить других?

— Всех вешать! — выкрикнул одинокий голос.

— Пустить, пустить остальных. Главный вор был Петрушка. Пустить остальных, — рассудила толпа.

— Быть так, — поддержал Салават. — А Петрушку, не глядя, что помер, весить на дерево и письмо написать: «Вор, царских людей грабил».

Через несколько минут труп грабителя уже был повешен на дерево, и записки на двух языках рассказывали народу, за что и кем он казнен.

В эти дни к Сарапулю прибыл с отрядом башкир, казаков и крестьян Канзафар Усаев, тот самый татарский писарь, который составил по указанию Пугачева первый манифест, обращенный к башкирам, и с ним же пришел со своим полком казацкий полковник Овчинников.

Канзафар привез Салавату письмо Пугачева. «Царь» хвалил его за верную службу, за набор многих конных и пеших людей и высказывал уверенность в том, что Салават еще больше прославит башкирский народ войною против больших крепостей.

Он рассказал о том, что со всех сторон надвигаются вражеские команды генералов и полковников царицы Екатерины. Государь повелел, и военная коллегия указала захватывать всюду крепости и города, не давая врагам занимать их и делать своею опорой против народа. Военная коллегия указала на всех дорогах поставить заслоны, поставить острожки, форпосты, по всем дорогам постоянно держать конные разъезды для вестей о приближении врага.

Опытные в боевых делах люди, не раз бывавшие на войне, Пугачев и его соратники организовывали народные силы. Для этого нужно было, может быть, в десять раз увеличить войско. Если до сих пор народное войско могло довольствоваться приходом тех, кто шел добровольно, — теперь становилось этого мало: надо было собрать великую армию. По лесным и горным селениям башкир, живших зимой не на кочевьях, а в оседлых аулах, можно было набрать довольно пригодных к воинской службе людей.

Посовещавшись между собой, начальники ратных сил порешили, что здесь, в Башкирии, в царское войско лучше всего набирать народ славным в Башкирии именем Салавата.

Отныне не вдохновенная песня героя-певца должна была звать народ, а суровый приказ. Герой-певец превращался в начальника и вождя своего народа.

«По указу его величества государя императора Петра Федоровича, я, полковник Салават, сын Юлая, повелеваю тебе, сотнику Илятбаю Илимбаеву, чтобы для усердного стояния своею командой противу воров и противников государя и для сражения с врагами

государя из каждого дома взять конных и пеших людей в государеву службу. Годных к службе не оставлять, отговорок не принимать, упорных поймать и прислать к нам при рапорте. В чем полковник Салават приложил руку».

«Я, полковник Салават, сын Юлая, повелеваю тебе, подполковнику Ахмету Типееву, для усердного стояния своею командой противу воров и противников государя...»

«Я, полковник Салават, сын Юлая, повелеваю тебе, юртовому старшине Седяшу Юхнину, для усердного стояния...»

Сотни таких приказов, подписанных рукой Салавата, развозили гонцы по селениям вдоль Белой, по берегам Уфы, Ая, Таныпа, Юрюзани, Сима, до самых Инзера и Зилима...

Первой крепостью, под которую по указу царя двинулись отряды Канзафара Усаева, Овчинникова и Салавата, была Красноуфимская крепость. Если бы ее захватили войска царицы, они могли бы отсюда действовать на большое пространство. Красноуфимская крепость должна была стать опорой народа.

Во главе трехтысячного отряда Салават с Канзафаром Усаевым и Андреем Овчинниковым вышли из Сарапуля по направлению к Красноуфимску.

Они шли трое суток. Чтобы быть сильнее, не утомляли походом пеших, делали по небольшому переходу каждые сутки.

К концу третьего дня подошли к самому городу. В вечернем сумраке перед ними встали башни крепости. Они расставили заставы кругом и притаились в двух соседних деревнях. Когда сумерки сменились ночью, темная лава человеческих и конских тел повалила на ветхие деревянные стены крепости. В крепости грянул и растерянно заметался набат. С крепостного

больверка *, с палисада, грохнули пушки, с башен прогремели выстрелы, и тысячеголосый визг и свист огласили ночь.

Салават с отрядом башкир человек в двести прорвался в город с северной стороны, зайдя в обход. Неузнанные в ночи, как буран, как бешеная снежная вьюга, промчались башкиры по темным улицам и с визгом и криками ударили на больверк, в тыл артиллерии. Уже смятые первым залпом пушек, бросились отступать от стен пугачевцы, и капитан скомандовал приказ о втором залпе, уже канонирские ученики подавали канонирам новое страшное угощенье, когда по бревенчатым помостам башкирские кони взлетели на гребень больверка, и капитан, командовавший артиллерией, упал с пулей Салавата в голове.

— Стой, канониры! — крикнул Салават. — Я полковник государя Петра Федоровича.

Канониры остановились.

— Не слушать его, ребята! Помни присягу государыне! — выкрикнул прапорщик и выстрелил из пистолета.

Пуля шлепнула в кольчугу Салавата и не пробила ее. В то же мгновение молодой канонирский ученик ударил прапорщика штыком в спину и, только успев ахнуть, тот упал. Салават усмехнулся.

— Государь приказал пушкам палить по крепости, — сказал он.

Канониры стояли потупясь...

— У них там бабы, — шепнул Кинзя Салавату.

Салават досадливо отмахнулся.

— Слушай приказ государя! — повторил он повелительно, но, прежде чем канониры успели проявить

---

* Больверк — берегоукрепительное сооружение, подпорная стена, поддерживающая земляную массу крутого берега.

покорность или непокорность, снизу взвыл торжествующий клич наступавших пугачевцев, застрекотала редкая ружейная пальба, и через бульверк устремились в городок тучи башкир, тептярей, казаков и восставших крепостных из заводов. Все смешалось.

Гарнизон уже не противился...

Богатая добыча — четырнадцать пушек с ядрами и порохом — давала повстанцам возможность без труда захватить еще ряд мелких крепостей, тем более, что при пушках же были захвачены люди, искусные в своем деле.

После падения Красноуфимска башкирские отряды двинулись по окрестностям от селения к селению, всюду зажигая пламя восстания.

К Красноуфимску с разных сторон уже скакали гонцы от сотников, старшин и полковников, посланных для набора войска и для разведывания о врагах. Они привозили вести о повсеместных восстаниях и победах народа: за Камой был занят повстанцами Ижевский завод, атаман Арапов взял город Самару на Волге, сам государь занимал одну за другою крепости, ближайшие к осажденному Оренбургу.

Всюду поднимались восстания: чуваши в Белебее подняли бунт, выгнали попов, сожгли церковь после того, как посланный Салавата прочитал им в базарный день на площади манифест Пугачева.

— Царь-батюшка досфолил свою веру дершать, нашим богам верить хотим! — кричали они в лицо своему попу и объявили себя язычниками.

Под Мензелинском татары, чуваши и башкиры во главе с татарином Сянфином подняли деревни и угрожали крепости. Даже попы возмутились, и поп из прикамского села Николо-Березовки, Игнашка Иванов, как прозвали его царицыны начальники, стал атаманом и приводил Прикамье в верность Пугачеву.

Надо было двигаться дальше, по указу царя захватывать новые крепости, оставив Красноуфимск позади.

Салават призвал к себе назначенного атаманом крепости казака Иванова и есаула Матвея Чигвинцева.

— Силы довольно у вас, народ с вами, — сказал Салават им обоим. — Государь указал до самой смерти стоять, крепость держать, разъезды по всем сторонам высылать. Какая весть будет — сейчас ко мне посылать гонца.

— Не тревожься, полковник Юлаич, мы ведь народ-то бывалый. Не слыхать, чтобы знатные силы какие под эти места собирались, — сказал Иванов.

— Ну, смотри, чего плохо будет, вино пьешь, проспишь — на себя пеняй богу, смертью казню!.. А станешь народ обижать, подарки тащить, деньги брать от народа — и тоже повешу... Чтобы жалобы не было на тебя никакой! Государь ведь за правду идет, и мы будем за правду...

Перед выходом из Красноуфимска Салават по казацким обычаям призвал горожан на круг.

— Вот вам, народ, государевы верные слуги — атаман Иван Иванов да есаул Чигвинцев Матвей. Они для добра во всем промышляют. Ослушности им никакой ни в чем не чинить, а на того, кто их слушать не станет, великий штраф будет от государя, — сказал Салават, обращаясь к кругу. — А ежели они в чем народ обидят, то к ним отпишите. Государь никому не простит, кто народ обижает!

— А где нам тебя отыскать, господин полковник? — выкрикнул из толпы одинокий голос.

— Не соломинка в поле — как-нибудь сыщешь!— с усмешкой сказал Салават.

Арслан Бурангулов был храбрым сотником. Одним из первых на призыв Салавата взялся он за оружие

в погоне за провиантским отрядом в селе Камышлы. С того дня Арслан сам набрал довольно народу, храбро бился при взятии Сарапуля и одним из первых ворвался в Красноуфимск. Несколько мелких редутов было захвачено им, не один гусарский разъезд был им побит и взят в плен.

Салават, уходя в поход, оставил его защищать Красноуфимскую крепость.

— Верно стой, Арслан-подполковник, — сказал ему Салават. — Ни в какую сторону сердце свое не пускай отклоняться. Если воры возьмут город, то с тылу на нас ударят. Стены, дороги, реку держать велю тебе именем государя. Окопы и засеки я твои осмотрел — все построено ладно. Держись, Арслан.

Канзафар Усаев вышел в направлении Екатеринбургской крепости, а Салават, расставшись с ним, отправился под Кунгур, под которым недели две уже стояли войска пугачевцев: командир башкир Батыркай, заводской атаман Петр Лохотин и казачий яицкий атаман Михайла Мальцев обложили Кунгурскую крепость со всех сторон. Несколько приступов не дали результата — все были отбиты.

Десять из четырнадцати пушек, взятых в Красноуфимске, шли с Салаватом на помощь войскам, осаждавшим Кунгур. За ними везли подводами порох, картечь и ядра.

С самим Салаватом ехало всего сотни три молодых всадников, но имя героя и пушки, которые вез он, должны были впятеро увеличить силы войск, осаждающих крепость.

Конный разъезд по пути прискакал к Салавату сказать, что вдоль по реке Уфе нагоняет их тысячный конный полк. Тотчас заняв вершину горы, Салават сам расставил на ней пушки, заслоняя дорогу к Кунгуру, и выслал разъезды, надеясь разбить с горы пушками любого врага.

К вечеру, возвратясь, разъезды сказали, что это идет им же на помощь войско царя, набранное по горным заводам и из крестьян-хлебопашцев. Салават решил дождаться его.

Только утром другого дня показалось войско вдали на белизне снегов. Салават выехал навстречу начальнику.

Крепкий, рослый, широкоплечий атаман, ехавший впереди приближавшейся рати повстанцев, показался Салавату знакомым, но он не сразу признал в грозном военачальнике с широкой черной бородой, как сединой покрывшейся инеем, перепоясанной саблей, с ружьем за плечами и с бригадирским знаком на лихо заломленной мохнатой казацкой папахе, табынского кузнеца Ивана Степановича Кузнецова, с дочкой которого, черноглазой пылкой Оксаной, провел Салават любовную ночь...

Бригадир Кузнецов тоже не сразу узнал Салавата. Лишь повитавшись за руки и поглядев друг другу в глаза, оба они улыбнулись, как старые знакомцы.

— Здоров, господин Салават-полковник! — приветствовал табынский кузнец.

— Здоров, господин бригадир! Иван Степаныч, кажись...

— Верно вспомнил — Иван Степаныч! К тебе я, полковник, — сказал Кузнецов. — Государь указал мне тебе пособить. Ведь ныне я главный российских и азиатских войск предводитель.

Соединив отряды и не сходя с лошадей, они продолжали вместе поход под Кунгур, обмениваясь новостями и совещаясь о планах дальнейших действий.

Салавату не раз хотелось спросить Кузнецова об Оксане, но он не решался, а сам Кузнецов ни словом не помянул о дочери.

Была середина января. Стояли морозы...

Недалеко уже оставалось до Кунгура, когда в ле-

су разъезд, высланный Батыркаем, встретил отряд Кузнецова и Салавата.

— Не дело вам, атаманы, вести свое войско при белом дне. Ночи выждали бы в лесу, чтобы не знатко в Кунгуре было, что войско пришло. То бы мы, как зверя в берлоге, их там обложили, — сказал Петр Лохотин, встретивший их около полудня.

Только ночью без шума вошли воины в ближние деревеньки под самый Кунгур и стали в них по дворам, потеснив команды, стоявшие раньше, и не разбивая своих таборов.

Ярким морозным утром Салават с Кузнецовым и Батыркаем пустились под видом простых воинов осматривать крепость со всех сторон.

В противоположность Красноуфимской крепости и ряду мелких острожков, сдавшихся после взятия Красноуфимска, эта крепость — Кунгурская — не была обветшалой и разоренной прежними восстаниями: новые башни, новый крепкий острог, недавно возведенные новые высокие бастионы — все делало ее более грозной и неприступной, чем окружающие острожки.

Осаждающие войска не стояли в непосредственной близости от кунгурских стен. Мороз загнал их по соседним деревенькам вблизи дорог, ведущих из города, и гарнизон крепости то и дело производил вылазки. Когда Салават и Кузнецов были вблизи крепости, к ее стенам под военным конвоем как раз подходил обоз в полсотни возов, груженных хлебом и сеном: высланные из города фурьеры разжились продовольствием и фуражом и решили прорваться в город.

Наблюдая издали приближение обоза к крепости, Кузнецов и Салават с досадой подумали о том, что командиры осадных войск прозевали обоз, но Батыркай, бывший с ними, лишь рассмеялся, услышав такое предположение, и указал на лощину, где вдруг вдоль реки замелькали откуда-то взявшиеся башкирские

лыжники с луками и колчанами за плечами. Каждый из них в отдельности был похож на обычного лесного охотника, но собранные в отряд в три сотни человек они стали воинской силой.

Собирая по деревням людей в войско, Салават несколько раз встречался с тем, что бедняки-пастухи не могли выйти на царскую службу, потому что у них не было лошадей. Это он сам, Салават, собрал их в отряды лыжников. Первому из этих отрядов он сам поставил начальником и предводителем горного пастуха Сары-Байсара, дав ему чин поручика.

Лыжники Сары-Байсара в полку Батыркая, посланного первым под Кунгур, стяжали почет и славу бесстрашных бойцов.

В белых сермяжных шубах, привычные укрываться в снегах от зоркого зверя, они незаметно подкрадывались к врагу, внезапно обрушивались дождем метких стрел и, обнажив медвежьи ножи, смело мчались в смертельную рукопашную схватку... В быстроте они состязались с конницей, а там, где снег был глубоким, опережали коней, мчась как ветер...

Опытные дозорные и разведчики, быстроногие вестники, не знающие страха в рукопашном бою, они были незаменимы в зимнее время.

Лыжники давно уже выследили обоз, приближавшийся к крепости.

Перед самым городом лыжные дозорные обогнали обоз и предупредили о нем свой отряд, и вот по лощине вдоль Сылвы охотники выбежали на добычу.

Предводитель лыжников Сары-Байсар, заслонив рукой глаза, вглядывался в крепость, переводил узкие, раскосые глаза на обоз и снова на крепость, определяя расстояние и взвешивая собственные силы и время.

Обоз ехал в сопровождении драгунского взвода. Сары-Байсар колебался.

— Можно поспеть теперь, — как бы отвечая на его мысль, сказал за его спиной юркий, малорослый, похожий на мальчика воин. — Наши лыжи не хуже аргамаков и уж, конечно, быстрей этих кляч.

— Ружья у них, — опасливо заметил Сары-Байсар, почесывая скулу.

— Они из ружей будут мимо бить, а наши луки без обмана, — запальчиво возразил малыш. — Ты забыл, Сары-Байсар, мы привыкли бить зверя на бегу. Я ни разу еще не промахнулся ни по лосю, ни по козе, а в позапрошлом году мне случилось перегнать оленя, да так, что он, прыгнув, увяз в снегу от прыжка, а я перепрыгнул через него с обрыва и тут же его убил.

Воины, слушавшие разговор, захохотали.

— Вахабка всегда так: и бегает быстрее оленя, и летает выше орла, даром что ростом с лапоть.

— Чем разговаривать, мы бы уже захватили обоз, — неодобрительно обернулся ко всем маленький Вахаб.

— И захватим, — поддержали из толпы.

— Опоздали. Из крепости помощь выйдет, — возразил осторожный Сары-Байсар.

— Успеем, агай *, уйдем! — подбодрило несколько голосов.

— Ну, айда, коли так.

— Айда! — подхватили лыжники, и легкий ветерок, дувший им в спины, стал отставать.

Снег скрипел, лыжи свистели, люди ровно и часто дышали, выбрасывая палки. В обозе их заметили и, повернув задами возы, прикрывшись сеном и мешками хлеба, приготовились к бою.

На выстрел из лука лыжники остановились и спустили стрелы. Люди тотчас попрятались за сено. Не видно было, попала ли хоть одна стрела.

* А г а й — старший брат, дядя, а также обращение к старшему по возрасту мужчине.

В ответ им грянул ружейный залп.

— Алла! — крикнул Сары-Байсар, и снова заскрипели лыжи, и еще не успели драгуны приготовиться ко второму залпу, как лыжники были под возами сена.

Драгуны заняли еще полдесятка возов, превратив их в бастион, и, сверху прикрытые сами от стрел сеном, били по нападавшим. Лыжники под пулями бросились обрубать постромки.

Завязалась свалка с возчиками, обывателями городка; дрались просто кулаками, обрубленными оглоблями, топорами, и вдруг среди шума сражения, треска и грома выстрелов послышался крик драгун:

— Держись, братцы! Из крепости помощь!

Из крепости действительно вышел драгунский отряд на помощь обозу. Но вдруг с заднего воза поднялся столб пламени с дымом. Как живой, покатился по снежному полю пламенный ком, мечась между возами и зажигая их. Столб пламени поднимался уже от пятого или шестого воза с краю и дальше. По ряду возов помчался огненный живой зверь, дико визжа и зажигая новые возы. Испуганные, опаленные кони рванулись к крепости, неся под ее новые стены свой пылающий груз. Драгуны, залегшие на возах, в ужасе прыгали из огня и рассыпались по полю. Лошади под драгунским отрядом, выехавшим из крепости, дыбились, испуганные и смятые бешеным огненным поездом. Они шарахались в стороны с дороги и вязли в снегу. На дороге пешими оставались хозяева обозных лошадей, человек сорок. Их лыжники захватили в плен и погнали обратно к реке. Тех, кто не хотел идти, убивали, иных связывали и волочили за собой по снегу, как салазки.

Маленького охотника Вахаба везли двое товарищей. Это он, вместо того чтобы тянуть бесплодную перестрелку из лука, засел под задним возом и упорно высекал огонь, пока не зажег воз. Это он, как огненный

зверь, метался от воза к возу с охапками горящего сена. Несмотря на страшные ожоги, он одержал победу и лишил крепость продовольствия и фуража.

Одежда на нем была вся сожжена. Грудь обожжена, лицо в багровых волдырях, брови и ресницы исчезли, вместо них были красные пятна, окаймлявшие воспаленные узкие глазки; он стонал:

— Снегу!.. Пить!

Ему дали снегу.

— Улям... Хазер улям... * — простонал он. — Положите меня здесь... Умру...

Но его не положили. Его несли дальше.

— Сары-Байсар, — позвал умирающий.

Сары-Байсар наклонился к нему.

— Я ведь, правда, тогда перегнал оленя... — прошептал умирающий юный герой.

— Знаю... вижу... — ответил Сары-Байсар и подумал: «Верно, ты уже не перегонишь сегодняшнего заката».

Пленники рассказали, что гарнизон в крепости сильный, пушки новые, солдат много и, кроме гарнизона, все кожевники города вооружены и будут сражаться.

Ни Салават, ни Кузнецов не приуныли, услыхав это. Они не поверили пленникам, подумали, что те обманывают, и даже хотели было повесить их всех за обман, однако рассудили, что лучше привлекут горожан, если обойдутся с пленниками добром.

Их накормили, отвели для них две избы и оставили под охраной, кроме двоих, которым вручили пугачевские манифесты и пустили в город.

Вместе с бывшими ранее под Кунгуром силами пугачевцев их собралось тут теперь четыре тысячи воинов.

---

* Умираю... Сейчас умру...

Батыркай уже испытал сильные и слабые стороны крепости.

Объехав и осмотрев ее вместе, все начальники взялись готовить решительный приступ на кунгурские стены. Его готовили ночью.

В тишине подвезли и поставили пушки против крепостных батарей. Но только что их расположили, как крепость грянула пушечным залпом и несколько бомб ударилось возле самой артиллерийской площадки повстанцев. Пролетевшим ядром убило одного канонира.

В то же время послышались крики и стрельба с противоположной стороны — это начал приступ отряд Сары-Байсара.

Сары-Байсар мстил за умершего от ожогов маленького Вахаба.

— Пора, — сказал Салават, и фитили задымили, загрохотали удары пушек.

Пушки зарядили снова, когда часть отряда под командой Батыркая пошла на приступ. Почти одновременно выстрелы и крики послышались слева, где с пятью сотнями башкир были сотник Акжягет и Петр Лохотин.

— Зажигай! — крикнул Салават и тотчас вслед за новым залпом пушек вынул саблю и помчался впереди своего отряда.

И когда они уже спешивались, чтобы лезть на стены, в городе разгорелся пожар: одно из ядер, пущенных Салаватом, зажгло какую-то постройку в крепости, и яркое пламя плескало в небе, озаряя все кругом красным блеском. Этот-то свет и погубил приступ: крепостные канониры при нем вернее навели пушки, грянул короткий картечный залп, раненые лошади взвились на дыбы, закричали люди, кое-кто повернул назад. Из крепости вылетели драгуны. Салават увидел, что он остался один, повернул коня и поскакал за бегущими, чтобы удержать их от бегства.

Это были юнцы, в первый раз покинувшие родные деревни. Ранее они выезжали из родных аулов лишь на кочевья. Многие из них никогда не слыхали порохового выстрела. Удары пушек, заряженных картечью, ядра, гром ружейной пальбы привели в ужас коней и заставили дрогнуть сердца всадников...

Окрики Салавата остановили их. Пересилив свой ужас перед огненным боем, они удержали коней и кто с чем попало — с саблями, пиками, топорами, — остановясь перед стремительным напором драгун, снова вступили в бой. Но со стороны защитников крепости это был лишь хитрый маневр: завязавшийся бой преградил натоптанную, ровную дорогу на подходе к крепости и отрезал первую волну шедших на приступ людей от подкреплений, которые, поспешая под крепостные стены, теперь тонули в сугробах.

Защитники крепости расправлялись с теми немногочисленными повстанцами, которые успели прорваться под ее стены. Они обливали их кипятком и растопленною смолой, сбрасывали им на головы камни и били в упор из ружей, пока не отступили и не начали отходить, обессиленные потерями.

Казаки атамана Михайлы Мальцева рванулись к крепости в обход дороги, по целине, завязли в сугробах, бросили в снегу лошадей и пустились пешком, но и пешком было трудно одолевать снежную целину и наметенные сугробы. Казаки тонули по грудь и по пояс в снегу, и тут-то удар за ударом стали их бить картечные выстрелы с крепости...

После упорной схватки отряд Салавата стал теснить драгун к городу. Разгоряченные битвой юнцы с победными криками стремились за ними.

Как раз в это время должен был из резерва подойти на помощь штурмующим Кузнецов. Салават оглянулся и увидал бурно мчавшихся конников, вот они почти подошли вплотную... и вдруг... залп за зал-

пом ружейными выстрелами конница начала осыпать башкир. Защитники крепости, ободренные помощью, еще ожесточеннее сбрасывали камни на головы идущих на приступ пугачевцев. В тылу Салавата вместо Кузнецова оказался отряд драгун, которые перехитрили повстанцев, выехав через северные ворота.

По дороге они захватили обоз Кузнецова, а часть их, завязав перестрелку с Кузнецовым из леса, отвлекла его главные силы.

Сары-Байсар, также отбитый от стен крепости, со своими лыжниками мчался на помощь Салавату.

Поредевший отряд Салавата бился из последних сил, сжатый с двух сторон городской вылазкой.

Сам Салават криком бодрил товарищей, поспевая везде, где люди падали духом, где враг начинал осиливать. Вдруг Салават выронил саблю, пошатнулся и, бросив поводья, пополз с седла.

Толстый, грузный всадник, все время как тень следовавший за Салаватом, подхватил его и перекинул, уже бесчувственного, к себе на седло. Схватив его коня под уздцы, отбиваясь ударами топора от драгун, он промчался сквозь их цепь. Драгуны погнались за ним, окружили, но в это время подоспели лыжники Сары-Байсара. Они подкатывались под самые ноги драгунских коней, хватались за холки, за стремена, за луки, короткими ножами сбивали с седла всадников и, превратившись в конников, топтали повергнутого врага. Они защищали Кинзю с безжизненным Салаватом на седле, но не могли уже сдержать бегства башкир, лишенных своего командира.

Еще один штурм был отбит.

* * *

Раненого Салавата бригадир Кузнецов, как старший чином, велел отвезти на родину для лечения.

В сопровождении сотни башкир везли его к родному аулу. За эти месяцы, что он провел, не сходя с седла, в битвах, Салават много передумал. Даже обычная спутница в прежнее время — песня — реже навещала его; она любила тишину и задумчивость, а где было взять теперь тишины, когда каждый шаг надо обдумывать, когда каждый миг надо ожидать выстрела не в лоб, так в спину?

Лежа в санях, на подушках, Салават думал теперь не о нападении или защите, не о сегодняшней неудаче. Он думал о всем большом деле, которое начал. Надо было неустанно раздувать пламя. Надо было всюду поспеть, подхватить каждую искру и разжечь ею горы и степи. Теперь, когда народ решился восстать, когда сотни русских, башкирских, татарских селений восстали, нельзя уже было терять времени, нельзя бездействовать, чтобы не ослаб жар, — и как раз в это время Салават выбыл из строя...

— Кинзя, сколько дней я лежу? — спросил Салават.

— Пятый день, агакай *, — ответил Кинзя. — Лежи, лежи, не подымай головы...

— Чудак ты! Как же лежать?! Ты считай: если каждый день подымать по одной деревне, и то было бы пять деревень. Айе-ме?

— Верно, — нехотя пробурчал Кинзя.

— Ну, так вот, а я тут лежу... А ты, как баба, возле меня ходишь, башкиры спят... и огонь войны так потухнет... Раздувай огонь!..

— Тише ты, Салават, — уговаривал его друг. — Народ ведь и сам не отступится, что ты! Народ сам горит, а ты береги свои силы...

— Раздувай огонь! — не слушая, выкрикнул Салават и внезапно запел:

---

* Агакай — ласкательное от агай — дядя.

Люди, надуйте волосатые щеки,
Помогайте дуть холодному ветру.
Пусть пляшет по крышам боярским
Красный огонь, молодой огонь...
Пусть от натуги лопнет мясо,
Мясо и кожа ваших щек.
Зато жарче огонь войны
Будет жечь наших врагов...

— Тише, Салават-агай, тише! — умолял его толстяк. — Тебе снова будет хуже, ляг на подушку.

— Молчи! — огрызнулся на него Салават. — Еще ты, мешок, учить меня будешь?! Вот твоя подушка. — И одним движением ножа Салават распорол подушку, широко размахнул перину и выпустил пух. — Вот твоя подушка, вот твоя перина, вот твой покой!.. Седло мне!

Старый друг уговаривал Салавата, как ребенка, но тот не подчинялся и кричал, требуя седло. Кинзя уступил. Салавату подвели оседланного жеребца. Когда он садился в седло, рот его перекосился от боли.

— Вот видишь! — укоризненно сказал толстяк.

— Это ты видишь, а я не вижу. Оно и лучше, что не вижу, а то бы, верно, пожалел себя, как ты или как последняя баба.

Кинзя промолчал. Салават ехал с ним рядом. Он побледнел он боли. Каждый толчок отдавался в ране.

Они въехали в деревню, и улица мгновенно опустела. Жители боялись, что проезжие воины будут грабить. Отряд остановился возле мечети. Салават не сходил с седла, несмотря на уговоры друзей.

Прошло много времени, прежде чем собрали народ. Аульный старшина вышел вперед.

— Что вы за люди? Чего хотите? — спросил он важно.

— Мы пришли звать всех жягетов на войну. Кто не с нами, тот баба. Дом того должен быть предан огню, сам он должен погибнуть!.. Кто не с нами, тот

не мужчина!.. Кто не с нами, тот не башкирин!.. Горит война! — отвечал Салават, с каждым громким словом бледнея и становясь слабей. Рана мучила его. — Я полковник царя. Царь зовет против бояр... Вот, раненный в битве, я приехал звать вас...

И, побелев от слабости, Салават, вместо того чтобы говорить дальше, запел:

Что обещал Пугач-царь?
Что обещал казак-царь?
Он обещал реки и степи,
Он башкирам обещал возвратить лес,
Он даст порох и свинец,
Он пожаловал вольную волю.
Вот что обещал могучий казак-царь.
Поднимайтесь все на войну!
Пусть льется кровь до последней капли.
Пусть откроются раны —
Их исцелит вольная воля.
Кто мужчина, тот не боится раны,
Тот не боится самого меча Азраила. *

Салават покачнулся в седле, белый как снег. Сары-Байсар подхватил его, бесчувственного.

— На войну! — закричал в один голос народ.

Мулла, стоявший на крыльце своего дома как раз против мечети, громко сказал:

— Альхасл **, жягеты! Вот человек, сказавший, что он не боится меча Азраила. Аллах тотчас поразил его. Глядите, правоверные... Жягани, масалян ***. Он хотел идти против аллаха. Несчастный карак ****, дерзнувший против Азраила! Безумные, не идите за ним!

— Он ранен,— крикнул в ответ Кинзя.— Надутый верблюд, он ранен — ты понимаешь? — И старый

---

* Азраил (арабск.) — ангел смерти.
** Альхасл (арабск.) — таким образом.
*** Жягани, масалян — то есть, например.
**** Карак — вор.

друг, поддерживая Салавата в седле, освободил его ногу из стремени.

— Кем же, кроме аллаха, ранен он? — спросил, усмехнувшись, мулла. — Вот чудо! Вот чудо перед вами! Альхасл, жягеты, невидимая стрела сразила разбойника и богохульца. Он умер, сказав неправедное слово! — Мулла неистовствовал от ликования.

— Он не умер,— громче крикнул, краснея от злости, толстяк. — Ты, старый болван, толстый «масалян», тупая свинья, слышишь ты, я вот тебя угощу свинцом, если не замолчишь! — Кинзя вынул из-за пояса Салавата пистолет и поднял его. Мулла скрылся в своем доме.

— Полковник ранен, — сказал Кинзя, обращаясь к народу. — Отведите ему дом. Это храбрый воин. Он взял пять крепостей, а теперь ранен, но, как настоящий воин, не хочет лежать и не сходит с седла.

Бесчувственного Салавата подхватили десяток рук, но он в это же мгновенье очнулся.

— Пустите меня, я сам пойду, — сказал он. — Акжягет, пиши список, кто идет с нами.

Акжягет кивнул головой.

— Хорошо, агай, иди, ляг... Я напишу список, а тебе нужен отдых.

Салавата внесли в избу и уложили на постель. Рана его, только что закрывшаяся, побагровела, вздулась и снова готова была открыться.

В соседней избе Акжягет писал список добровольцев. Взволнованные песней Салавата не меньше, чем в других местах словами воззваний и манифестов, юноши почти поголовно уходили с отрядом, и старики одобряли их.

Сто двадцать имен этого села были вписаны в список Акжягета.

1929, 1941, 1953 гг.

В. Шишков

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ

(Отрывки)

Фрейман направился через Белорецкий завод к Верхне-Яицкой крепости, полагая найти там Пугачева. Где находятся отряды Декалонга и Михельсона, Фрейман не знал, лазутчики давали ему ложные, сбивчивые сведения, он шел вслепую.

Тем временем выступившему из Уфы Михельсону предстояли в пути большие затруднения. Для переправ через разлившиеся реки ему пришлось делать паромы, строить снесенные водой мосты. Согнанные из деревень крестьяне, проработав день, ночью убегали. Возле деревни Юрал Михельсон наткнулся на полуторатысячную толпу башкирцев под водительством Салавата. Башкирцы были расположены несколькими отдельными кучками. Михельсон приказал майорам Харину и Тютчеву атаковать их левый фланг, а сам устремился против правого фланга. О происшедшем бое Михельсон доносил:

«Мы нашли такое сопротивление, какого не ожидали. Злодеи, не уважая нашу атаку, прямо пошли навстречу. Однако помощью божиею, по немалом от них сопротивлении, они были обращены в бег».

Куда же идти Михельсону дальше? По сведениям, которые никак нельзя было проверить, Пугачев покинул Белорецкий завод и направился к Магнитной крепости, Белобородов ушел с Саткинского завода в неизвестном направлении, в окрестностях Симского завода бродят толпы башкирцев со старшиной Аникой,— они шли на помощь Салавату, но опоздали. Михельсон разбил Анику с его толпой, привел эту местность в повиновение и двинулся к Катавскому заводу, окруженному мятежниками. Он их опрокинул и рассеял, атамана Сидора Башина в «страх другим» повесил, а многочисленных пленных распустил по домам, обещая полное помилование всякому, кто явится к нему с повинной.

* * *

Многие сотни башкирцев, как по уговору, вскочили в седла:

— Веди нас к бачке-осударю!.. Вот ужо Салават-батыр придет, вот ужо-ужо Юлай придет! Постоим за бачку-осударя! Стрелы наши метки, кони, как ветер, быстры. Степь застонет от их топота и супротивники будут раздавлены, как ползучие гады...

И уже не слушали Григория Туманова, только вопили:

— Веди!

Так было во многих скрытых местах, во многих селениях. И вскоре почти вся Башкирия, раздраженная жестокостями разных Ступишиных с Фоками, потянулась к Емельяну Иванычу. Так тянется к теплому солнцу освобожденная от ледяного холода весенняя степь...

* * *

25 мая возле Златоустовского завода Михельсону донесли, что недавно приезжала на завод сотня яицких казаков-пугачевцев набирать ополчение и что оные казаки объявили: государь с двухтысячным войском идет-де на Саткинский завод, где его ждет с башкирцами походный полковник Салават Юлаев.

Михельсон тотчас двинулся на Саткинский завод. Ранним утром 27 мая, как только его отряд появился под заводом, огромные толпы башкирцев, сев на конь, хлынули наутек.

Через захваченные «языки» вскоре выяснилось: башкирцы, отступив от Саткинского завода, вновь сгрудились, и Салават Юлаев повел тысячную толпу башкирской конницы на Симский завод.

Двадцатидвухлетний Салават, бронзовый, скуластый, краснощекий, с горящими задором глазами, в цветном полосатом халате, на голове зеленый тюрбан. Он молодецки сидел в серебряном с бирюзой седле на быстрой степной кобылке. Башкирское население чтило своего героя: в селениях, через которые шли толпы башкирцев, Салавата встречали шумными кликами, выносили в турсуках кумыс, мед, бишбармак, крут, салму, падали ниц.

— Встаньте! — приказывал Салават, кланяясь народу. — Бачка третий государь Петр Федорыч под Троицкой крепостью побил наших врагов. Все войско сибирское полегло, как цвет-ковыль под копытами степного табуна. Немчин Михелька уж вот сколь хитрый, прямо шайтан, — а и его бачка-государь смял. Немчин едва ноги уволок. Кто поймает Михельку, тому жалую триста рублев. Пусть об этом знают все родичи наши: усергане, донгаурцы, бурзяне и помогают нам святое дело делать...

— Ой, ой, это больно славно! Велик аллах и Магомет, пророк его! — радостно ответствовали ему со всех сторон старики и женщины, но тут же лица их омрачились.— Салават, Салават! Много мы терпим напастей всяких от русских солдат и от своих терпим. Коней у нас поубивалось, коров да овец поубивалось, сыновья наши бросили нас, на войну сбежали. А травы по колено стоят, а хлеба колос наливают, кто работать будет? Некому. А солдаты скот режут, юрты жгут, непокорных вешают! Скоро ли проклятой усобице конец?.. Пожалей нас, Салават, ты умный, ты сильный!

Бритые бронзовые черепа стариков лоснились на солнце, у женщин головы в накинутых цветистых платках, на груди обшитая монетами, унизанная бисером «сакома».

Салават повел строгим глазом по толпе.

— Не слышать бы мне ваших речей, старики и женщины, не видеть бы вас! — громко сказал он, оглаживая серебряные с золотыми насечками ножны изогнутой своей сабли. — Разве забыли времена славного батыра нашего Батырши? Ведь только два десятка лет прошло. Большие годы бился наш народ за свои земли, за вольности свои. И таких речей, как ваши, тогда Батырша не слыхал.

— Шесть годов дрались мы тогда с неверными, правду говоришь! — закричали в ответ старики.— Почитай, двадцать тысяч казней было, всю землю кровью своей полил наш народ, а что получили взамен? Подумай, Салават, ежели аллах не отнял у тебя весь разум...

— Ха! Что получили, что получили! — заерзал в седле Салават и натянул поводья: застоявшаяся кобылка его начала выплясывать. — При Батырше мы шли один на один против притеснителей, и они нас побили, а ныне с нами такие же, как и мы, обиженные

русские. Их сила неисчислима. И вот заодно с ними правду мы ищем. И найдем!..

Старики, вздохнув, надели тюбетейки. Молодые девушки и подростки, загораясь волнением, улыбчиво подталкивали друг дружку локтями, не спускали с Салавата глаз. «И найдем, и найдем, Салават! Мы с тобой, Салават Юлаев, все, как один!» — хотелось крикнуть им молодому витязю.

Восемнадцатилетняя женщина, вдова старшины, убитого в схватке под Уфой, порывалась кинуться Салавату в ноги, обнять его, сказать ему громким, во всю грудь, голосом: «Салават! Возьми меня в жены, люблю тебя. Дай мне кривой нож, плечо в плечо с тобой брошусь на врагов наших...» Но она безмолвствовала, она лишь обнажала в печальной улыбке свежие зубы, а в черных глазах ее, в грустно приподнятых бровях сквозило горе, мучительное одиночество. На голове ее соболья высокая, с серебром, калябаш-кашмау с изогнутым наподобие каски верхом. На запястьях золотой блязек *, в маленьких ушах серебряные, с самоцветными камнями — алки **, в двух черных тугих косах — звонкая нанизь империалов. Сердце Салавата сладко замерло. Салават улыбнулся про себя, подумал: «Какая же ты красавица... У меня две жены, двое детей, но если б не война, тотчас же взял бы тебя третьей». И уж было с неохотой тронул он коня, чтоб ехать дальше, как бросилась из толпы к Салавату простоволосая, лет десяти, девчоночка. Косолапо загребая пыль и быстро помахивая левой, согнутой в локте, тоненькой рукой, она пересекла пространство и, привстав на цыпочки, подала Салавату берестяной туесок, наполненный спелой земляникой:

---

* Блязек — браслет

** Алка — серьги, сережки

— На, батыр! — сказала она и — бегом прочь в толпу.

И не успел Салават рта разинуть, чтобы поблагодарить за подарок, как к нему со всех сторон кинулась черноголовая детвора. Отстраняя друг дружку, малайки и апайки совали смущенному Салавату кто горстку ягод, кто пучок зеленого лука, кто цветы или кусочек сотового меду на листе лопуха.

— На, Салават!.. Поешь, Салават!.. Понюхай, Салават!.. — звенели детские голоса, как беззаботный щебет птиц.

Толпа улыбалась, причмокивала языками, хвалила детей: «Якши, якши, якши». А какой-то древний старик загнул подол длинной рубахи, поднес к лицу и, всхлипнув, принялся утирать слезы.

Благодарно улыбаясь детям, Салават подал знак седобородому всаднику принять дары, кивнул толпе, сдвинул брови, поднял голову и двинулся в путь, за ним вся свита. Толпа закричала: «Прощай, батыр наш, прощай!» Старики махали тюбетейками, женщины плакали.

Ребятишки, сопровождаемые собачонками, долго еще бежали за всадниками.

Салават то и дело оглядывался на провожавшую его толпу. По дороге и лугам тянулись конные башкирцы, иногда на одной лошаденке по два, по три, иные ехали одвуконь, ведя запасного в поводу. В беспоясных рубахах, в бешметах * из верблюжины, в разноцветных жилянах **, похожих на халат, на бритых головах сверх тюбетейки — остроконечный войлочный тельпек, за плечами колчан со стрелами, лук, редко-редко самопал, у многих тесаки, кривые ножи, пики,

---

* Бешмет — верхняя мужская зимняя одежда.

** Жилян — верхняя легкая одежда в виде халата без воротничка, приталенная.

тяжелые безмены, вокруг сиденья — спущенные с плеч овчинные тулупы. Кто в лаптях, кто в сафьяновых или суконных сапогах с загнутыми носами. Пеших мало, огромный обоз скрипучих двуколок с поклажей и с народом, две чугунные пушки, но ни пороху, ни ядер. Толпа оживлена, воздух звенит хохотом, слышатся выкрики, взвивается под свирельную дудку песня то веселая, то грустная. Молодежь взад-вперед носится на скакунах вперегонки: «аля-аля-аля». Всюду раскатистый смех, визг, посвисты, гиканье, дружеская, с перцем, перебранка и — снова хохот.

Тысячная толпа растянулась версты на две, было жарко, пыль клубилась от земли до неба, пахло лошадиным потом, свежевырезанным медом, кумысом в турсуках, дегтем. Со всех сторон подъезжали на взмыленных конях группы новых всадников. Поприветствовав Салавата прикладыванием правой ладони ко лбу, к сердцу, переговорив с ним, отъезжали, смешивались с толпой. И снова начинались разговоры без конца, спросы да расспросы, смех да крики.

Вот на трех верстах две разрушенные русские деревни, все выжжено, все сравнено с землей.

— Эта земля издревле нашего рода, моего деда, моего отца Юлая и моя, — говорил Салават, кивая головой направо-налево. — Большие земли у нас были, а лет двадцать тому отобрало начальство, отдало наши природные угодья купцам Твердышеву да Мясникову. Я весной был здесь с батькой, обе деревни разрушил, мужиков, кои передались мне, отослал к государю в стан. Нынче пришел черед Симскому заводу. Все попалю огнем!

— Э-э, — поддакивали башкирцы.

— О, если б мне достать тех двух купцов-заводчиков, привязал бы их за ноги к лошадиному хвосту, целый день волочил бы их по степи нешибкой рысью,

чтоб не сразу сдохли... — и Салават, шумно дыша, заскрежетал зубами.

— Не в этом дело, дружок, — возразил седобородый Илчигул. — Двоих смерти предашь, десять новых на твою землю сядут. А надо права наши кровью утвердить... э!

— Ты верно, Илчигул, сказал. Пусть будет имя твое свято, — в раздумьи молвил Салават. Вдруг вскинул голову, схватил за руку пониже плеча ехавшего с ним рядом Илчигула, со всех сил встряхнул старика, сам затрясся, закричал на весь народ:

— Всю землю огнем пройду!.. Все пожгу! Всех посеку, в полон изловлю! На срубленных башках врагов моих степные птицы будут вить гнезда, на щеках их станут размножаться мухи и комары!

Илчигул взглянул в освирепевшее лицо его, изумленно разинул рот, козлиная борода отвисла.

— Успокой свое сердце, Салават, — тихо сказал он. — Башке верь, сердце — тьфу... э!

Салават опять задумался, поник головой, завздыхал шумно. Долго ехали молча. И вдруг в мыслях Салавата мелькнул образ той женщины в богатом наряде, что так ласково улыбалась ему. Какая красавица! И как звать ее, кто она, что с ней сейчас? Не сидит ли возле озера с крутыми берегами, не думает ли думу? Не складывает ли «баит» * о нем, о храбром Салавате? Эх, если б не такое время, он, прославленный певец степей, сам сложил бы про нее песню!..

Да, она складывала песню и тихим вздрагивающим голосом напевала:

Пою я не от охоты,
А от множества дум и от горя...

---

* Баит — поэтическое произведение, повествующее о каком-либо значительном событии.

Как только скрылся от взора Салават, она подобрала шитый бисером безрукавый зюлень-платье и, быстро перебирая стройными ногами в ярко-красных широких шароварах, побежала через ельник, через поляны к озеру. Села на крутой зеленый берег и задумалась.

Наслаждений, удачи нет и тени,
А тоски много в этом безжалостном свете... —

вновь швырнула Шаккур над степью и над озером запавшую в ее сердце жалобу.

По ту сторону плескучего озера расстилалась степь. Далеко-далеко на горизонте, докуда глаз хватал, в стороне от проезжей дороги клубились бесчисленные дымки летних кочевий-кошей. Туда удалились старики, женщины и дети и еще те из башкирцев, которые не желали пристать ни к Салавату с Кинзей *, ни к Каравату с Крюкаем, ни к прочим башкирским старшинам-воителям.

Молодая Шаккур подносит к пунцовым губам тростниковую свирель и, перебирая тонкими пальцами, начинает высвистывать что-то тоскливое. Свирель стонет над простором, как живая, свирель горько оплакивает несбывшиеся мечты Шаккур и навеки утраченную радость. Прощай, милый муж, убит ты русской пулей, прощай и ты, Салават-батыр, умчавшийся в неминуемую погибель, в смерть. От тоскующих звуков свирели зарождаются мрачные мысли, из мыслей растут слова песни. И вот, положив свирель к ногам и скрестив руки на груди, Шаккур начинает:

Ах, буран, буран, ветер свирепый.
Времена тяжелы, сердце одиноко,
В молодое время беги шибко,
Подобно промчавшемуся по степи оленю.

---

* Канзафар Усаев. (Так у автора. Вероятно, описка Кинзя Арсланов и Канзафар Усаев — пугачевские полководцы).

Дымки клубятся, солнце село. Вот и вечерняя звезда зажглась, даль призакрылась сизо-молочною завесой, на западе погасла желтая, с прозеленью, с алым отблеском заря.

Молодая Шаккур быстро поднялась, с хрустом переломила через колено свирель, забросила ее в озеро.

Беги, беги скорей, конь чубарый,
Неси, неси меня к Салавату!

Шаккур всплеснула руками и заплакала. И раздался тут отчаянный голос:

— Шаккур, Ша-а-акку-ур! Эге-ге-ей...

Это старая мать кличет единственную дочь свою: уже лег на землю поздний вечер, и месяц стал серебрить ковыли степей, а в степях рыщут волки, а в степях вот-вот схватит Шаккур злой дух-шайтан.

* * *

Негодуя на бездеятельность сибирского корпуса генерала Декалонга и не имея сведений о действиях отряда князя Голицына, подполковник Михельсон все-таки решил со своим малочисленным отрядом двинуться на Красноуфимск для преследования толп Салавата Юлаева.

30 мая он пошел к Симскому чугуноплавильному заводу, что в живописной котловине среди лесистых гор.

Ненавистный Салавату этот завод вместе с поселком весь был разрушен, разграблен, выжжен, и около сотни жителей умерщвлено.

Михельсон увидел зарево и поспешил на пепелище. Однако переправа через реку Ай была уничтожена, паромы сломаны, лодки угнаны, а крутые горы за рекой заняты толпами Салавата.

31 мая на рассвете Михельсон выставил вдоль берега все орудия и под прикрытием их огня перепра-

вил свой отряд. После короткого боя башкирцы рассеялись, сто пятьдесят из них убито, в плен попало трое, четвертый русский. Где находился сам Пугачев, пленные не знали. Крестьянин был повешен, башкирцы оделены деньгами, продуктами и пущены на свободу.

— Идите по домам, — сказал им Михельсон, — толкуйте своим, чтоб сидели смирно, чтоб не слушались разных врак злодея Пугачева Емельки.

3 июня ранним утром возле деревни Киги Михельсон внезапно был атакован двухтысячным войском Пугачева. В первую минуту Михельсон растерялся:

— И откуда в такое короткое время спроворил злодей набрать столько сволочи? Да, поистине зверь сей неистребим.

Замешательство унялось. Загремели пушки. Поражая пугачевцев огнем, Михельсон бросил силы в контратаку. Вскоре враг был сломлен, бежал. Кавалерия преследовала отступавших. Михельсон с двумя адъютантами ехал рысью позади кавалерии. Отдалясь от обоза версты на две, он остановил коня.

— Глядите... Что это? Башкирцы, никак... — и Михельсон вскинул к глазу зрительную трубку. — Ну да, они!

Отряды башкирской конницы, скатываясь с гор, выскакивая из ущелий, мчались на поддержку отступавших.

— Слышь, дружок, — подъехал Михельсон к майору Харину. — А двинь-ка ты в эту нечисть картечью.

Тут подскакал к Михельсону на взмыленной лошади казак: глаза выпучены, весь он потный.

— Вашескородие!.. Так что сам Пугачев!.. С тыла!.. Обоз атаковал!.. — заикаясь, прокричал он, как в лесу.

Положение Михельсона было не из легких. В эту опасную минуту его боевая натура вмиг преобразилась. В голове молниеносно созрел весь план предстоящего сражения.

Приказав Харину удерживать с частью отряда наступление башкирцев, Михельсон с кавалерией и остальной пехотой бросился к атакованному неприятелем обозу. Визг стрел встретил скачущих михельсоновских всадников. Трое свалились с седел.

— Изюмцы! Сабли вон! — закричал Михельсон, опережая кавалерию. — Казаки, не подгадь!.. По полдюжинке на пику, братцы!

Изюмцы и казаки на всем скаку взяли рассыпным строем неприятеля в обхват. Но Перфильев с яицкими казаками и Салават Юлаев с башкирцами, не страшась смерти, всюду поспевали, поощряя своих боевым кличем и личным примером храбрости.

Пугачев с сотней яицких казаков стоял чуть поодаль, наблюдая разгоравшуюся сечу. В моменты успеха он привставал в стременах, пронзительно кричал:

— Детушки! Вали, вали, вали!.. Так их!

То вдруг бросался с казаками в то место, где враг одолевал.

— Детушки!.. Грудью, грудью!.. Спину береги, детушки! — и вновь, выбравшись из схватки, вихрем скакал вдоль фронта, останавливая бросавших оружие и бежавших, вдохновляя колеблющихся, разжигая победителей.

Всеобщая резня и суматоха длится час и два. По степи, скрываясь в перелеске, уже удирают пешие мужики, мчатся конные башкирцы. Опять загрохотали смолкшие было пушки. Вонючий дым, лязг металла, неистовые крики. Вот пан Врублевский с высоко поднятой саблей, с ножом в зубах, сильно подавшись кор-

пусом вперед, скачет к кучке башкир, отбивавшихся вместе с Салаватом от изюмцев.

— Алла!.. Алла! — поражая врагов своих, дико визжат башкирцы.

Салават с силой рубит направо и налево. Его халат изодран, рухаба окровавлена. Он круто повертывает коня и с гиком налетает на Врублевского. Их сабли, скрещиваясь, звякая, сверкают в воздухе лишь несколько мгновений. Враги вцепились один в другого руками, и с резким воем оба брякнулись с коней на землю. Через момент пан Врублевский был поднят на пиках, он извивался в воздухе, как на остроге налим.

— Детушки! — вопил Пугачев. — А ну, за мной!.. Кажись, Салаватку прикончили.

Он вытянул черного коня нагайкой и вместе с казаками ринулся вперед...

1945

П. Бажов

СТАРЫХ ГОР ПОДАРЕНЬЕ

(Отрывок)

Сперва в том сказе о Салавате говорится, что за человек был. Только по нашим местам об этом рассказывать нет надобности, потому как про такое все знают. Тот самый Салават, который у башкир на самой большой славе из всех старинных вожаков, при Пугачеве большую силу имел. Прямо сказать, правая рука. По письменности, сказывают, Салавата казнили царицыны прислужники, только башкиры этому не верят. Говорят, что Салават на Таганай ушел, а оттуда на луну перебрался. Так вот с этим Салаватом такой случай вышел.

Едет он раз близко здешних мест со своим войском. Дорога по ложку пришлась. Место узкое. Больше четырех конников в ряд не войдет. Салават по своему обычаю впереди. Вдруг на повороте выскочил вершник. В башкирских ичигах, в бешмете, а шапка русская — с высоким бараньим околышем, с суконным верхом. И обличьем этот человек на русскую стать — с кудрявой бородой широкого окладу. В немолодых годах: седины в бороде много. Конек под ним соло-

венький, не больно велик, да самых высоких статей: глаз горячий, навес, то есть грива, челка и хвост — загляденье, а ножки подсушены, струнко́й. Тронь такого, мелькнет — и не увидишь.

Башкиры — конники врожденные. При встрече сперва лошадь оглядят, потом на человека посмотрят. Все, кому видно было, и уставились на этого конька, и Салават тоже. Никто не подумал, откуда вершник появился и нет ли тут чего остерегаться. У каждого одно на уме: такого бы конька залучить. Иные за арканы взялись. Не обернется ли дело так, чтоб захватом добыть. Все смотрят на Салавата, что он скажет, а тот и сам на конька загляделся. Под Салаватом, конечно, конь добрый был. Богатырский вороной жеребец, а соловенький все-таки еще краше показался. Закричал Салават:

— Эй, бабай *, давай коням мену делать.

Вершник посмотрел этак усмешливо и говорит:

— Нет, батыр Салават, не за тем к тебе я прислан. Подаренье старых гор привез. Шашку.

Салават удивился:

— На что мне шашка, когда у меня надежная сабля есть. Вот гляди.

Выхватил саблю из ножен и показывает. Сабля, и точно, редкостного булату и богато украшена. На крыже и головке дорогие камни, а по всей полосе золотая насечка кудрявого узора. Ножны так и сверкают золотом да дорогими каменьями.

— Лучше не найдешь! — похвалился Салават. — Сам батька государь пожаловал. Ни за что с ней не расстанусь!

Вершник опять усмехнулся:

— Давно ли ты, батыр, считал своего вороного первым конем, а теперь говоришь мне: давай меняться.

---

* Б а б а й — старик; дед, дедушка.

Как бы и с шашкой того не случилось. Батька Омельян, конечно, большой человек, и сабля его дорого стоит, а все-таки не равняться ей с подареньем старых гор. Принимай!

Подъехал к Салавату, снял по русскому обычаю шапку, а с коня не слез и подает шашку. Пошире она сабли, с пологим выгибом, в гладких ножнах. На них узор серебряный заподлицо вделан, как спрятан. Казового будто ничего нет, а тянет к себе шашка. Сунул Салават свою саблю в ножны, принял шашку и чует — не легонькая, как раз по руке. Вытащил из ножен — обомлел: там в полосе молнии сбились, вот-вот разлетятся. Махнул — молнии посыпались, а шашка целехонька.

— А ну, на крепость! — кричит Салават. Подлетел к большой сосне, а они ведь у нас, сами знаете, какие по горам растут. Как камень, в воде тонут. Рубнул Салават с налету во всю силу и думает, — посмотрю, какую зарубку оставит, если не переломится. Шашка прошла сосну, как прутик какой. Повалилась сосна, чуть Салавата с конем не пришибла. Вершник приезжий тогда и спрашивает:

— Разумеешь, батыр Салават?

— Разумею, — отвечает. — Другой такой шашки на свете быть не может. Из своих рук ни в жизнь не выпущу!

— Не торопись со словами, Салават, — ответил приезжий, — сперва наказ выслушай!

— Какой еще наказ! — загорячился Салават. — Сказал — не выпущу из своих рук, пока жив! Тут и наказ весь!

— Этого, — отвечает, — и я тебе желаю, да не в моих силах то сделать. Шашка, сам видишь, не простая. По-доброму-то ее надо бы батьке Омельяну, как первому вожаку, да жил он всякова-то: в его руках шашка силу потеряет. Ты молодой, корыстью тебя ни-

кто не укорил, тебе и послали, но в малый дар. Знаешь, как при русских свадьбах бывает. На посыл жениха невеста со сватом посылает сперва малый дар. Он, может, и самый дорогой, да посылается не навовсе, а вроде как для проверки. Невеста вольна во всякое время взять малый дар обратно. Так ты и знай! Будет эта шашка твоей, пока ничем худым и корыстным себя не запятнал. Если в том удержишься, тебе эту шашку, может, и в большой дар отдадут, навсегда то есть.

— А как это узнать? — спрашивает Салават.

— Об этом не беспокойся. Явственно будет показано, а как — того не ведаю.

На Салавата тут раздумье нашло:

— Что будет, если со мной ошибка случится?

— Шашка силу потеряет и на весь твой народ беду приведет, если не вернешь шашку в гору.

— Как тебя найти? — спрашивает Салават.

— Меня больше не увидишь, а должен ты найти девицу, чтоб она жизни своей не пожалела, в гору с шашкой пошла. Там шашка опять свою силу получит, и снова ее вынесут из горы. Не знаю только, когда это будет и кому шашка достанется.

Выслушал Салават и говорит:

— Понял, бабай, твое слово. Постараюсь не ослабить силу шашки, а случится беда, выполню второй твой наказ. Одно скажи, можно ли с шашкой послать в гору свою жену?

— Это, — отвечает, — можно, лишь бы по доброй воле пошла.

Салават обнадежил:

— В том не сомневайся! Любая из моих жен с радостью пойдет, коли надобность случится.

Вершник еще напомнил:

— Коли на себя потянешь, потеряет шашка силу, а если будешь заботиться о всем народе, без различья

роду-племени, родных-знакомых, никто против тебя не устоит в бою.

На том и кончили разговор. Тут приезжий посмотрел на арканников, кои с его коня глаз не сводили, усмехнулся и говорит:

— Ну, что ж, играть так играть! За тем вон выступом еланка откроется, там и сделаем байгу *. Кто заарканит моего Соловка, тот и владей им без помехи. Не удастся заарканить, тоже польза: в головах посветлеет.

Все, кто арканы наготовил, рады-радехоньки: почему счастья не попытать. Живо вперед вылетели. Отъехали немножко, там, верно, в горах широкая еланка открылась. Вершник подался шагов на десяток вперед, поставил коня поперек дороги, показал рукой на гору и говорит:

— Туда скакать буду, а уговор такой: рукой махну — ловите!

Кто со стороны на это глядел, те дивятся, почему мало забегу взял, зачем коня поперек дороги поставил, как нарочно подогнал, чтоб заарканить легче было. В арканниках-то один мастер этого дела считался. Мужичина здоровенный, и лошадка у него как придумана для такой штуки: на долгий гон терпелива и на крутую наддачу способная. Все и думают: непременно Фаглазам конька заарканит. Тут вершник сказал своему Соловку тихое слово, махнул рукой, и на глазах у всех марево пролетело. Стали потом искать, куда вершник подевался. Доехали до того камня, на какой он указывал, и видят: на синем камне золотыми искриночками обозначено, будто тут вершник на коне проехал. На арканников накинулись, как они посмели затеять охоту на такого посланца. Самого Салавата ок-

---

* Байга — бега, гонки, скачки.

ружили, давай спрашивать, о чем приезжий говорил. Салават рассказал без утайки, а ему наказывают:

— Гляди, батыр, чтоб такая шашка силу не потеряла. О себе не думай, о народе заботься. Родне поблажки не давай, в племенах различья не делай.

Салават уверил: так и будет. И верно, долгое время свое слово твердо держал, и гор подаренье служило Салавату так, что никакая сила против него устоять не могла.

1946

Е. Федоров

КАМЕННЫЙ ПОЯС

(Отрывки)

— Здравствуйте, детушки!— вскричал Пугачев.

Все дружно опустились на колени, умиленно отозвались:

— Здравия желаем, ваше царское величество!

— Спасибо, детушки! Встаньте! — сказал он ласково и уселся на скамеечку, крытую зеленым шелком. Подбоченился, устремил свои пронзительные глаза на башкиров.

— Ведомо мне, что по чистосердечности вы пришли сюда! — раздельно, властным голосом сказал он башкирским старшинам. — Ваша службишка мне, государю российскому, будет отплачена вам вольностью. Освобожу я вас от всяких утеснений и поборов. А брату моему молодшему, Салавату Юлаю, передайте поклон и дар.

Пугачев повел карим глазом на Чумакова; тот быстро нырнул в шатер и вновь вышел, держа в руке кривую сабельку в драгоценной оправе. На горячем солнышке засияли цветами радуги кровавые лалы, золотистые яхонты, зеленые, как молодая травка, смарагды.

Чумаков поднес саблю Пугачеву. Тот внимательно оглядел ее и протянул седобородому старшине. Башкир тотчас упал на колени.

— Бачка, бачка, государь! — залепетал он, и глаза его впились в саблю.

Он бережно принял ее, поцеловал протянутую Пугачевым руку.

Не утерпел старый кривоногий конник и, отойдя на шаг, выхватил из ножен клинок. Все ахнули. Грязнов прижал руку к сердцу, не мог оторвать своих очарованных глаз от клинка. Синеватая ручьистая сталь струилась огоньками, будто из глуби металла всплывали и гасли золотые искорки.

Изумленный башкир защелкал языком.

— Хорош! Ой, хорош клинок! — похвалил он.

Пугачев довольно огладил темную бороду, сказал:

— А еще поведай моему молодшему брату, Салавату Юлаю, что вороги у нас одни. Пусть сим клинком беспощадно рубит вражьи головы! Но то разумейте: заводишек наших не рушить, оберегайте их от огня, от злой руки и порухи. Потребны нам будут сии заводишки, когда тронемся на Москву...

* * *

По горам, по кочевьям Башкирии рыскал отряд Михельсона, приводил возмутившихся башкиров в покорность. Отменный вояка, черствый, сухой, всегда чистый и опрятный, подполковник неутомимо гонялся по лесам за прославленными конниками Салавата. Но башкиры дрались с великим бешенством, предпочитая смерть уходу из родных гор. Вся Башкирия озарилась пламенем, каждый камень тут взывал о мести. Ужасаясь упорству башкиров, подполковник Михельсон жаловался начальству:

«Живых злодеев я едва мог получить два человека, из забежавших в озеро. Каждый из сих варваров кричал, что лучше хочет умереть, нежели сдаться. Я не могу понять причины жестокосердия сих народов. Злодей Пугачев оных хотя и уверил, что будут все переведены *, однако, чтоб им доказать противное, я не токмо каждого, который мне попадался, оставлял без всякого наказания, но давал им несколько денег и отпущал оных с манифестами и увещеваниями в их жилища».

Не знал подполковник, что врученные им листы башкиры рвали, а деньги кидали в болото. Уходя, пленники от стыда плакали. Каждая из последних жен соседа будет тыкать пальцем и кричать детям: «Глядите, вот идет продажный! Плюйте в его след!..»

* * *

Высоки горы, несокрушим камень, храбры башкиры. Но лезли солдаты на горы, одолевали камень, бросались врукопашную. Схватившись в смертной схватке, враги кидались в реку. И под водой душили друг друга, по реке рябь шла, пузырилась глубь, бились, резались насмерть.

Позади башкиров застучали частые копыта коней.

Понял Салават Юлаев: идет беда; крикнул он, схватил удила, поднялся черный конь, взметнул гривой и с маху кинулся со страшной кручи в темный речной омут. За ним с визгом пометались башкиры...

И когда подполковник Михельсон выбрался на камень, увидел только: выбираются на берег прыткие башкирские кони, отряхиваются и уходят в лес...

Потерялся след Салавата Юлаева. Укрыли его леса, горы. Над рекой, над шиханами кружили орлы, поджидали, когда с ратного поля уйдет человек...

---

* Истреблены.

И тут на перепутье нежданно-негаданно впервые встретились Пугачев и Салават Юлаев.

Мчались башкиры на прытких конях, по хмурому лесу топот шел. На широкую елань из темного кедровника вдруг выехал на белом скакуне широкоплечий, могучий удалец. Глянул Салават на смуглое лицо, на черную бороду и узнал Пугачева. Мигом он соскочил с коня и, склонив голову, пошел навстречу, прижимая руку к сердцу:

— Бачка-осударь! Бачка!

Пугачев слез с коня, обнял молодого низкорослого джигита.

— Будь здрав, молодший брат Салаватушка! — радостно сказал он. — Ко времени встретились.

Они сели на коней, поехали рядком. Позади потянулось войско.

— Спасибо, якши-ма, батыр! — снова промолвил Пугачев и испытующе поглядел на Салавата. — Не ждал я башкирцев так скоро под свою высокую руку. Сколь привел ноне?

Глаза Салавата заблестели. Он смущенно смотрел на Пугачева. Пьянела молодая голова от ласки. Русский царь батыром назвал. Шел батыру девятнадцатый год, тело его было гибко, кости крепки и звонок голос. Как зарница, зажглась его юность. Спел бы он царю песню, да нельзя! Не к лицу. Стрельнул бы из лука — не выходит! Хвастовством обзовет.

— Что ж молчишь? — опять спросил Пугачев.

— Вся Башкир будет! — уверенно отозвался Салават. — А сейчас видишь, встретились с Михельсон, неудача была...

— Как? Куда ушел сей супостат? — вскричал Пугачев. — Ой, ко времени подоспел ты! Вот коли переведаемся с ним...

— На Киги пошел! — сказал Салават и, взглянув в

темные глаза Пугачева, улыбнулся. — Куда ты, туда моя!..

Гудел лес, бежали добрые кони. Замолчали станичники, притихли башкиры: «Пусть думу думает государь-батюшка, куда повести...»

* * *

Разбитые толпы повстанцев разбрелись по лесам и степи, укрываясь от мести. Всюду рыскали карательные отряды, хватали правого и виноватого, секли лозой, а больше вешали. Многим резали уши и языки: на всю жизнь ходи изуродованным в устрашенье другим!

Израненный Иванко Грязнов долго отлеживался в раскольничьих скитах. Выходили его старцы, уговаривали уйти из мира, но слишком неугомонен был пугачевский атаман, слишком любил жизнь, чтобы заживо похоронить себя в скитской келье. С приходом весны зажили раны, вернулась сила, и снова потянуло беглого на простор. Ушел он в степи, кругом ковыль да небо. Но летом 1775 года и в степи не было покоя: дотлевало великое народное пожарище. Вытесненные из родных гор, отдельные башкирские отряды бродили по яицким степям, и время от времени на широком пустынном просторе вспыхивали последние кровавые сечи; бились башкиры с настигающими карателями насмерть. И долго потом над мостом битвы кружили с клекотом степные беркуты, да в густом ковыле по ночам тоскливо выли волки.

В ту пору из Башкирии через степь шли две боевые ватажки скуластых горцев; держали они путь в далекие пустыни. Передовую вахту вел салаватский батыр Мухамет Кулуев — горный неустрашимый орел. Следом шли всадники, которых вела крепкая плечи-

стая наездница, круглая и смуглая лицом. Звали ее Анис-Кизым.

Цвела степь из края в край, в горячем мареве перед путниками вставали миражи: далекие причудливые минареты, серебристые озера, рощи. На высоких круглых курганах маячили древние могильники. Нередко с обветренных погребальных камней срывался и взмывал кверху встревоженный орел и долго кружил над ватагами. По ночам две ватаги вместе становились табором на ночлег. Огней не жгли, сидели под звездами. И, как птица, плыла над степью песня. Пел ее Мухамет Кулуев, а башкиры, устремив глаза на звезды, слушали. Голос, полный горечи, будил просторы:

Пусть ноздри мои вырвут,
Пусть уши и язык отрежут,
Пускай очи мои выколют стрелой, —
Ветер твой сладок будет и рваным ноздрям, Юрузень!
Искалеченные уши услышат плеск твоих вод, Юрузень!
Язык мой не сможет славить тебя,
Но и мертвые глаза запомнят красу твою, Юрузень...

Из-за степного окоема серебряной ладьей выплыл ущербленный месяц, под ним заструился голубой ковыль. А ночь простерлась тихая, теплая, как ласковая мать над колыбелью сына. И когда смолкла песня, седой старик-башкир с рваными ноздрями утер слезу и сказал:

— Хорошо ты поешь, Мухамет Кулуев, глубока твоя любовь к родной земле, но что ты сделал, чтобы не стонала она от мук? Ты послушай, что завещал наш великий батыр Салават...

Все притихли. Храбрая Анис-Кизым склонила голову на плечо достойного мужа.

— Двенадцать лун прокатились над горами Башкирии с той поры, как подбили царские охотники доброго водителя-уруса, поднявшего народ, — голос ста-

рика звучал торжественно среди зелено-мглистой ночи. — Двенадцать раз наливалась огнем и гасла багряная луна с того часа, как в страшной битве сразили неустрашимого батыра Салавата. Истекая кровью, он уполз в горы и, чувствуя смерть, снял с себя саблю и железные сарыки. Батыр выкопал глубокую яму, поцеловал клинок и положил крепкую клятву:

«Тот башкирин, ноги которого так крепки, что смогут носить мои тяжелые сарыки, и рука которого так сильна, чтобы поднять мою саблю, пусть выроет их из земли и встанет на защиту башкирского народа...»

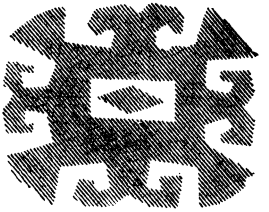
Носил великий батыр сарыки, выкованные из железа, выложенные мягким мехом внутри. Уложил Салават их в глубокую яму, а сверху саблю и зарыл землей. И ни ржа, и ни время не возьмет их, потому что скованы они из доброй стали, омыты кровью... Уходим мы сейчас от врага в далекие пустыни, в чужие земли. И где тот батыр, который выроет из земли саблю великого Салавата? Или она тяжела для ваших рук, башкиры? — глаза старика светились огнем. Он смолк, но пытливым и пронизывающим взором окинул каждого.

Мухамету Кулуеву стало не по себе, он отодвинулся от Анис-Кизым, сказал друзьям по оружию:

— Многие дни за нами, как голодные шакалы, идут конники генерала. Им не угнаться за нами, и мы можем уйти. Но позор на наши головы и проклято будет наше имя в потомстве, если мы не постоим за Башкирию. Старый воин, слушай верное мое слово: я поднимаю саблю Салавата на врагов наших! Завтра я и Анис-Кизым поведем вас в бой!..

— Да будет так! — приложил руку к сердцу старый башкир. — Лучше умереть у родных гор, чем страдать на чужбине!..

1951



Н. Задорнов

МОГУСЮМКА И ГУРЬЯНЫЧ

(Отрывок)

Могусюмка играет на курае, заливается, как соловей. Плавно струится мелодия, словно родник журчит по камням.

Богатырь Салават молодой,
Камчатная шапка на твоей голове, —

печально затянул однообразный напев старик Ирназар.

В степном Урале пал прошел,
Стоит горелая трава.
В руках горячего коня не удержать, —

высоко выводил он своим старческим, дрожащим голосом.

Смелый батыр Салават
На боярские усадьбы
Палы пускал...

Песнь оборвалась. Женщины внесли котел с вареной бараниной.

— Эй, куллама, куллама готова!

— Бишбармак, бишбармак! — засмеялся Могусюм.

Лапшу и вареное мясо разложили в чашки. Кулламу ели руками, за что и прозвали ее бишбармак — «пять пальцев».

После того как вторично опустел чугунный котел, а в турсуках и бочатах заметно убыло меду и кумысу, Ирназар повел сказ про старину.

— Жил на реке Симе в горах Юлай-старик, башкирский старшина.

Тихо заиграл курай. Печальный напев сливался с печальным рассказом Ирназара.

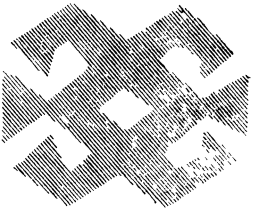
— Заводчик Твердышев узнал, что в земле его железа много. Пришли на Сим солдаты, погнали Юлая с земли. Не хотел уходить Юлай-ага. Собрал он своих башкир и стал воевать с заводчиками. Юлаевых джигитов побили и выгнали с Сима. Ушел старик на новое место и стал горевать. Но был у него сын Салаватка. Малый умел складывать песни и красиво играл на курае. «Не горюй, атай, — сказал он. — Вот я подрасту и прогоню Твердышева, тогда мы вернемся в родной урман и заживем в горах на реке Симе...» Пятнадцати лет от роду Салаватка батыром стал. Когда в степи Пугач собирал народ с горных заводов, звал он с собой башкир. Послал гонцов к Салавату...

Старик рассказал, как Салават с войском пришел на помощь к Пугачу, как вместе они сражались, как погиб Пугач, как Салавата в лесу окружили. Долго сражался он, обломал палицу, так много врагов зарубил, что совсем иступилась шашка. Остался Салават без оружия, забрали его, заковали в кандалы и увезли в Уфу. И сидел он там за решеткой в колокольне, пел песни. Башкиры ездили в город — слыхали.

Снова запел старик:

С ружьем ходил к Миасу-озеру,
Да врагов было много, побить не удалось,
Хоть и не мог я неприятеля уничтожить,
Но живой пока, надеждой живу.

1956



К. Симонов

В БАШКИРСКОЙ ДИВИЗИИ

(Отрывок)

«Из-за дальних долин поднимается белокаменный гребень Ирендыка. Много видят и всюду бывают джигит и его конь. Высоки на Урале горы, широки за Уралом степи. Воюют за землю свою и воду джигит и его конь».

Гортанная протяжная песня несется над среднерусской степью. Горько пахнет пригретая солнцем полынь. Сладко пахнут степные цветы. Тонкий запах свежего сена несется от пожелтевшей сожженной травы.

Песня длинна, как степная дорога, и широка, как сама степь. Далеко, за тысячу верст от мест, где они родились — в воронежской степи, под знойным солнцем юга, — поют башкирские джигиты свою старинную песню «Урал». Они сидят в узкой лощине у наблюдательного пункта, и рядом с ними торчат из своих глубоких «ласточкиных гнезд» длинные стволы противотанковых ружей, и лошади с коноводами пасутся подле, в глубокой расщелине, заросшей мелким степным кустарником. Полдневный жар, затишье; только

слева, у ведущей в тыл дороги, изредка рвутся мины и пыльным клубом встает ссохшаяся горячая земля.

Правнуки Салавата Юлаева, сражавшегося вместе с Пугачевым за свободу русской земли, снова воюют рядом с правнуками Пугачева за свободу и честь своей родины.

Ибо есть один родной дом под Уфой, в предгорьях Урала, у Гарифуллы Гафарова, и есть другой родной дом под Воронежем, в степи, у Петра Коротеева, но нет одной родины — в Уфе и другой родины в Воронеже, а есть единственная и равная для всех, великая родина — Россия.

1942

И. Эренбург

БАШКИРЫ

(Отрывок)

Есть у башкирского народа старый и добрый друг — русский народ. Много лет тому назад русские казаки и башкиры вместе сражались за вольность. Башкир вел в бой патриот, батыр и поэт Салават Юлаев. В 1812 году вместе с русскими башкиры гнали Наполеона. Французский мемуарист Дюпюи писал: «Нас особенно угнетали отряды башкир, вооруженных копьями и луками». Фрицы увидали башкир, вооруженных автоматами. Хайрулла Кулимбетов из миномета уничтожил роту немцев. Салават Карымов истребил сто пятьдесят двух фрицев. Неудивительно, что некто доктор Мейер пишет в «Дейче цейтунг фюр Остланд»: «Нужно добавить, что в донских степях мы вынуждены сражаться с людьми дикими, но не ведающими страха, принадлежащими к племени башкир».

Не дикарю-фрицу говорить о культуре. Конечно, такой Мейер имеет звание «доктора». Но кто в Германии не «доктор»? Даже вор Ферстер, состоявший в отряде форточников, грабивших музеи, и тот — «доктор». А вот семья Кулимбетовых. Отец был батраком,

теперь он колхозный бригадир. Его сыновья до войны были: Хайрулла — дорожным техником, Шагей — инженером, Губай — учителем, Самигулла и Гайнулла — знатными колхозниками. Это не то, что лазить в форточку и грабить музеи. Но насчет бесстрашия башкир фриц Мейер не ошибается: башкиры храбрый народ. Салават Юлаев пел: «Поднимайтесь все на войну! Пусть льется кровь до последней капли, пусть откроются раны, их исцелит свобода. Кто мужчина, тот не боится ран, тот не боится и меча Азраила». Под ураганным огнем врага башкир Бейгужин не раз обеспечивал связь. Когда шли бои под Юшковым, бойцы говорили о легендарной храбрости лейтенанта Мансура Юлдашбаева. Таков народ. У Мансура пять братьев — Сагдат, Давлят, Шайхам, Анвар и Анас, и все они на фронте, кто летчик, кто пехотинец, кто кавалерист.

1942

А. Коптяева

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, БАШКИРИЯ

(Отрывки)

Высится над речным обрывом памятник Салавату Юлаеву. По-орлиному смело смотрят из-под раскидистых бровей горячие глаза. Скуловатое лицо, охваченное разлетистым меховым треухом, твердые губы — все дышит энергией. Вот он, «полковник армии Пугачева».

* * *

Можно ли, побывав в Башкирии, не заехать в Салават?! А взглянув на Салават, невольно вспомнишь, что Башкирию называют жемчужиной Южного Урала. И еще ее называли скатертью-самобранкой. Но скатертью-самобранкой она являлась только для царских чиновников и помещиков, согнавших башкир с земли, а как истинная жемчужина засияла лишь теперь.

Салават — город молодости. Средний возраст его жителей 24 года, и каждый третий на его улицах катит перед собой детскую коляску.

А сколько зелени на улицах, и какая чистота! Салават борется за звание города высокой производительности труда, образцового порядка и высокой культуры, соревнуясь в этом с городом Сумгаитом в Азербайджане. Чуден город Сумгаит, построенный за четырнадцать лет возле Баку. Это тоже город молодости, и строила его наша молодежь, приехавшая на побережье Каспия по комсомольским путевкам. Но о Сумгаите особый разговор, а сейчас мы совершенно увлечены Салаватом. Пятнадцать лет назад здесь была пустынная лесостепь. Лицо города и, так сказать, душа его — первый в мире по величине стекольный завод: техническое стекло и зеркальное; большой полиэтиленовый завод, являющийся цехом нефтеперерабатывающего комбината, и сам этот гигант — нефтехимический комбинат.

Наше знакомство с городом начинается с прямотаки грандиозного Дворца культуры комбината. Изумительное явление в жизни наших городов — такие вот Дворцы культуры. У нефтяников они особенно хороши. Навсегда запомнится приезжему человеку Дом техники в Октябрьском, Дворец культуры в Уфе, Дворец культуры в Стерлитамаке, что стоит на площади Ленина, белоколонный, с широкой полосой орнамента — арабской вязью над высоко возведенными красноватыми стенами. И вот этот, в Салавате... Директор его Гизатуллина, окончившая ленинградский институт, на культпросветработе уже двадцать лет. Сообщив попутно о том, как учатся в школе ее две дочки и чем занимается муж в тресте Салаватстрой, она показывает нам библиотеку на тридцать шесть тысяч томов, говорит о 26 передвижках в цехах, о вечерах отдыха, о художественной самодеятельности, которая за полгода дала тридцать концертов для взрослых и двадцать два для детей.

О детях здесь говорят повсюду. И не удивительно, что во многих городских кварталах открыты детские комнаты с игрушками и телевизорами, где на общественных началах работают пенсионеры. Рождаемость в городе так велика, что детских учреждений никак не хватает.

Мы не знали, чем нам любоваться: грандиозной ли панорамой нефтезавода или строящимися цехами химического комбината. А разве забудешь начальника этого огромного строительства Ивана Афанасьевича Березовского, инженера и технолога, на всю жизнь влюбленного в нефтехимию и не случайно окончившего еще и литературный факультет? Может быть, один из таких нефтяников-химиков подарит нам по-настоящему проникновенный поэтический роман о своей поистине чудесной, необыкновенно сложной работе? Начальник строительства водил нас по старым и новым объектам, провел по длинной эстакаде и показал с высоты, где и что творится. Он сам был хорош, этот поэт и хозяин нефтехимии, высокий, стройный, хотя и немолодой уже человек, достойный стать героем романа.

Шестьсот гектаров занимает комбинат, работающий на своем, башкирском сырье, выдавая до 40 видов продукции. А беспокойные его инженеры и рабочие все хлопочут о возможно большем использовании внутренних резервов.

— А вот у нас самый старый инженер на производстве — Евгений Михайлович Филиппов. Ему 32 года. Он главный технолог производства полиэтилена. До этого был начальником крупного цеха.

Березовский улыбается. Улыбается и Филиппов. Этот невысокий голубоглазый человек тут же заговаривает о недостатках работы комбината...

Они все сделают, наши золотые люди, создающие красоту на земле, создающие новую жизнь.

1963

В. Сидоров

ПО СЛЕДАМ САЛАВАТА

Крестьянская война 1773—1775 гг., охватившая Южный и Средний Урал, Приуралье и Поволжье, была выступлением не только русского народа — казаков, помещичьих и заводских крестьян, но и угнетенных масс нерусских народностей — башкир, татар, мишарей (мещеряков), чувашей, марийцев, казахов, калмыков, украинцев и т. д. «Известно, например, — писал Емельян Ярославский в «Комсомольской правде» 5 декабря 1941 года, — какую большую роль в пугачевском восстании играли башкиры: вместе с оренбургскими казаками и уральскими рабочими башкиры боролись против царских воевод, чиновников, против нестерпимой кабалы, бесправия своего. Это движение выдвинуло и своего национального вождя Салавата Юлаева».

Наряду с такими выдающимися руководителями восстания, как Е. И. Пугачев, А. П. Перфильев, А. А. Овчинников, И. Н. Зарубин-Чика, И. Н. Белобородов, А. Т. Соколов-Хлопуша, нельзя не отметить видных организаторов национального движения в

Башкирии — Кинзю Арсланова, Юлая Азналина, Канзафара Усаева и, конечно, Салавата Юлаева, оставшихся до конца верными и последовательными сторонниками Пугачева. Умелые военные действия, организаторский талант, популярность среди населения сделали их предводителями не только своего народа, но и всей Крестьянской войны.

Совсем молодой, лихой наездник, поэт-импровизатор, сын старшины Салават Юлаев был мало кому известен за пределами родной волости. Вскоре после того, как Салават вместе со своим отрядом примкнул к Пугачеву, он участвует в осаде Оренбурга и, отличившись в боях, получает звание полковника. Самый молодой полковник повстанческой армии! Недолго сражался под Оренбургом юный батыр. Высоко ценя боевые и организаторские способности Салавата, Пугачев послал его в Башкирию организовать восставших и создать новые повстанческие отряды.

На родине Салавата в районе Сибирской дороги * население было еще мало охвачено движением. Салават организовывал крупные отряды и направлял их в район Красноуфимска — Кунгура.

Неоднократно раненный Салават вновь возвращался в строй и одерживал многие важные победы. Умело

---

* К началу Крестьянской войны Башкирия входила в состав Уфимской провинции Оренбургской губернии с включением ряда западных районов нынешней Челябинской области. Границы Уфимской провинции на севере, западе, юге и юго-востоке охватывали территорию примерно соответствующую современной Башкирской АССР, а на северо-востоке проходили значительно восточнее, вдоль водоразделов рек Ай, Уфа и Миасс в их верхнем течении. В административно-территориальном отношении Уфимская провинция делилась на 4 дороги («даруги») — Казанскую, Ногайскую, Осинскую и Сибирскую. Каждая дорога делилась не несколько волостей, управляемых старшинами — представителями местной феодальной знати, которые утверждались оренбургским губернатором.

маневрируя своими отрядами, он ускользал от преследователей, устраивал засады, вступал в открытые сраженья. Благодаря его смелости, умелым военным действиям, разумно проводимой им национальной политике, популярность батыра была очень велика и среди башкир и среди русских. В июне 1774 г. ему был пожалован чин бригадира. (Среднее между полковником и генералом.)

В ряды восставших вступил и Юлай Азналин — отец Салавата. Пугачев пригласил его «вступить к нему на службу с чином полковника». Юлай был старшиной Шайтан-Кудейского юрта (волости). В составе русской армии он в 1772 г. участвовал в военных действиях против польских конфедератов и был награжден медалью.

Русский писатель XIX века Ф. Д. Нефедов в очерке «Салават — башкирский батыр» так писал о Юлае: «Это был... человек богатый, умный и влиятельный, он пользовался общим уважением со стороны башкир и несколько раз кряду занимал по выборам должность волостного старшины. Местные власти относились к башкирскому старшине с доверием... В его преданности и верности русскому правительству не могло быть никакого сомнения... Но башкирский старшина в действительности далеко не был тем, чем он так искусно умел казаться. На глазах Юлая пылали башкирские селения, разорялся край... Истый башкир, горячо любивший свою родину, Юлай не мог оставаться равнодушным зрителем; он маскировал свои чувства, но в душе оставался недоволен и таил месть».

Во многих сражениях принимал участие Юлай. Вместе с Салаватом осаждали и брали штурмом заводы, организовывали партизанскую войну в горной Башкирии. Во время этого движения Юлай пытался установить связь с заводскими людьми. В августе 1774 г. посланцы от имени Юлая Азналина предло-

жили жителям Катав-Ивановского завода с башкирами «жить союзно». Долгое время под контролем Салавата и Юлая находилась территория Сибирской дороги, имеющая важное стратегическое значение. За заслуги Пугачев пожаловал Юлаю чин атамана округа.

Предводитель мишарей Канзафар Усаев, уроженец деревни Бузовьязы, имел звание сотника еще до восстания. После встречи с Пугачевым он перешел на сторону повстанцев и присоединился к башкирским войскам, находившимся под командой Кинзи Арсланова. Некоторое время Канзафар Усаев находился «в писарской должности» в Берде, где была ставка восставших. Незаурядную храбрость проявил Канзафар Усаев в боях под Оренбургом, за что был произведен в полковники и затем послан Пугачевым для набора войска. Вместе с Салаватом Юлаевым он участвовал в походах на Красноуфимск, Кунгур и других боевых действиях.

* * *

На заключительном этапе Крестьянской войны 1773—1775 гг. борьба повстанцев в Башкирии не утихала. Несмотря на уход Пугачева с основной частью войска с Южного Урала на Каму и Волгу, Салават, Юлай, Канзафар Усаев продолжали вести ожесточенные сраженья. Однако теперь борьба приняла иной характер. Не имея единого центра, который бы координировал их действия, восставшие перешли к партизанской войне. В этот период особенно проявился военный и организаторский талант Салавата Юлаева. Даже когда Пугачев был схвачен, «... имя его, Салавата, в тамошних местах везде слышно было, а посему для поимки его и посланы были военные команды, с которыми он неоднократно сражался». 4 августа

1774 г. был взят в плен Канзафар Усаев. Салават и Юлай продолжали сражаться. Объектами их нападения стали Катав-Ивановский и Усть-Катавский заводы. Желая избежать излишнего кровопролития, Салават и Юлай 10 сентября 1774 г. направили на Катавский завод обращение, в котором говорилось: «Если к нам в плен попадет ваш человек, мы его не убиваем и не причиняем ему увечья. Если же наш человек попадает к вам в плен, вы его арестовываете, а некоторых убиваете. Если бы в наших сердцах была и злоба против вас, мы могли бы при желании захватить в плен и убить большее число ваших людей, чем вы. Но поскольку в наших сердцах отсутствует злоба к вам, мы их не трогаем. Нам с вами, башкирам и русским, нельзя жить вне согласия и разорять друг друга, ибо мы все верноподданные его императорского величества государя нашего Петра Федоровича Третьего».

Царское правительство перебросило для подавления восстания в Башкирии большое количество карательных войск. Но не так-то просто было поймать Салавата Юлаева. Ему предлагали сдаться, «покаяться, признать свою вину и прийти с повиновением», обещая в этом случае прощение, но Салават, сознавая правоту своего дела, ответил отказом. Однако силы были слишком неравные, и 25 ноября 1774 г. Салават с четырьмя товарищами был окружен карательным отрядом и схвачен. Вскоре Салавата и Юлая, который к тому времени уже находился в руках правительственных войск, отправили в Казань, а затем в Тайную экспедицию при Сенате в Москву. Царские власти оценивали их поимку как очень большой успех. В доносе Екатерине II о них докладывали как «о самых главных башкирского народа предводителях». «По причине непризнания в причиненных ими злодействах» Салавата и Юлая отправили в Оренбург; 6 июля

1775 г. следствие по их делу было закончено, и 15 июля Оренбургский губернатор Рейнсдорп утвердил приговор. Отец и сын приговаривались к 175 ударам кнута, вырыванию ноздрей и клеймению (на лбу и щеках раскаленным железом выжигались буквы «В», «И», «У» — «вор и убийца»). Два месяца под усиленной охраной возили Салавата и Юлая по местам их наиболее активной деятельности и били кнутом, а затем вырвали ноздри и поставили клейма. Желая поскорее избавиться от еще опасных и популярных в народе сына и отца, 3 октября 1775 г. их отправляют в Москву, а затем на вечную каторгу в Рогервик (ныне г. Палдиски Эстонской ССР), куда они прибыли 29 ноября 1775 года, после почти двухмесячного тяжелого пути.

Как же сложилась их жизнь дальше? Какие имеются документальные доказательства пребывания пугачевцев на каторге? Когда и где умерли? Удовлетворительных ответов на многие вопросы еще не было.

Нельзя сказать, что в этом направлении не велось никакой работы. Проводились архивные изыскания в Оренбурге, Москве, Ленинграде, однако дела Эстляндского губернского правления, где вероятнее всего могли находиться документы, отражающие жизнь пугачевцев-каторжан, практически не были изучены. Слухи, догадки, разговоры. Но ведь это все не то!

Первое мое знакомство с прославленным батыром состоялось в 1942 году. Жил я тогда в Саратове. Как и все мальчишки того времени увлекался сражениями, любил читать книги (особенно с иллюстрациями) про приключения, про войну. Как-то попалась мне довольно толстая книга Степана Злобина «Салават Юлаев». «Читать-не читать?». На обложке были изображены лук, колчан со стрелами, старинная пушка, и это обстоятельство разрешило мой «душевный спор» в пользу книги.

Роман был прочитан, как говорят, в один присест. Потом еще и еще раз. С тех пор вместо «современных» деревянных автоматов, винтовок, наганов у меня появилось «башкирское оружие»: лук, стрелы, сукмар — боевая дубинка. Надолго Салават остался в моей памяти. Впоследствии мне приходилось читать и другие редакции романа, но по-прежнему издание 1941 года, вышедшее в серии «Исторические романы» остается любимым. Конечно же, в то время я никак не мог предположить, что через десять лет уеду жить в Башкирию, побываю в тех местах, где прошли детство и юность Салавата, где он со своими храбрыми джигитами бился за свободу, услышу курай и буду записывать предания о национальном герое башкирского народа...

Мне давно хотелось съездить в Эстонию, покопаться в архивных делах. Такая возможность представилась, и в ноябре 1972 г. я выехал в Таллин. Прежде всего необходимо было побывать в Академии наук ЭССР. Приезжаю. Встретили меня очень любезно. Ознакомившись с письмом Президиума Башкирского филиала АН СССР, дополненным моими устными просьбами, товарищи из Академии наук Эстонии, в частности ученый секретарь (ныне вице-президент) В. А. Маамяги, с большим вниманием и пониманием отнеслись к делу. Была организована встреча с местными краеведами, но увы! Товарищи очень старались мне помочь. Просматривали краеведческую и историческую литературу на эстонском языке, фольклорные сборники. Конечно, я и сам за это время знакомился с различными материалами, но особо заслуживающего внимания ничего не было. «Ничего, — утешали меня, — в Тарту вы обязательно что-нибудь найдете, там в архиве много документов». Провожаемый добрыми напутствиями и увозя подаренную книгу об эстонском краеведении с трогательной надписью, где выража-

лась, как мне объяснили, надежда на дружески-деловое сотрудничество, я поехал в Тарту.

* * *

Величественное здание Центрального государственного исторического архива Эстонской ССР. Директор архива Раймонд Юлиусович Аулинг, дружески приветствуя меня, говорит: «Наконец, из Башкирской академии наук прибыл человек. Были у нас от вас товарищи — школьники-краеведы, товарищ из газеты, приезжали отдельные энтузиасты. Только что получили письмо из вашего краеведческого музея с просьбой прислать фотокопии документов, связанных с пребыванием Салавата Юлаева на каторге в Эстонии. Все это хорошо, но на моей памяти вы первый научный сотрудник, приехавший к нам из Башкирии, а ведь важно просмотреть материал на месте». Молча киваю головой. Чувствую некоторую неловкость: конечно, правильный упрек. Знакомлюсь с заведующей отделом фондов архива К. В. Лосенковой. «Хорошо, что вы приехали, — говорит она. — Недавно мы разбирали фонд Эстляндского губернского правления, в обработке его участвовала Е. А. Савина, и там имеются для вас очень интересные документы». Вскоре у меня в руках два дела.

«Дело о ссылочных преступниках». Знаю его по описаниям. В 1940 г. уфимский историк П. Ф. Ищериков случайно натолкнулся в «Волжском вестнике» за 1883 г. на заметку «Пугачевцы в Балтийском порте», в которой автор, ссылаясь на архивное дело Эстляндского губернатора А. Лангеля, сообщал, что и после смерти Екатерины II на каторге в Рогервике оставались живы 6 пугачевцев, показанные в «Статейном списке от 19 мая 1797 г.», в том числе Салават Юлаев, его отец Юлай Азналин, Иван Почиталин и

Канзафар Усаев — видные деятели пугачевского восстания. Позднее копия этого списка была прислана в г. Уфу и опубликована. И вот этот список передо мной. Хорошо сохранившийся текст читается без особого труда. В графах возраста и состояния здоровья, в частности, вижу следующее: «Канзафар Усаев — 62 г., болезни не имеет; Иван Почиталин — 47, болезни не имеет; Юлай Азналин — 75 *, дряхл, на ногах от застарелой цинготной болезни раны; Салават Юлаев — 45, здоров». Этот список имеет прямое отношение не только к жизни каторжан, но и к истории Рогервика (Балтийского порта).

По засмыслу Петра I крепость Балтийского порта должна была занимать одно из главнейших мест в системе обороны русских границ, порт представлял бы одну из самых удобных и безопасных стоянок для судов. В 1718 г. состоялась закладка мола, гавани и крепости. «Государь собственноручно бросил в море первый камень и тем положил основание новому порту». С 1718 по 1725 г. Рогервик стал быстро превращаться в первоклассный военный порт с очень сильной крепостью. Строили его солдаты и присланные арестанты.

Однако со смертью Петра I строительство затормозилось, и лишь в 1746 г. стали производиться некоторые ремонтные работы. В 1751 г. вышел правительственный указ, согласно которому большинство преступников из России отправлялись в Рогервик. В 1752 г. там насчитывалось 1500 арестантов и 2000 солдат. Условия работы были очень тяжелыми, свирепствовали болезни, голод. Например, из присланных в 1753—1756 гг. 1324 арестантов умерло 1310.

* Вероятно, ошибка. В «Именной описи, составленной Уфимской провинциальной канцелярией, о приметах Салавата Юлаева и Юлая Азналина» от 2 октября 1775 г. указано, что Юлаю 46 лет, а Салавату 21 год. Следовательно, в 1797 г. им было соответственно 68 и 43 года.

В 1757 г. работы совсем прекратились. 19 августа 1762 г. Рогервик был переименован в Балтийский порт. Работы возобновились, но в 1768 г. на докладе Сената о положении дел в Балтийском порту последовала высочайшая резолюция: «Работу остановить, а каторжных сделать рассмотрение, дабы они праздны не были».

Большинство арестантов были отправлены в Сибирь. На несколько лет Балтийский порт был забыт. Вскоре, однако, туда прибыли участники пугачевского восстания. Но поскольку на месте в этот момент не имелось возможности использовать каторжан на какой-либо работе, то ревельский вице-губернатор Сиверс 9 августа 1777 г. обратился в Сенат с запросом о возможности перевода из Балтийского порта в Ревель на городские работы семерых каторжан-пугачевцев, в том числе Юлая Азналина и Салавата Юлаева.

Однако Сенат принял решение оставить пугачевцев на месте, а Сиверсу был отправлен указ, в котором отмечалось, что поскольку «содержащиеся в Балтийском порте колодники за злодейства свои отосланы иные по имянным высочайшим повелениям, а другие по сенатскому указу, и велено содержать их в оном порте с возможною осторожностию, чтоб не могли учинить побег, вследствие сего... во исполнение означенных повелений, не отлучая оных колодников из Балтийского порта для употребления в городовые работы, содержать их с надлежащей осторожностью в том месте, где им быть назначено». Сейчас трудно с уверенностью сказать, как могли использовать каторжан на какой-либо работе. Однако можно предположить их участие в ремонте купеческой гавани и постройки двух пристаней в 1793 году.

Прошло 20 лет. Умерла Екатерина II, на престол вступил Павел I. Эстляндский губернатор А. А. Лангель получает распоряжение генерал-прокурора Сената А. Б. Куракина доставить сведения «о находящих-

ся в порученной управлению вашему губернии ссылочных преступниках». В свою очередь, Лангель затребовал такие сведения от коменданта Балтийского порта (Рогервика) полковника Г. Экбаума. 19 мая 1797 г. Экбаум представил требуемый список.

К тому времени в живых осталось лишь 27 каторжан, в том числе 6 пугачевцев. 18 сентября 1797 г. Куракин в письме к Лангелю объявляет повеление Павла I о назначении трех мест в России (Нерчинские рудники, Иркутская суконная фабрика и строительство крепости в Таганроге), где должны отбывать каторжные работы осужденные преступники, годные по состоянию здоровья к такого рода работам. Лангель решил воспользоваться этим и отправить из Балтийского порта трех здоровых: Салавата Юлаева, Ивана Почиталина и Канзафара Усаева.

30 сентября он направляет список каторжан, являющийся по существу копией статейного списка от 19 мая 1797 г., и в сопроводительном письме, ссылаясь на обременительность содержания каторжан для казны, запрашивает, как ему поступить с «неимеющими болезней», а именно: Канзафаром Усаевым, Иваном Почиталиным и Салаватом Юлаевым. «Прочие все дряхлы и разными болезнями страждут».

В ответ Куракин, выражая неудовольствие, указывает Лангелю, что в списке от 30 сентября «в нем показанные преступники нимало не следуют к рассылке в означенные места». Даже через такой большой срок после подавления восстания Пугачева их продолжали держать подальше от тех мест, где проходила Крестьянская война.

Просматриваю дело дальше. Встречаются интересные документы, по которым при детальном изучении можно восстановить картину пребывания каторжников в Балтийском порту. Но кропотливо работать над ними сейчас не имею возможности. Интересуюсь,

Яковъ Петряковъ	65	775 мая 2	изъ Моисд ской роботни къ Окене щикъ	За отводъ подложную квартиру купцу Дрязгову, которой оказался воровствомъ, зато на казани кнутомъ ноздри вырезаны.	Надворной Советницы Вииновой дмитровского уезда дворовой человекъ.	Паралитикомъ боленъ.
Емельянъ Тюленевъ	65	775 июля 2	Присланъ отъ господина Генерала порутчика Казанскаго Губернатора и кавалера Князя Мещерскаго	по секретному делу, вместо смертной казни вечно въ каторгу, безъ наказанія, подкинутой государственнаго злодея Пугачева	Тобольской Губерніи Ялуторовскаго дистрикта Курганской слободы изъ солдатскихъ детей	Дряхлъ и почти слепъ
Юлай Азналинъ	79	1775. Ноября 29	По указу Московской Губернской Канцеляріи	Бывшія въ злодействе яко сволочи Пугачевской бить кнутомъ, ноздри вырваны и заклеймены.	Оренбургской Губерніи Уфимскаго уезда деревни Текеевой	Дряхлъ наконецъ имеетъ отъ застарелой и [illegible] раны.
Салаватъ Юлаевъ	45					Вздоровъ

А всего по сему списку состоитъ каторжныхъ двадцать семь человекъ. [illegible]

кто же до меня смотрел это дело. Читаю записи в контрольном листе: 1954 г. — Николаенко (Москва). Это историк, автор статьи «Вождь башкирского народа, пугачевский бригадир Салават Юлаев»; 1968 г. — краеведы школы № 114 г. Уфы — молодцы ребята; здесь же еще одна запись — газета «Совет Башкортостаны» — пресса тоже должна быть оперативной; 1970 г. школа-интернат № 1 — да, молодежь — народ любознательный! Делаю свою запись.

На другой день берусь за новое дело.

Опять «Статейный список», датируемый июлем 1797 г. По существу это копия списка, имеющегося в предыдущем деле. Указаны те же 27 человек каторжан, в том числе Салават Юлаев, Юлай Азналин, Иван Почиталин, Канзафар Усаев. Новые бумаги — рапорты, списки. Дохожу до 48 страницы. Небольшой синевато-серый листочек с выцветшими буквами.

«В Эстляндское губернское правление
От находящегося при Балтийской инвалидной команде майора Дитмара

Сего месяца 26-го числа помре каторжный невольник Салават Елаев, о чем сим донесть честь имею.

Майор Дитмар.

Сентября 28-го дня
1800 года.
Балтийский порт».

Несколько раз перечитываю этот документ. Как-то не укладывается в голове. Неужели это то самое, о чем не было известно нам 175 лет?

Следующий лист. Еще один рапорт.

«В Эстляндское губернское правление
От находящегося при Балтийской инвалидной команде майора Дитмара

Находящиеся в моем ведении каторжные невольники 12-ти человек, которые и состоят благополучно. Против прежде поданной таковой же ведомости убыло: помре сентября 26-го дня Салават Юлаев, о чем сим донесть честь имею.

Майор Дитмар.

Октября 2-го дня
1800-го года
Балтийский порт».

Значит, Салават умер 48 (46) лет, пробыв на каторге 25. Вольный сын Урала нашел последний приют на берегах Балтийского моря, прожив здесь больше половины своей жизни. Охватывает какое-то необъяснимое чувство. Ведь ясно было, что он давно умер, но все же зная, что в 1797 г. Салават был еще жив и здоров, как-то хотелось, чтобы он пожил подольше. Ясно одно. Салават умер своей смертью, а не покончил самоубийством. Уверен, если бы это имело место, то в рапорте подобная оговорка была бы сделана. Подобных примеров можно привести достаточно.

Но дело еще не просмотрено до конца. Может быть, будет еще что-нибудь.

Внимательно смотрю пожелтевшие страницы. Стоп! «Именной список состоящих при Балтийском порте каторжных невольников» от 16 декабря 1802 г. В списке 11 человек, в том числе Канзафар Усаев.

Вероятно, он был последним оставшимся в живых из участников восстания, находившихся в Рогервике, так как в списке из прежних 6 пугачевцев, которые

№ 2690 Получ. 3го Окт. 1800

49

Въ Финляндское Губернское правление

От находящейся при балтийской Инвалидной Команде Майора Дитмара

Находящейся въ моемъ ведении Кома
нде Неволнии 12ть человекъ которые
и здоровы благополучно прошлая треть
по данной того ведомости убыль
помре Сентября 26го дня силевачемъ Юли
его отселе симъ донося честь имею

Майоръ Дитмаръ

Сентября 29го дня
1800го года

Гельсингфорсъ

[illegible] 1800

Имянной Список

Состоящие при Балтийском порте находящихся невольников а что имянно значит под сим;

Декабря 16 дня 1802 года

№	А именно
1	Павелъ Лабунновъ
2	Иванъ Рогожинъ
3	Гаврила Логиновъ
4	Василей Хромовъ
5	Михайла Малиновъ
6	Евстегней Сысоевъ
7	Павелъ Михаловъ
8	Кензафаръ Усаевъ
9	Яковъ Ивановъ
10	Андрей Климовъ
11	Егоръ Вязиловъ
	Итого 11 человекъ

[illegible] Принял [illegible]

№: 91574)

Числа 13го [illegible]

Въ Эстляндское губернское пра-
вленіе

Отъ командующаго въ Балтійскомъ
порте [illegible] гарнизоннаго
полка Капитана Мелкова

Рапортъ

Содержащіися въ Балтійскомъ порте подъ вѣденіемъ моимъ ка-
[illegible] [illegible] изъ [illegible] [illegible] Моголевъ
[illegible] [illegible] [illegible] также [illegible]
невольниковъ всего .8. человекъ. [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], сего
[illegible] 10го часа [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] Эстляндскому губернскому пра-
вленію донесть честь имѣю

Капитанъ Мелковъ

Д. 7. 31/

Июня 1го дня
1804го года

указаны в «Статейном списке» 1797 г., кроме него никого нет. Через несколько листов вижу рапорт о смерти Усаева.

«В Эстляндское губернское правление

От находящегося в Балтийском порте Ревельского гарнизонного полка капитана Пегелова.

Рапорт

Состоящие в Балтийском порте под ведением моим казенные строения, инструментальный железный магазин и прочие казенные вещи, также и каторжных невольников всего 8 человек. Состоят благополучно, кроме одного. Именем Канзафар Усаев сего месяца 10-го числа по старости лет волею божею умре, о чем Эстляндскому губернскому правлению донесть честь имею.

Капитан Пегелов.

Июля 12-го дня
1804 года».

В это время Канзафару Усаеву, «главному мишарскому полковнику» повстанческой армии Пугачева, было 69 лет. Встретились еще документы, над которыми следовало бы подольше посидеть, поразмышлять, но, к сожалению, время у меня было ограничено. Заказав фотокопии документов, получив согласие опубликовать их, я тепло простился с работниками архива, сердечно поблагодарив их за все, и с сожалением покинул Тарту — город, который позволил открыть нам новую, последнюю страницу жизни участников Крестьянской войны 1773—1775 гг., нашего национального героя Салавата Юлаева.

* * *

Прошло несколько лет. За это время появился ряд интересных работ по Крестьянской войне 1773—1775 гг., в которых, в частности, освещались документы, выявленные в последние годы. Однако материалы Центрального государственного исторического архива Эстонской ССР, кроме упомянутых нами, не публиковались. К сожалению, фонды Тартуского архива, в том числе дела Эстлянского губернского правления, не привлекли должного внимания ученых. А ведь должны же быть там еще документы, более детально отражающие последний период жизни пугачевцев на каторге! Есть еще немало неясностей. Когда, например, умер Юлай Азналин? Мы знаем из «Статейного списка» 1797 г., что он был стар, дряхл, болен. Вероятно, он умер в том же году, может быть, в 1798-м. Но это лишь предположение. А где факты, доказательства? Их пока нет. Или Иван Почиталин. Личность очень интересная. «Думный дьяк» военной коллегии повстанцев, автор первого манифеста Пугачева. Когда умер он? Ведь в том же «Статейном списке» отмечалось, что он «болезни не имеет», а лет ему было 47 (по другим источникам 44). Документов о его смерти пока нет. В упомянутом «Списке каторжан» от 16 декабря 1802 г. Иван Почиталин не значится. Мало вероятен факт перевода его куда-либо, поскольку «рассылке он не следовал». Можно предположить, что умерли они с Салаватом примерно в одно время. Подобных вопросов, предположений может возникнуть много. Остановлюсь лишь на одном эпизоде, имевшем место в 1790 г. Иностранные государства предполагали, что в Балтийском порту происходит постройка новых судов. Особый интерес в этом вопросе проявляли шведы. 6 марта в 11 часов утра два шведских фрегата, 32-пушечный «Яррамас» и 16-пушечный «Улла

Ферзен», бросили якоря на рейде Балтийского порта. Под прикрытием корабельных орудий шведы высадили десант (50—60 человек) под командованием лейтенанта Арковито и овладели крепостью. Комендант крепости полковник де Роберти совершенно растерялся и бездействовал, хотя крепость имела 40 орудий. Шведы заклепали все крепостные орудия, сожгли три казенных магазина и несколько купеческих судов, стоявших в бухте, захватили большое количество пороха, свинца и других припасов. Кроме того, жители города заплатили 4000 рублей контрибуции с условием, чтобы шведы не трогали частного имущества. На другой день в 9 часов утра шведы покинули Балтийский порт.

Возникает вопрос, а как вели себя в это время каторжники? Ведь они могли быть свидетелями происходивших событий, и, кто знает, может быть, в связи с этим у них появилась надежда на спасение.

На многие вопросы ответов еще нет. Поэтому специалистам нужно еще не один раз побывать в Тартуском и других архивах, внимательнейшим образом изучить имеющийся материал и новые фонды. Упорная, кропотливая работа поможет нам узнать новые подробности пребывания пугачевцев на каторге в Рогервике.

Нельзя не остановиться еще на одном очень важном моменте.

После того, как были опубликованы эти документы, казалось не может быть сомнения в том, что Салават Юлаев умер естественной смертью. Однако, некоторые авторы в популярных публикациях высказали предположение о самоубийстве Салавата, приводя в качестве доказательства... рапорт о смерти Канзафара Усаева! Аргументация их заключается в следующем. В рапорте о смерти Канзафара Усаева имеется выражение: «...по старости лет волею божею умре», а в

рапорте о кончине Салавата Юлаева такая фраза отсутствует. Следовательно, по мнению таких авторов, раз Салават умер не по «воле божей», то с ним что-то случилось. Эти предположения лишены каких-либо оснований. Дело в том, что рапорты о смерти Салавата Юлаева и Канзафара Усаева написаны разными людьми и в разное время, что, безусловно, не дает права проводить между ними параллели и делать столь неубедительные выводы. Заметим, что ни в одной научной публикации последнего времени не высказалась мысль о самоубийстве Салавата. Приведу лишь один пример: «Версия о самоубийстве Салавата Юлаева давно уже распространяемая популярной литературой, в свете публикуемых рапортов Дитмара не имеет под собой какой-либо реальной почвы. Рапорты эти не отмечают каких-либо чрезвычайных обстоятельств, связанных со смертью Салавата Юлаева, она просто фиксируется как вполне заурядный факт» (Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов. Уфа, 1975, с. 431).

* * *

Весной 1981 г. мне удалось наконец побывать в тех местах, где Салават пробыл последние 25 лет, где находится его безызвестная могила. Немногим более часа на электричке занял путь от Таллина до Палдиски. С большим волнением ступил я на землю, куда более 200 лет назад были доставлены вечные каторжники Салават и его отец и где уже находились видные сподвижники Пугачева: М. Горшков, И. Ульянов, Д. Караваев, И. Почиталин, Канзафар Усаев и другие. С первых шагов глаза невольно ищут старину, то что было при нем. Но старых строений пока почти не видно: город состоит из новых современных домов, лишь

слева, недалеко от берега моря, две старые церкви, вернее оставшиеся каменные коробки. Одна из них — Георгиевская — была построена еще в 1787 г., то есть еще при жизни Салавата. Облицовка кое-где отвалилась, обнажив крепкую кладку из крупного темно-серого ноздреватого камня.

Председатель горисполкома Татьяна Антоновна Рыбакова приветливо встретила меня:

— Раз Вы из Башкирии, то, наверное, приехали к нам в связи с Салаватом Юлаевым. Чем можем помочь?

Прошу познакомить меня с кем-нибудь, кто мог бы быть экскурсоводом, рассказать о Палдиски, показать места, связанные с историей города.

— Я вас познакомлю с Зинаидой Ильиничной Карповой — организатором внеклассной и внешкольной работы нашей школы, она все покажет и расскажет. Со временем мы собираемся организовать краеведческий музей в Георгиевской церкви, но необходимы большие реставрационные работы. Пока же краеведы, в основном юные, у нас при школе.

Зинаида Ильинична Карпова оказалась человеком очень энергичным, знающим и любящим свой город. Математик по профессии, в душе, как мне кажется, она была краеведом и патриотом своего края. Мы направились в школу. Сделав небольшой крюк, мы подошли к красивому особняку, выделявшемуся оригинальностью постройки.

— Это, — сказала Зинаида Ильинична, — дом известного эстонского архитектора Адамсона. Он здесь родился в 1855 г., учился в Петербурге. Его произведения широко известны: в Таллине памятник погибшим морякам броненосца «Русалка», в Севастополе памятник затоплению кораблей Черноморской эскадры во время Крымской войны. После смерти Адамсона в 1929 году здесь живет его, теперь уже очень

старенькая дочь. Ребята из школы взяли над ней шефство: ухаживают за садом, помогают по хозяйству.

В школе, в пионерской комнате, я был приятно удивлен, увидев стенды, посвященные Салавату Юлаеву и Александру Матросову, книгу «Наш Салават».

Зинаида Ильинична познакомила меня с преподавателем истории Валентиной Ивановной Волковой и химиком Александром Гербертовичем Трубергом.

— Это наши молодые преподаватели — энтузиасты краеведения, тем более, что Александр Гербертович коренной житель Палдиски.

Мне показали пока еще немногочисленные материалы по истории края. Фотокопия картины «Уездный город Балтийский порт в 1789 году»: бухта, на берегу несколько каменных домов, Георгиевская церковь, причал для кораблей, каменистый берег, несколько огромных валунов, по поверхности воды скользят лодки. В правом нижнем углу картины — герб города: на серебряном фоне изображен красный мол и синее море. Таким город был при Салавате.

Еще несколько фотокопий и фотографий старого и современного города, его окрестностей. Интересуюсь не сохранились ли какие предания о Салавате.

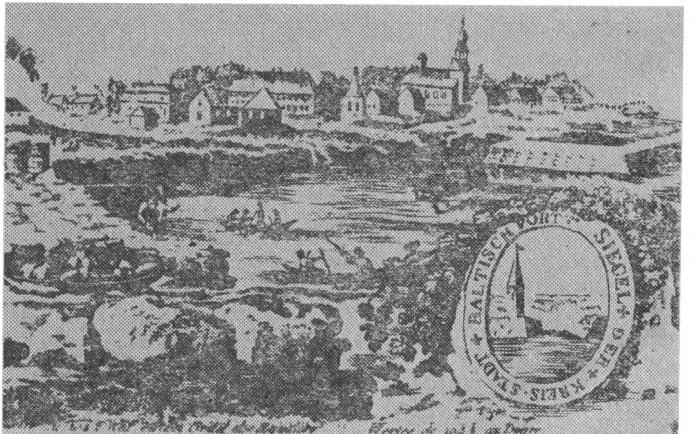
— Почти нет, — отвечает Александр Гербертович, — да это и естественно, так как поселок эстонских рыбаков, где могли что-то помнить, находившийся около Палдиски, давно обосновался на новом более благоприятном в климатическом отношении месте: там меньше дуют ветры и теплее. Но все же у нас рассказывают, что Салават каждый день выходил на берег моря и пел.

— К сожалению, — говорит Валентина Ивановна, — мы еще мало знаем о Салавате Юлаеве, о Башкирии. Было бы очень хорошо завести переписку со школьниками из Башкирии.

Я рассказал о школе-интернате райцентра Салаватского района с. Малояз, где организован очень хороший музей, и обещал сообщить ребятам с родины Салавата о желании школьников из Палдиски переписываться с ними.

После этого мы с Зинаидой Ильиничной отправились знакомиться с городом. Прежде всего наш путь лежал к улице, носящей имя Салавата. Небольшая улица, небольшой деревянный дом. Это чуть ли не единственное одноэтажное строение: улица застраивается современными пятиэтажными домами. На доме табличка на эстонском и русском языках «Улица Салавата Юлаева».

Спускаемся к морю, идем вдоль побережья. Изредка попадаются старые строения, иногда только остатки фундамента. Поднимаемся в гору. А вот и карьер. Здесь каторжане ломали камень, из которого сооружался мол. Однако этот неимоверно тяжелый труд,



Baltischport als Kreisstadt im Jahre 1789.
Уѣздный городъ Вольт Портъ въ 1789 году.

по существу, был бесполезен: бурное море за несколько часов разрушало то, что создавалось месяцами. Сейчас остатки этого мола почти незаметны. Карьер огромен. Он давно заброшен, порос кустарником.

— Здесь, — говорит Зинаида Ильинична, — мы проводим различные игры, устраиваем походы.

Да. Территория подходящая! Исследователь этих мест Н. В. Тарасов в книге «Балтийский порт», вышедшей в 1941 г., высказал предположение, что кладбища арестантов находились за городом, где грунт значительно мягче, чем каменистая земля городской территории. Может быть, где-то там и был похоронен Салават. Но сейчас никто из жителей не знает, где были эти кладбища, документальные свидетельства тоже отсутствуют...

Один конец карьера выходит почти к морю. Я постоял на берегу, подобрал несколько камешков. Дул пронизывающий ветер, снежная мгла закрыла город. Такая погода здесь не редкость. Так было, наверное, и двести лет назад...

1973, 1981 *Таллин — Тарту — Палдиски*

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САЛАВАТА ЮЛАЕВА *

1752 (1754) г.	В семье старшины Шайтан-Кудейского юрта (волости) Уфимской провинции (ныне Салаватский район Башкирской АССР Юлая Азналина родился сын Салават.
1772 г.	Салават Юлаев временно исполнял обязанности старшины, заменяя отца, находившегося в польском походе.
октябрь 1773 г.	Выполняя распоряжение Уфимской провинциальной канцелярии, Юлай Азналин отправляет отряд конников (около ста человек) под командой Салавата в район Стерлитамакской пристани, где формируется сводный отряд (около 2000 чел.). Под командованием князя Уракова этот отряд направляется к деревне Биккулово (в 70 верстах от Оренбурга) в распоряжение генерала Кара для помощи Оренбургу и подавления пугачевского восстания. Салават Юлаев со своим отрядом переходит на сторону Пугачева.

* Составил В. В. Сидоров.

ноябрь 1773 г.	За храбрость, смелость, умелые военные действия под Оренбургом Салавату пожалован чин полковника. После этого он направляется Пугачевым в район Сибирской дороги собирать новые силы для участия в восстании.
25 декабря 1773 г.	Отряды Салавата Юлаева занимают Сарапул.
январь 1774 г.	Взятие отрядами Салавата Юлаева Красноуфимска, который стал одним из опорных пунктов восставших в Башкирии. Осада Кунгура. Здесь во время одного из боев Салават был ранен и отправлен на излечение к себе на родину.
февраль—март 1774 г.	Новые сражения отрядов Салавата в районе Красноуфимска и Кунгура.
апрель—май 1774 г.	Вместе со своим отцом Салават действует в районе Сима-Катава. Около деревни Ералы Михельсон разбивает войско Салавата. Отступая, Салават сжигает Симский завод, но перед сожжением, избегая лишних жертв, «жителей тамошних, выведя всех в степь, отпустили».
2 июня 1774 г.	Около д. Верхние Киги состоялась встреча Салавата Юлаева с Пугачевым. Впоследствии об этой встрече Пугачев показал на допросе, что когда он «пришел в башкирские селения, нашел стоящих на конях башкирцев до трех тысяч человек» под командованием Салавата Юлаева. Подъехав к Пугачеву, Салават сказал: «Это стоит наше башкирское войско и мы дожидаемся ваше величество».
3 июня 1774 г.	Генеральное сражение в районе Кигов войск Михельсона с Пугачевым. В этом бою Салават был снова ранен, однако продолжал руководить боевыми действиями.

18 июня 1774 г.	Совместно с основной группой войск Пугачева Салават принимает участие в штурме Осинской крепости. Во время боев под Осой снова получает ранение и отпускается Пугачевым «для лечения».
август—октябрь 1774 г.	Ожесточенные сражения между царскими войсками и повстанцами, руководимыми Салаватом и его отцом Юлаем, на территории Сибирской и Осинской дорог.
25 ноября 1774 г.	В лесах Кара-тау (на территории современного Салаватского района БАССР) отряд поручика Лесковского, посланный подполковником Аршеневским, окружил и взял в плен Салавата Юлаева.
декабрь 1774 г.	Салавата и Юлая направляют в Казань в Секретную комиссию.
13 февраля 1775 г.	Вместе с Юлаем Салават отправлен из Казани в Москву для допроса в Тайной экспедиции.
25 февраля 1775 г.	Первый допрос в Москве.
17 марта 1775 г.	Салавата и Юлая отправляют из Москвы в распоряжение Оренбургского губернатора Рейнсдорпа.
16 апреля 1775 г.	Прибытие в Оренбург.
23 апреля 1775 г.	Отправление в распоряжение Уфимской провинциальной канцелярии.
1 мая 1775 г.	В Уфимской провинциальной канцелярии закончено следствие по делу Салавата и Юлая Азналина.
15 июля 1775 г.	Утверждение приговора Рейнсдорпом.
август—сентябрь 1775 г.	Проведение экзекуции над Салаватом и Юлаем (наказание кнутом, вырывание ноздрей и клеймение).
3 октября 1775 г.	Салавата и Юлая под усиленным конвоем отправляют из Уфы на каторгу.
29 ноября 1775 г.	Прибытие на каторгу в Рогервик (Балтийский порт).
26 сентября 1800 г.	Смерть Салавата Юлаева

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о Салавате (Мустай Карим) 5

...И ПЕСНЯ — МЕТКАЯ СТРЕЛА

Салават Юлаев

Мой Урал. Перевел Б. Турганов 10
Родная страна. Перевел Б. Турганов 13
Битва. Перевел. Б. Турганов 14
Юноше-воину. Перевел Б. Турганов 16
Стрела. Перевел. Б. Турганов. 17
Мой кош. Перевел. Б. Турганов 18
Зюлейха. Перевел Б. Турганов 19
Соловей. Перевел. Б. Турганов 20

ДУША НАРОДНАЯ ХРАНИТ...

Салават (кубаир). Перевел Г. Шафиков 23
Салават (песня). Перевел Г. Шафиков 24
Салават наш был герой *(русская народная песня)* 26
Пугачевский клад *(уральская песня)* 28

ПУГАЧЕВСКИЙ БРИГАДИР

А. Пушкин
История Пугачева *(отрывки)* 32
Р. Игнатьев
Песня о батыре Салавате 34

Ф. Нефедов
Салават, башкирский батыр *(отрывки)* 38
В горах и степях Башкирии *(отрывок)* 53

М. Лоссиевский
Пугачевский бригадир Салават и Фариза 54

Р. Игнатьев
Пугачевский бригадир, певец и импровизатор 62

ПОЭТЫ О БАТЫРЕ-ПЕВЦЕ

Демьян Бедный
«Дикая Башкирия» *(отрывок)* 89

Шайхзада Бабич
Салават-батыр. Перевел Ю. Андрианов 90

Рашит Нигмати
Салават. Перевел Б. Турганов 91

Александр Ромм
Дорога в Бикзян *(отрывок из поэмы)* 92

Баязит Бикбай
Салават *(отрывок из драматической поэмы)* Перевела
Т. Стрешнева 96

Яков Ухсай
Салават зовет к борьбе *(отрывок из трагедии «Тудимир»).*
Перевел с чувашского Г. Шафиков 100

Максюд Сюндюкле
Встреча в Берде *(отрывок из поэмы «Салават»).* Перевел
Б. Романов 102

Ханиф Карим
Баллада о Салавате. Перевел Н. Милованов . . . 104

Михаил Дудин
Степь *(отрывок)* 106
Семья *(отрывок)* 107

Мустай Карим
Салават *(отрывок из драматической поэмы)*
Перевел Я. Козловский 108

Михаил Львов
Соловьи Салавата 155

Хаким Гиляжев
Три села. Перевел Б. Турганов 157

Хасан Туфан
Салавату сколько лет? Перевел с татарского Г. Шафиков 159
Назар Наджми
Два всадника. Перевела Е. Николаевская . . . 162
Сырбай Мауленов
Думы на рассвете. Перевел с казахского Г. Шафиков . 164
Муса Гали
Звезды горят над тобой, Салават. Перевела И. Снегова 166
Валентин Сорокин
Батыр *(отрывок из поэмы)* 168
Гилемдар Рамазанов
Баллада о возвращении Салавата. Перевел В. Виноградов 171
Геннадий Молодцов
Песня Салавата 173
Абдулхак Игебаев
Монолог города Салавата. Перевел А. Филиппов . . 176
Гайнан Амири
Завет Салавата *(отрывок из поэмы)* Перевел В. Краско 179
Александр Филиппов
Поэт и конник *(отрывок из поэмы)* 185
Катиба Киньябулатова
Баллада о Салавате. Перевела Н. Матвеева . . . 187
Асхаль Ахметкужин
«Мой Салават...» Перевел Д. Даминов 191
Якуб Кулмый
Бессмертный Салават. Перевел Б. Романов . . . 193
Ирек Киньябулатов
Возвращение. Перевел Г. Шафиков 195

ГЕРОЯ ЭПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ

А. Кожевников
Золотая колытьба *(отрывки)* 199
Д. Лебедев
Домик на Сакмаре *(отрывки)* 218
С. Злобин
Салават Юлаев *(отрывки)* 223
В. Шишков
Емельян Пугачев *(Отрывки)* 269

П. Бажов
Старых гор подаренье *(отрывок)* 282

Е. Федоров
Каменный пояс *(отрывки)* 288

Н. Задорнов
Могусюмка и Гурьяныч *(отрывок)* 296

К. Симонов
В Башкирской дивизии *(отрывок)* 298

И. Эренбург
Башкиры *(Отрывок)* 300

А. Коптяева
Люблю тебя, Башкирия (отрывки) 302
По следам Салавата *(В. Сидоров)* 305
Основные даты жизни и деятельности Салавата Юлаева . 330

Коллектив авторов

НАШ САЛАВАТ

Оформление *В. Дианова и В. Рудакова*
Обложка *А. Королевского*

Редактор Ю. Андрианов.
Художественный редактор И. Файрушин.
Технический редактор Г. Даутова.
Корректоры Т. Горяйнова, В. Тимофеева.

Сдано в набор 20. 09. 81. Подписано к печати 26. 11 81. Формат $70\times108^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,7. Усл. кр.-отт. 14,83. Учетн.-изд. л. 12,07. Заказ № 275. Тираж 50 000 экз. П03673. Цена 95 коп.

Башкирское книжное издательство, Уфа-25,
ул. Советская, 18. Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата
Башкирской АССР.
Уфа-1, Проспект Октября, 2.